

опасностях. В таких случаях, несмотря на достаточное количество годных для военной службы людей, все же ощущался недостаток в добровольцах, так что вербовка производилась, как в XVIII столетии, в порядке применения большего или меньшего насилия, в результате чего завербованные старались уклониться от военной службы, прибегая к членовредительству.

В общем необходимо признать, что преобладала вербовка, причем с военной точки зрения чрезвычайно важно установить этот факт, потому что в противном случае было бы непонятно, каким образом римские войска вообще могли что-либо совершать. Призванных или принудительно завербованных солдат можно использовать лишь в очень хорошо дисциплинированных войсковых частях с постоянными кадрами. Но римские легионы этой эпохи уже, конечно, не обладали этими свойствами. Этих людей можно было использовать в качестве более или менее пригодных солдат лишь в том случае, если они шли на военную службу добровольно, избрав эту профессию и побуждаемые к этому естественным инстинктом и стремлением к военной жизни. Таким образом, фактически солдат вербовали, хотя формально сохраняли порядок поставки рекрут поссессорами, как для того, чтобы облегчить процесс вербовки и сделать его более деловым для государства, так особенно для того (и это случалось очень часто), чтобы обязанность поставки рекрут превратить в денежную повинность, которая иногда разрешалась, но часто прямо-таки предписывалась. В 406 г. государство, находясь в очень тяжелом положении, непосредственно вербовало солдат и предлагало сперва 3, а затем 10 солидов (золотых) в качестве задатка. Даже рабам, согласившимся поступить на военную службу, была обещана свобода, и, помимо того, им были пожалованы 2 солида на дорогу (прогонные, дорожные, «пыльные» деньги — *pulveraticum*)¹. Для поссессоров выкуп за рекрута оценивался в 30, а иногда в 25 солидов, причем эту повинность иногда делили между собой несколько землевладельцев².

ОТНОСИТЕЛЬНО ВЕГЕЦИЯ

Касаясь истории римского военного дела в IV столетии, я совершенно обошел те факты, которые описаны Вегецием в 20-й главе его книги. Рюстов в своей «Истории пехоты» (т. I, стр. 52) использовал их, так же как и ряд других. Но если внимательнее вдуматься в его описание, то придется сделать из него тот вывод, что все эти якобы существовавшие явления совершенно невозможны. Вегеций утверждает, что римская пехота вплоть до эпохи Грациана была снабжена панцирями и шлемами, но что впоследствии войны перестали носить это предохранительное вооружение, так как оно стало казаться слишком тяжелым для недисциплинированных солдат. Какой же вид должна была приобрести римская пехота без этого предохранительного вооружения? Разве римлянами стали пользоваться лишь как легковооруженными войсками? Это невозможно, так как труднее хорошо обучить стрелка из лука, копьеметателя, или пельтаста, нежели гоплита. Но не было таких гоплитов, которые не имели бы предохранительного вооружения. Я считаю, что все это описание является лишним доказательством того, что Вегеций был литератором, оторванным от жизни, писавшим свой труд на основании научных источников и черпавшим свои сведения по-наслышке. Единственный вывод, который можно было бы сделать из его описания, это тот, что в ту эпоху уже совершенно не было настоящих

¹ Cod. Theodosianus, VII, tit. XIII, 16, 17.

² Соответствующие постановления находятся в цитированных статьях Кодекса Феодосия. Здесь нет надобности входить в отдельные подробности. Я считаю своим долгом выразить здесь свою благодарность моим коллегам О. Хиршфельду и Э. Зекелю за ту помощь, которую они мне оказали при исследовании мною этих вопросов, которое я произвел в целях самообразования, что, впрочем, мне вообще пришлось делать неоднократно для получения выводов, изложенных в этой главе.

римских солдат и что государство держало у себя на военной службе одних лишь варваров. То, что сообщает Вегеций, — лишь пустая услышанная им болтовня. Это подтверждается отдельными чертами его описания. С гневом и печалью пишет он о том, как ничем не защищенные римляне попадали под удары готов. И при натиске готов римляне гибли не от копий, мечей или топоров, но под градом их стрел. И опять-таки, говоря о недостатке в вооружении, он имеет в виду не римских гоплитов, но стрелков из лука, которые непременно должны иметь шлем и панцырь, так как они не могут держать щит. Здесь, как видно, перепутываются между собой все эти понятия и факты. Поэтому все это описание следует отвергнуть, как не имеющее никакой цены.

Ко второму изданию. В этом издании обе главы об императорском римском войске и об его окончательном разложении были существенным образом дополнены на основании неоднократно цитированных исследований Домашевского. Однако, я должен высказаться против мнения этого заслуженного автора относительно факта упадка. Домашевский считает причинами гибели Римской империи не крупные объективные причины и перемены, но личные ошибки некоторых императоров, а именно Септимия Севера и его династии. Он пишет¹, что Август разоружил гражданское население ради безопасности принцепса и что последствия этой военной системы привели, наконец, государство к гибели. Против этого следует возразить, что не принцепс разоружил граждан, но что, наоборот, постепенно происходившее после Второй пунической войны разоружение граждан вызвало необходимость создания профессионального войска и создало то войско, которое наконец, в свою очередь вызвало к жизни власть принцепса. Август сохранил постоянную профессиональную армию не ради своей личной безопасности, как думает Макс Вебер², и не ради посессоров и арендаторов доменов, но ради государственных нужд. Иначе как же можно было бы при помощи одного лишь гражданского ополчения удержать в своей власти и в своем повиновении насильственно покоренные провинции и защищать границы культурного мира от натиска диких германцев?

Домашевский считает, что постоянный рост военных повинностей, высосавших весь сок из государства, явился губительным следствием системы Августа. Выше (стр. 136) мы видели, что рост военных повинностей был уже не так велик, как это могло бы показаться, судя по размеру денежных сумм. Но если мы даже и будем считать повышение солдатского жалованья абсолютным и вполне реальным, то все же оно явилось не в результате военной системы, но было следствием политической структуры государства, которая ставила назначение и существование главы государства в зависимость от армии, что представляло армии случай и давало возможность к вымогательствам, которые шли все дальше и дальше. Это видно из аналогии между английской и римской армиями, которую проводит Домашевский. В Англии нельзя найти этих губительных следствий военной системы, потому что политическая структура английского государства совершенно иная. Домашевский называет повышение жалованья солдатам, произведенное Септимием Севером и вслед за ним его сыном Каракаллой (с 500 до 750 денариев годового оклада), «преступным» и «безбожным». Вследствие этого безгранично распоясалась жадность и хищность солдат, среди которых уже без того главенствовал варварский элемент, так что некогда гордое войско, совершенно потерявшее всякую дисциплину, стало внушать ужас собственной стране, вызывая лишь насмешки со стороны врагов³. Сам Септимий Север был плохим полководцем, который обеспечил себе верность своих солдат лишь при помощи постоянных подкупов армии, безграничных денежных раздач и

¹ «Neue Heidelberger Jahrbücher», X, 240.

² «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», I, S. 180.

³ «Die Rangordnung des römischen Heeres», S. 196.

не менее безграничных повышений солдатского жалованья. Каракалла, следуя примеру своего отца, закрепил на целое столетие состояние финансового банкротства государства¹. Принципат рухнул, так как вредоносное правление восточной династии подрыло его основы².

Против этого следует возразить, что Септимий Север, как это устанавливает сам Домашевский³, снова сумел утвердить свою власть над своими наемниками и поставить границы их жадности. Если это удалось Северу, так же как удалось и Августу, то историческая проблема здесь заключается именно в том, почему это не удалось впоследствии. Весьма возможно, что повышение жалованья, произведенное Каракаллой для того, чтобы привязать к себе войска после убийства брата и искупить это преступление, превысило хозяйственные силы государства. Но если, исходя из этого, Домашевский считает, что государство погибло «без надежды на спасение», то позволительно спросить: почему же «без надежды на спасение»? И прежние императоры во время политических кризисов раздавали чудовищные суммы солдатам, чтобы привлечь их на свою сторону. Так, например, поступил Тиберий после казни Сеяна. Подобная отдельная ошибка, заключающаяся в том, что император однажды подарил или обещал солдатам больше того, что могла предоставить государственная казна, еще не приводит к гибели мировую империю. А дисциплину в войсках, состоявших из наемников, всегда можно было заново восстановить даже после самых тяжелых потрясений, если бы только во главе войска стоял полководец с бесспорным и непоколебленным авторитетом, а военное казначейство имело бы возможность регулярно выплачивать необходимые средства. Поэтому причину падения римской военной дисциплины и вследствие этого гибели Римской империи следует искать не в отдельных поступках и ошибках императоров из династии Северов, а в отсутствии соответствующих полководцев и недостаточности средств, что, впрочем, вытекает из сказанного нами выше.

Макс Вебер в своей «Римской аграрной истории», а также в статье, напечатанной в «Истине» (т. 6, № 3, Штутгарт 1896) под заглавием «Социальные причины гибели античной культуры» и являющейся дополнением к названному труду, выступил с собственной теорией гибели Римской империи. Вебер придает особое значение тому факту, что римский мир необычайно расширился, вобрав в себя большие материковые страны — Испанию, Галлию, Иллирию и придунайские области. Благодаря этому центр тяжести главной массы населения передвинулся в глубину материка, а античная культура сделала попытку изменить арену своего действия и из береговой культуры превратиться в материковую. «Она распространилась на столь чудовищную по размерам хозяйственную область, которая даже в течение столетий не могла быть охвачена товарным движением и денежным обращением в такой степени, в какой это было на побережье Средиземного моря». Движение товаров во внутренних областях было настолько трудным и незначительным, что экономика застряла и должна была застрять на стадии почти неподвижного натурального хозяйства.

Совершенно ясно, что есть некоторая доля истины в противопоставлении береговой торговли материковой, но также ясно и то, что эта антитеза излишне преувеличена и уже искажает истинное положение вещей. Действительно, античная культура главным образом, но все же не целиком, основывалась на морской торговле. Город, игравший такую крупную роль в преданиях и в истории Греции, как Фивы, и второй город в Италии после Рима Капуя были материковыми городами. Наоборот, втянутые в сферу Римской империи, — как это следует отметить, не

¹ «Rheinisches Museum», 53, 639.

² «Rheinisches Museum», 58, 218. Слегка противоречит этому то обстоятельство, что Домашевский (Domaszewski, «N. Heidelberg. Jahrb.», X, 235) называет Септимия Севера «великим государственным человеком».

³ «Neue Heidelberger Jahrbücher», X, 233, 235.

в эпоху поздней империи, но уже с III в. н. э., — так называемые материковые области все же обладали настолько развитой материковой культурой, что не может быть и речи о перенесении центра тяжести главной массы населения вглубь материка, в особенности если мы присоединим к ним Британию с ее береговым развитием, которую Вебер совершенно обошел. И, пожалуй, мы придадим этому меньше всего значения, если примем во внимание, что через эти страны протекают судоходные реки, которые со всеми своими разветвлениями были использованы древними вплоть до малейших притоков. Поэтому морские торговые пути вряд ли имели перед ними какие-либо особые преимущества. Да и помимо этого, для перевозки товаров пользовались прекрасными римскими военными дорогами. Выше (на стр. 176), полемизируя с Вебером, я привел свидетельство, подтверждающее этот факт.

Далее Вебер считает, что переселение в провинцию крупных землевладельцев, которые раньше жили в городах, не вызывало расширения и усиления хозяйственной жизни, как я это установил выше, но являлось причиной ее ослабления, так как вследствие этого города понесли большой ущерб, а появление новых господских усадеб, где доходы имений потреблялись на месте, указывало на переход от денежного хозяйства к натуральному. «Этот упадок городов усиливался государственной финансовой политикой: и она также становилась все более и более натурально-хозяйственной, а фиск — «ойкосом», потребности которого удовлетворялись по возможности минимально на рынке и по возможности максимально из собственных ресурсов, что, однако, задерживало процесс образования капиталов (денежных состояний — Geldvermögen)».

Но тогда позволительно поставить вопрос: почему же фиск перешел к натуральному хозяйству? Именно для фиска и бюрократии денежное хозяйство обладает неопределимыми преимуществами по сравнению с натуральным. В течение всей всемирной истории бюрократия всегда и всюду стремилась к тому, чтобы освободиться от натурального хозяйства и перейти к денежному. Бюрократия и денежное хозяйство связаны между собой так же крепко, как связан феодализм с натуральным хозяйством. Каждое исключение из этого правила, конечно, объясняется лишь крайней необходимостью. Чем же объяснить, что римская бюрократия стала вдруг обнаруживать такое пристрастие к натуральному хозяйству? Совершенно ясно, что в данном случае Вебер недостаточно проанализировал взаимодействие причины и следствия и что не бюрократия задержала развитие денежного хозяйства при помощи создания и поощрения натурального хозяйства, но что, наоборот, денежное хозяйство, стесненное по каким-либо причинам в своем развитии, принудило бюрократию перейти к натуральному хозяйству. Все эти наблюдения настолько ясны и очевидны, что я в первом издании своего труда не считал нужным касаться этого вопроса и опровергать точку зрения Вебера, прибегая к бесспорным аргументам. Но я должен вернуться к этому вопросу, так как Вебер снова выдвинул свою теорию в несколько измененной форме в статье «Аграрная история» в 3-м издании «Справочника социально-политических наук» («Handbuch für Staatswissenschaften») Конрада и, таким образом, отклонил и стал опровергать мои выводы, которые были мною здесь приведены выше.

Вебер твердо стоит за антитезу между береговыми странами, обладающими развитой торговлей, и внутренними областями с незначительной торговлей.

Он полагает (стр. 180), что за время, протекшее от Гракхов до Каракаллы, торговля в абсолютном отношении, разумеется, сильно возросла, но что этот рост по отношению к расширению культурного мира был все же не слишком большим. «В прибрежных странах, — пишет он, — продукты и одежда, необходимые для рабов в больших ойкосах, приобретались на рынке. Рабы или колонии помещика внутри страны жили, разумеется, в условиях натурального хозяйства. Лишь тонкий правящий слой обладал здесь потребностями, которые давали повод к покупкам и удовлетворялись посредством продажи избытков от доходов с имения. Эта торговля —

лишь тонкая сетка, покрывавшая прочную базу натурального хозяйства. С другой же стороны, массы населения больших городов снабжались продуктами не посредством частной торговли, а при помощи аппарата государственного снабжения». Этот взгляд доказывается Вебером посредством ряда цитат, взятых из римских писателей, писавших по вопросам сельского хозяйства,— из Катона, Варрона и Колумеллы.

Прежде всего следует указать на то, что все эти цитаты неправильно применены. Согласно Веберу, они должны доказать, что путям не придавалось никакого особенного значения. На самом же деле они доказывают обратное. Катон требует («De re rust.», сар. 1), чтобы имение находилось по возможности у подножия горы, чтобы оно было обращено к югу, находилось бы в здоровой местности, где можно было бы достать рабочих и хорошую воду и где поблизости находились бы значительный город, или море, или судоходная река, или же хорошая оживленная дорога. Таким образом, здесь имеется прямое указание на значение путей сообщения. И если Вебер хочет ослабить значение этого свидетельства, указывая, что Катон ставит это требование в связи с возможностью достать рабочих во время сбора урожая, то на это следует возразить, что в тексте нет даже малейшего указания на такого рода связь. Это добавление сделано Вебером совершенно произвольно.

Вебер говорит, что Варрон исчислял ренту имения, находившегося у моря, по отношению к имению, лежавшему внутри страны, устанавливая между ними пропорцию 5:1. На самом же деле Варрон говорит (III, гл. 2) об определенном имении, находившемся в Албанском округе, в котором успешно разводились птица, рыба и пр. для экспорта в Рим, а именно — что оно давало бы в пять раз большую ренту, если бы его можно было расположить где-нибудь возле моря. Так как албанское поле находилось ровно в трех милях от ворот Рима по Аппиевой дороге, то совершенно ясно, что море упомянуто здесь в этой связи не вследствие своих лучших транспортных условий, но в связи с разведением рыбы.

Наконец, относительно Колумеллы Вебер утверждает, что хотя он и считает море и большие реки выгодными для торгового обмена, но признает нежелательной близость больших дорог, так как на них обычно водятся бродяги и сопутствующие им паразиты. Совершенно правильно, что Колумелла в приведенной Вебером цитате (I, гл. 5) упоминает об этих хорошо известных неудобствах, связанных с непосредственной близостью к большим военным дорогам. Но в другом месте он говорит, что большое значение имеют для имения, наряду с плодородием почвы и здоровой местностью, дорога, вода и сосед, а затем подробно описывает преимущество хорошего пути «в отношении необходимого ввоза и вывоза хозяйственного инвентаря; хороший путь увеличивает цену заготовленных продуктов и уменьшает издержки по доставке предметов, которые привозятся по тем более низкой цене, чем меньше усилий требуется затрачивать для их доставки. И ничего не стоит даже маленькому (человеку) везти, если путь совершаешь при помощи вьючного скота, что более выгодно, чем держать у себя».

Говоря о теории Вебера, следует к тому же отметить, что «государственное снабжение» имелось лишь в Риме. Хотя торговля зерном в муниципальных городах и не была целиком предоставлена частной спекуляции, а находилась под наблюдением и под опекой городских общественных должностных лиц, но все же, без всякого сомнения, это были по существу частные предприятия, и даже для Рима эта возможность не была совершенно исключенной¹.

Далее, неправильно, что колонны внутри страны жили в условиях чистого натурального хозяйства. Они в некоторой, — конечно, небольшой — степени нуждались в изделиях ремесла и имели некоторые небольшие культурные потребности, так же как и крепостные крестьяне эпохи Средневековья. Даже в самых бедных хижинах

¹ Hirschfeld. «Philologus», Bd. 29, S. 23 ff.

не могло не быть нескольких сосудов и орудий, сделанных из глины и железа, и нескольких пестрых платков и украшений, которые в значительном большинстве случаев не изготовлялись на господском дворе, но доставлялись из города. Это вытекает из факта существования многочисленных мелких и средних городов, которые нуждались в розничном снабжении сельскохозяйственными продуктами и оплачивали эти продукты ремесленными изделиями. Эти хозяйственные отношения, как мы это видим в эпоху Средних веков, могли существовать даже в эпоху преобладания натурального хозяйства. Однако, следует помнить, что здесь дело идет не об абсолютных противоположностях, но лишь об относительных, и что в эпоху позднего Средневековья и расцвета городов денежно-хозяйственный элемент непрерывно возрастал, усиливался и уже играл довольно значительную роль. Изучая римскую налоговую систему, мы можем с уверенностью сделать вывод, что в Римской империи этот денежно-хозяйственный момент был столь же значителен, как и в позднее Средневековье, а может быть, даже играл еще более крупную роль. Налоги на торговлю, подушная и поземельная подати немислимы, если колон не продает торговцу или на городском рынке часть своих продуктов. При этом следует принять во внимание, что колонны ни в каком случае не должны были выполнять своим господам одни лишь натуральные повинности и нести одну лишь барщину, но должны были также выплачивать денежную аренду. Еще в I столетии н. э. они платили свою аренду исключительно деньгами, и если во II в. наряду с этим появляется также и частичная аренда, то это, может быть, уже стоит в связи со все возрастающим недостатком в наличных деньгах. И опять-таки в Африке, которая, как и Италия, относится к типу береговых культур, с самого начала господствовала частичная аренда. Как бы то ни было, но тот налог, который надо было выплачивать государству, уже вызывал необходимость оживленной торговли. Нет никакого сомнения в том, что из года в год большое количество денег текло из всех провинций в Рим и в лагери легионов и, постепенно обмениваясь на товары, текло оттуда обратно в провинции. Это было бы невозможно, если бы не было весьма оживленного торгового обмена как внутри страны, так и на побережьях.

Означало ли частичное переселение аристократических семей из городов в провинцию увеличение или уменьшение торговли в целом, зависит не только от одного этого факта, но также и от всей природы хозяйственной жизни в целом. Каждая помещичья усадьба в провинции являлась новым маленьким культурным центром. Благодаря этому во многих отношениях сберегались средства, пробуждались новые продуктивные силы и создавались новые торговые потребности, так что город ни в каком случае не терял того, что приобретала деревня. Надо, по крайней мере, доказать, что именно так происходило в Римской империи.

Наконец, как кажется, теперь даже сам Вебер отказался от своего взгляда, что бюрократия как таковая тяготела к натуральному хозяйству и потому задерживала развитие денежного обращения. Прямое влияние он теперь заменил косвенным. Бюрократия, говорит Вебер, задушила капитализм. Античный капитализм был построен на политической базе: это — массы рабов, которые поставлялись из военнопленных, торговые операции с государством, откупа и поставки. Империя, во-первых, принесла с собой мир и тем самым остановила доставку рабов, а во-вторых, создала чиновничью иерархию, которая взяла у капиталистов их предприятия и стала ими самостоятельно управлять. Таким образом, крупных негодантов, несмотря на рост денежного хозяйства вплоть до эпохи Марка Аврелия, стали заменять мелкие торговцы и ремесленники, подобно тому как в сельском хозяйстве вместо рабовладельческих плантаций стали появляться мелкие арендаторы — колонны.

Но это все еще, очевидно, не симптомы хозяйственного упадка; напротив, здесь можно видеть во многих отношениях факт крупного прогресса и роста. Вебер, однако, приходит к противоположному выводу, говоря (стр. 182):

«Бюрократический строй убивал каждую — как политическую, так и экономическую — инициативу подданных, которая не имела соответствующих шансов для своего развития».

Совсем не так легко следовать за этим ходом мыслей, так как одно сальто-мортале следует за другим: бюрократия, убивая политическую инициативу граждан, убивала также и экономическую их инициативу; бюрократия, ограничивая капитализм вообще, убивала экономическую инициативу; уничтожение экономической инициативы граждан разрушило хозяйство, превратив денежное хозяйство в натуральное. Но последним звеном в этой цепи является гибель античной культуры.

Правда ли, что бюрократия убила политическую инициативу римских граждан? Разве только италиков, так как громадное большинство жителей империи, порабощенных уже в эпоху республики, было тогда лишено возможности участвовать в политической жизни.

Правда ли, что сужение рамок капитализма, у которого посредством откупов и скупки хлеба были отняты или ограничены наиболее выгодные для него области его действия, задушило вообще всю экономику? Вебер сам говорит о мелких торговцах, которые появились в эту эпоху, а многочисленные цветущие города, выросшие в течение этих столетий, достаточно красноречиво говорят против его теории. И, конечно, неправильно, что бюрократия так целиком и вытеснила крупный капитал из сферы его применения. Если бюрократия и отняла у него поставки для столицы и для армии, что, впрочем, происходило весьма постепенно, то все же он еще имел достаточно простора для своего действия. Мы уже видели, каким мощным должно было быть то денежное обращение, которое непрерывным потоком шло, с одной стороны, из провинции, а с другой стороны — из столицы и лагерей легионов. Одни лишь мелкие торговцы не могли обеспечить такого крупного денежного обращения. Рим был средоточием мощных грандиозных кредитных операций, причем никогда банковское дело не было столь выгодно, как в эту эпоху. Товары, которые провинции должны были произвести и отправить в крупные города и в лагерные стоянки, для того чтобы снова получить те наличные деньги, которые из них из года в год выкачивались в качестве налогов, конечно, не могли быть изготовлены, собраны, зафрахтованы, проданы, обменены и оплачены без посредства крупных предпринимателей. Равным образом и часть рудников постоянно оставалась в частном владении, а еще больше — в частном пользовании¹. Сказать, что все такого рода предприятия, как постройка больших городов с их храмами, амфитеатрами и водопроводами; торговля солью, вином, маслом и фруктами; изготовление и сбыт товаров массового потребления и предметов роскоши из тканей, металла, кожи, камня и дерева; постройка и сдача в наем крупных доходных жилых домов, — не приносили уже больше никаких выгод, или что у римского населения не хватало уже больше для всего этого необходимой экономической инициативы и деятельности, — сказать это было бы чисто доктринерским и догматическим построением, которое не только ни на чем не основывается, но прямо опровергается фактами. Это звучит как последний отголосок той аргументации сторонников абсолютно свободной торговли, которые отвергали какое бы то ни было вмешательство государства в народное хозяйство, в функционирование государственных железных дорог и в социально-политическую жизнь, так как это притупляло экономическое чувство индивидуумов. Многие богатые семьи, имена которых мы встречаем в латинской литературе, конечно, обязаны своим богатством не одному лишь крупному землевладению. Мне кажется, будет не слишком смелым перевернуть тезис Вебера и сказать, что в то время как императорская власть лишила граждан, а римские магнаты лишили провинциалов возможности участвовать в политической жизни, они тем самым все сильнее и сильнее толкали их в сторону хозяйственной жизни,

¹ Hirschfeld, «Die Kaiserlichen Beamten», 2 Aufl., S. 158, Neuburg. См ниже.

а экономическая деятельность, характерная для этой эпохи, содействовала развитию того стремления к маммонизму (приверженности к земным благам), которое вызвало протест и предостережения Иисуса, а также его учеников и последователей.

Попытка Вебера объяснить гибель Римского государства и античной культуры оказалась такой же неудачной, как и все прежние попытки, в том числе недавние попытки Зеека и Домашевского.

Теперь перед нами встает вопрос, выставил ли Вебер какие-либо основательные доводы против моей теории.

Во-первых, он очень неточно изложил мою точку зрения в следующих словах (стр. 60): «появление натурального хозяйства в позднеимперскую эпоху было следствием начинавшегося падения производительности горных рудников». Это неточно, так как, согласно моей теории, падение производительности горных рудников является лишь одним из различных, совместно действующих моментов, причем в качестве собственно решающего я выдвигаю не этот момент, а другой — именно политические отношения. Однако, действительно в моей теории падение производительности рудников является очень существенным моментом, и потому необходимо разобрать возражения Вебера.

Сперва Вебер даже, повидимому, подвергает сомнению факт уменьшения количества благородного металла, однако, не входит в рассмотрение приведенных мною свидетельств. Далее он объясняет сокращение производительности рудников не тем, что они оказались исчерпанными для тогдашней техники, а тем, что изменились хозяйственные условия: вместо господствовавшего в классическую эпоху рабского труда наступил период мелкоарендного хозяйства, которое не давало возможности эксплуатировать рудники.

Собственно говоря, этого признания было бы достаточно для моих целей. Ведь для меня важно лишь установить факт, что организм Римской империи нуждался в громадном количестве благородного металла для нормального функционирования и что запасы этого металла иссякли, причем вопрос о причинах этого явления можно было бы оставить нерешенным. Этот факт имеет столь большое, всемирно-историческое значение, что я хотел бы еще кое-что об этом сказать, тем более что Вебер его, очевидно, очень недооценивает. На стр. 181 он говорит «о крушении античного денежного хозяйства, длившегося в течение нескольких поколений». На самом же деле натуральное хозяйство господствовало в культурном мире не в течение лишь нескольких поколений, а в течение периода времени, значительно превышавшего целое тысячелетие. В Западной Европе натуральное хозяйство господствовало почти в течение целого тысячелетия, а в Восточноримской империи иногда снова на некоторое время приближалось к системе денежного хозяйства, которое, однако, никогда не достигало степени античного денежного хозяйства¹. Это такой факт, от которого нельзя просто отмахнуться.

Каким же образом объясняется уменьшение производительности рудников, допущенное также и Вебером — по крайней мере в качестве возможности? Вебер сам подчеркивает большое значение, которое имеют в хозяйственной жизни запасы благородного металла. Он вполне справедливо предостерегает от переоценки этого факта, основанной на том предположении, что благородный металл сам по себе оказывает творческое действие. Однако, этот металл все же имеет громадное значение. Хотя он этого прямо и не говорит, но все же готов был бы признать, что этот металл имел первостепенное и основное значение в хозяйственной жизни Римской империи с ее легионами, получавшими жалованье наличными деньгами. И действи-

¹ См. ниже главы о военном деле и стратегии при Юстиниане, в которых показано, как мощное государство не было в состоянии собрать необходимые средства для уплаты жалованья более крупным армиям. Ср. III том, ч. 2, гл. 7, «Византия».

тельно, можно ли поверить в то, что римляне отказались от добычи столь важного для их существования элемента хозяйственной жизни только потому, что вследствие уменьшения количества рабов перестала функционировать прежняя организация работы?

Но этот факт совершенно неправилен. Нейбург в своем исследовании по истории римского горного дела («*Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*», Bd. 56) установил, что в позднюю императорскую эпоху применялся в широком масштабе в рудниках труд свободных наемных работников¹, даже таких, которые одновременно являлись в некоторой доле совладельцами данного предприятия. А наряду с этим применялся труд рабов и арестантов, и если первые постепенно исчезали, то для второй категории христиане поставляли все новые и новые контингенты. Нейбург сам не может объяснить факт уменьшения иначе, как уменьшением численности населения, но эта точка зрения теперь почти никем не поддерживается. Конечно, горное дело никогда полностью не прекращалось. В особенности в северной части Балканского полуострова оно как будто бы относительно хорошо сохранилось. Нельзя отрицать факта очень значительного уменьшения производительности; но для того чтобы признать, что это не находилось в зависимости от внутренней организации работы, почти не требовалось доказательств этого факта Нейбургом. Для этого достаточно лишь бросить взгляд на Средние века, когда столь же мало располагали большими массами рабов, как и в III столетии. Начиная с X столетия, вновь открытые рудники разрабатывались со все возрастающим успехом, а именно немцами в Гарце, Эрцгебирге, Фихтельгебирге и в Богемии. Неужели римляне не могли достигнуть таких же результатов?

В дополнение к этому я считаю необходимым здесь отметить, что уже Монтескье в 17-й главе своего труда «Рассуждение о причинах величия римлян и их гибели» (Montesquieu, «*Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence*») установил факт исчезновения благородного металла, истощения рудников и влияние этого факта на разложение армии и тем самым на упадок и гибель империи.

Идея Вебера постольку обнаруживает правильное историческое чутье автора, поскольку по крайней мере одна из тех причин, к которым он восходит, является причиной политического, а не хозяйственного характера: это — существо власти. Но он ищет действия этого фактора в неправильном месте — в процессе образования бюрократии и в ограничении ею капитализма, которое он затем доводит до степени полного уничтожения экономического интереса. На самом же деле оба эти процесса — образование бюрократии и ограничение ею капитализма — протекали столь умеренно и в таких границах, что их действие можно было бы считать только благотворным. Ошибка лежит, скорее, во внутренней невозможности примирить власть императора с понятием свободы и окружить ее такими установлениями, которые обеспечивали бы мужское достоинство сперва римским гражданам, а затем и всей массе жителей империи. Все зависело от личности императора. Попросту довериться одному лишь праву наследования оказалось невозможным, да к тому же это противоречило бы самой природе и происхождению этого высокого положения. Поэтому уже Август должен был пожертвовать своим родным внуком, так как он оказался неспособным к властвованию, и заменить его другим человеком, которого он усыновил. В результате этого в самом центре государства стала вечно царить неуверенность в правовом положении по отношению к правящему монарху или к какому-либо сопернику его преемника, так что почти ни одна перемена правителя не протекала без кровопролития или даже без открытой гра-

¹ Этот факт был недавно подтвержден применительно к Египту в труде К. Ф. Фитцлера (Kurt Fritz Fitzler, «*Steinbrüche und Bergwerke im Ptolemäischen und Römischen Aegypten*», Leipzig 1910).

жданской войны. И эта неуверенность в правовом положении являлась органической ошибкой в природе власти императора, которая сделала невозможным преодоление возникавших хозяйственных трудностей (валютный кризис), а также и политических кризисов (появление сепаратизма), разложила дисциплину в легионах, вызвала необходимость приема на военную службу варваров и тем самым привела, наконец, империю к гибели.

Мартин Банг в своем труде «Германцы на римской службе» (Martin Bang, «Die Germanen im römischen Dienst», Berlin, Weidmann, 1906) сделал большой и ценный вклад в науку, тщательно собрав надписи, относящиеся к германцам, находившимся на римской службе, систематизировав их и показав, какие выводы можно сделать из этого материала. Хотя он в своей работе очень удачно привел свидетельства римлян о пригодности и способности германцев (стр. 16), все же он их еще настолько недооценил, что продолжал придерживаться старых и легендарных грандиозных цифр (стр. 6, прим. 36, стр. 93). Лишь в том случае мы сможем абсолютно правильно оценить значение германцев, если сопоставим их подвиги с их численностью, подчеркнув в то же время, как мало их было. Неправильно также, что Банг определяет продвижение германцев на высшие должности в римском государстве словами «разрыв с предрассудками». Конечно, здесь было нечто иное.

На стр. 60 Банг пишет, что лишь со времени Марка Аврелия началась та эпоха, когда «свободных германцев систематически и в широком масштабе стали применять для целей служения империи». Но это делали уже Цезарь, Август, Тиберий и Германик. Перемена, произошедшая, может быть, уже при Марке Аврелии, но с полной силой развернувшаяся лишь в III столетии, не есть новая система, но лишь практическое перенесение центра тяжести. Германцы, которые до этого в римской армии являлись вспомогательными войсками, но в то же время всегда, с самого начала бывшие свободными наряду с римскими гражданами, выдвинулись на первые места, так как легионы утратили свою дисциплину и тем самым свою силу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

Глава I

Римская империя с германскими солдатами

ПЕРВУЮ часть II тома нашего труда мы озаглавили «Борьба римлян с германцами», второй же части даем название «Переселение народов». Согласно дошедшим до нас и господствующим теперь взглядам, такого рода сопоставление и соподчинение понятий следовало бы признать неправильным, так как второе заглавие должно было бы быть скорее подчинено первому. Ведь разве переселение народов не явилось как раз высшей точкой развития и решительным моментом «борьбы римлян с германцами»?

Однако, на самом деле это было не так. Борьба римлян с германцами — в смысле настоящей борьбы, в смысле военной истории — окончилась уже в III столетии. Хотя в конце этого столетия еще было живо римское военное дело, римское войско, но оно давало возможность лишь вести борьбу с германцами — не более того. Правда, еще существовало римское государство, римская мировая империя, которая продержалась во всем своем объеме еще целое столетие, а своей восточной половиной, после потери западных провинций, еще целое тысячелетие. Но те военные силы, на которые опирался этот государственный организм, уже не были римскими. Уже в IV столетии государство охраняется не легионами; оно существует лишь благодаря тому, что отражает грозящих ему и теснящих его варваров при помощи других варваров, которых оно берет к себе на службу. Хотя борьба, которая теперь ведется, все еще остается борьбой между Римом и германцами, но это уже больше не борьба римлян с германцами.

Воины, которые ведут борьбу,—это германцы и другие варвары, гунны или славяне, которые ведут борьбу с себе подобными.

Эта система варварского наемничества, применявшаяся в Римской империи, после того как погибло и исчезло его собственное древнеримское военное дело,—такое, какое было описано нами в предыдущей части,—привела к переселению народов.

Против термина «переселение народов» в последнее время часто возражали, в особенности потому, что этот тип переселений ни в какой мере не характерен для одних только V и VI веков; такого рода переселения наполняют собой всю мировую историю. Крестовые походы и заселение Америки европейцами должны были бы быть в такой же мере подведены под это понятие, как и народные движения эпохи перехода от античности к Средним векам. Это совершенно правильно, но все же следует сохранить однажды установившийся термин в его специфическом значении. И хотя существует постоянное, никогда полностью не прекращающееся переселение народов, тем не менее каждая эпоха обладает присущими ей своеобразными явлениями и формами, а потому правильнее иметь для каждой из этих эпох по возможности особый термин. Поэтому мы сохраняем старое название. Оно обозначает, наряду с наступлением гуннов и натиском славян, главным образом, поселение германских племен на территории Римской империи.

Раньше царило такое представление, что это поселение являло собой большой и постоянно развивавшийся акт завоевания и покорения. Одряхлевший Рим был, наконец, опрокинут и побежден сильными своей молодостью германцами. Анализ этой проблемы, данный нами в предыдущей части, показал, что дело происходило иначе. Германцы не столько победили римские легионы, сколько их заменили. Вместо факта длительной борьбы между римлянами и германцами мы должны признать факт наличия переходной стадии, которая служила мостом от Римской мировой империи к множеству германских государств на римской почве. Эта переходная стадия показывает нам такую Римскую империю, в которой солдатами являются уже не римляне, но германцы¹.

Уже со времен Цезаря и даже со Второй пунической войны иноземные наемники — сперва стрелки и всадники — образуют некую составную часть римского войска. Варварский элемент стал очень сильно проникать даже в среду легионов. Государственная мудрость Августа нашла способы и пути к тому, чтобы снова восстановить и сохранить римский характер легионов. Так дело оставалось вплоть до III столетия, хотя количество и процент варварских вспомогательных войск временами, а может быть, даже и постоянно возрастал. Нам рассказывают про Марка Аврелия, что он купил помощь одних германцев против других германцев. Каракалле же его преемник обвиняет² в том, что он сделал варварам такие подарки, которые равнялись содержанию всего войска.

¹ Труд Р. Гроссе (Rob. Grosse, «Römische Militärgeschichte bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung», Berlin 1920), несмотря на большие усилия, затраченные автором, содержит в себе очень мало результатов. Я из него ничего не смог извлечь для своего изложения. Ср. мою рецензию в «Histor. Zeitschrift», 1921.

² Дион, 78, 17.

Но в течение гражданских войн III столетия варварский элемент стал получать все больший и больший перевес. Галлиен победил готов при помощи герула Навлобата, которому он пожаловал консульские знаки отличия.

Римские легионы еще существуют по названию, но меняют свой характер. Они спускаются до степени милиции, ценность которой незначительна. Наряду с такими выродившимися легионами существовали и некоторые другие, которые сохранили свою боевую ценность благодаря тому, что приблизились к типу варварских наемных отрядов. Такими следует считать «юпитерцев» и «геркулесцев» Диоклетиана. Основной характер древних и настоящих римских легионов основывался на дисциплине. Их ряды наполняли не только завербованные, которых толкал на военную службу их природный воинственный инстинкт, но и набранные рекруты, которые в первую очередь обладали лишь необходимыми физическими свойствами. Военное воспитание и обучение и строгость центурионов превращали их в годных солдат. Эта сила была разрушена, и оставался лишь первый указанный нами элемент, т. е. природная воинственность. Даже среди культурного народа всегда имеется некоторое количество мужчин, которые, как Тацит говорит о германцах, охотнее предпочитают приобретать кровью, нежели трудом, и одушевлены высоким понятием воинской чести, либо просто наделены чисто физической храбростью. Но число таких людей всегда очень невелико. Из них нельзя составить таких больших войск, как те, которыми командовал Август или даже Северы. Этого числа было достаточно для того, чтобы в течение долгого времени сохранять некоторые войсковые части, которые имели преобладающе римский характер, но все же характерные черты хорошо обученных легионов были утеряны. Атака и способ ведения войны стали похожи на варварские приемы, воинская сила которых основывалась на личной природной храбрости и на корпоративном духе.

Переход от древней римской военной системы к новым формам происходил сперва постепенно, но под конец совершился довольно быстро. Он начинается в середине III столетия, а в конце этого столетия, при Диоклетиане, уже заканчивается. То римское, что еще сохраняется, уже более не является римским в прежнем, древнем, смысле этого слова. То войско, с которым Константин выступил на завоевание Италии, при помощи которого он победил императора Максенция у Мильвийского моста и захватил Рим, состояло, главным образом, из варваров. Он собрал войска из подчиненных ему варварских народов, пишет Зосима¹,—из германцев, кельтов и британских племен. Тот факт, что эти войска шли под знаком креста, указывает не столько на то, что Константин хотел иметь в своем распоряжении такие войска, которые не боялись бы капитолийских богов, так как о таком страхе не могло быть и речи среди германцев и кельтов, сколько на то, что в данном случае Константин ориентировался на римских граждан: среди последних существовала сильная христианская партия, которую Максенций угнетал и подавлял, а Константин пытался привлечь на свою сторону. Подобно германскому королю-полководцу, Константин окружил себя свитой (comites), которая образовала новую аристократию, оттеснившую в сторону древние сословия сенаторов и всадников.

¹ «Он собрал войска из числа подчиненных варваров, из германцев, из других кельтских племен и из бриттов» (Зосима, II, 15, 1).

В течение всего IV столетия мы часто находим элементы римского и германского в непосредственной близости одни от других. В речи, с которой император Юлиан перед сражением у Страсбурга обратился к своим войскам, ободряя их к бою, он побуждает их «вернуть римскому величию его честь» и называет врагов варварами (Аммиан, 16, 12, 31). Войско, к которому с такими словами обратился император, состояло, как это видно из описания сражения, в некоторой своей части из германских формирований. Больше того — очевидно, что главную его силу и основное его ядро составляли именно германские части. Здесь упоминаются корнеты, брахриаты и батавы; перед атакой войска оглашают воздух военной песнью, барритом, и именно это войско вскоре провозглашает Юлиана императором, подняв его, по германскому обычаю, на щит¹. Когда вестготы перешли через Дунай и начался натиск настоящего переселения народов, то, как пишет римский историк, в первом большом сражении «варвары» начали петь песни, посвященные восхвалению своих героических предков, а «римляне» подняли боевой клич, так называемый «баррит», который стал раздаваться все громче и громче².

Археологические раскопки совсем недавно обнаружили своеобразное доказательство того, как сильно было германизовано римское войско уже в IV столетии. Угол, образуемый Дунаем в Добрудже, замыкается тремя укрепленными линиями, воздвигнутыми в различные эпохи. Теперь уже установлено, что древнейшей из этих линий является низкий земляной вал, обращенный фасом к югу. Весьма возможно, что он был построен варварами для защиты против римлян. Вторая линия, которая состоит из более высокого вала, по своим характерным чертам чрезвычайно похожа на германскую пограничную линию (*limes*) и, очевидно, была построена римлянами в ту же самую эпоху. Третьей линией является каменная стена, которую можно с уверенностью отнести к IV столетию. Но те укрепления, которые к ней относятся и с нею связаны, имеют совершенно такой же характер, как и ранне-средневековые, находящиеся на германской территории. Едва ли их построили сами германцы: их склонность к барщине в ту эпоху была еще слишком незначительна. Но те предводители, которые распоряжались строительными работами и определяли характер отдельных частей, были уже германцами. Они больше не жили военными традициями Рима, но уже проводили — как во всем военном деле, так и в формах укреплений — те идеи, которые они принесли с собой со своей родины и которые теперь они развивали дальше при помощи тех больших возможностей и тех образцов, которые они нашли и видели перед собой, на римской почве³.

«Варвар» в эту эпоху является техническим названием, обозначением солдата; военный фиск (казна) обычно носит название «варварского фиска» (*fiscus barbaricus*)⁴.

Нас не должно вводить в заблуждение, что наряду с этим в источниках постоянно говорится о римской славе и римской доблести, так

¹ Аммиан, XX, 4, 17. Менее ценный источник, Никифор Каллист, сообщает то же самое о Валентиниане I. Но описание, сохранившееся у Symmachus. «*Orationes*», I, 10, не содержит в себе этого факта, если вообще доверять этому риторическому описанию.

² Аммиан, XXXI, 7, 11.

³ Schuchhardt, «*Die Anastasiusmauer bei Konstantinopel und die Dobrudschawälle*», «*Jahrbuch des archäologischen Instituts*», Bd. 16, S. 107.

⁴ Brunner, «*Deutsche Rechtsgeschichte*», I, 39 (W. Aufl., S. 58).

как даже Прокопий в VI столетии хотя и рассказывает сам при всяком удобном случае, что варвары при римских победах особенно отличились, все же постоянно говорит о победах «римской храбрости» над варварами, так как эти победы были одержаны под императорскими знаменами¹.

Итак, с конца III столетия римские войска состояли из отрядов наемников различного рода, сформированных в значительной, а, может быть, даже и в большей своей части из чистых варваров — германцев, которые храбро держали себя в сражениях, но которыми вне сражения, особенно в мирное время, было очень трудно управлять. Если даже дисциплинированные легионы часто бунтовали, то теперь и император, и империя были целиком отданы в полную власть этим бандам. Германцы, находившиеся на службе у императоров в течение первых двух столетий, всегда ясно чувствовали, что они являются лишь простыми вспомогательными войсками. У них никогда не появлялось мысли о восстании, так как около них всегда находились каравшие и мстившие легионы. Национально-римские отряды, которые еще назывались легионами, очень слабые по своей численности и перемешанные в своем составе с варварами, были очень близки по своим настроениям к бандам иноземных наемников. Ничто не мешало германским воинам, получавшим свое жалованье от императора, на другой же день обратить свое оружие против своих прежних полководцев, найдя, что какой-либо пункт их договора не выполнен или что их требования не удовлетворены.

Совершенно ясно, что такого рода военная сила по своей мощи, боеспособности и пригодности далеко не достигала боевых качеств древнего войска легионов. Даже в тех случаях, когда какому-либо императору, как, например, Константину, удавалось, повидимому, полностью восстановить единство и авторитет императорской власти, все же это было лишь кажущимся достижением, так как в армии уже не было прежнего фундамента — дисциплины.

Между прочим, необходимо отметить бесконечную важность для нашей духовной жизни факта ослабления римской императорской власти. Чтобы возместить то, чего теперь не хватало в боевой мощи оружия, Константин заключил союз с большой федерацией епископов — с христианской церковью. Вряд ли — или лучше сказать никогда — римский император не допустил бы существования наряду с собой этой верховной суверенной власти, если бы он мог попрежнему почувствовать в легионах древнюю опору своей власти и если бы легионы могли ему оказать мощную поддержку для подавления этой столь же самоуверенной, как и самостоятельной новой силы — силы церкви. Церковь сумела победоносно выдержать гонения от времен Декия до эпохи Диоклетиана; этим она обязана своим мученикам, но не в меньшей степени она обязана этим и слабости государства, которое уже не располагало всей древней боевой силой своего оружия.

Перед церковью открылось широкое поле для действий, а старая культура погибла. Уже не могло быть и речи о тех деятельных пограничных военных силах, которые в течение столь долгого времени охраняли пограничную укрепленную линию (*limes*). Германцы ринулись и через Рейн, и через Дунай; они доплывали на своих кора-

¹ Это правило отмечено у Dahn, «Procop von Caesarea», S. 391.

блях от Черного моря через все Средиземное до самого океана, и нигде никто не мог защитить себя от их разбойничьих вторжений. Они безжалостно умерщвляли всех, кого не уводили в рабство. Даже теперь можно видеть на 60 или даже еще большем числе французских городов следы того, что они были в те времена сожжены, — «под язвительный хохот», как рассказывали римляне, короля алеманнов Хнодомара¹, — разрушены и вновь построены, будучи на этот раз теснее сжаты и окружены стенами. В течение предшествовавших мирных столетий города строились просторными, свободными, открыто и широко разбросанными; теперь же улицы делались узкими, а окружность города как можно меньшей, в целях возможно лучшей обороны. В тех толстых башнях и стенах, которые теперь были построены и которые противостояли натиску тысячелетий, пока острая кирка современной культуры или археологии их не разрушила, были найдены обломки колонн, статуй, фриз и карнизов, часто покрытые надписями, которые дали возможность установить время их сооружения, и явственно носившие следы пожаров, которым некогда были преданы эти города варварами. Но далеко за пределами этих укрепленных городов, перед их воротами, находятся следы разрушенных храмов и амфитеатров, по местоположению которых можно восстановить размеры территории прежних открытых городов². Обладая большим населением и большим количеством всевозможных достижений культуры, чем во времена Августа, Римская империя стала, однако, слишком слабой для того, чтобы защищать свою цивилизацию, с тех пор как она потеряла свои прекрасно дисциплинированные легионы, свое собственное постоянное войско. И напрасно горюет и жалуется во времена Аркадия такой патристически настроенный ритор, как Синезий, в словах: «Вместо того чтобы терпеть пребывание в нашей стране вооруженных скифов (готов), следовало бы призвать к оружию весь народ и вооружить его мечами и копьями. Позор для нас, что наше государство, обладающее столь многочисленным населением, передает честь ведения войны иноземцам, победы которых позорят нас даже в том случае, когда они нам приносят пользу. Если эти вооруженные люди захотят стать нашими господами, то нам, несведущим в военном деле, придется вести борьбу с людьми опытными в этом отношении. Мы должны снова пробудить в себе наше древнее римское чувство; мы должны сами участвовать в наших сражениях, не иметь ничего общего с варварами, изгнать их отовсюду, прогнать со всех должностей и особенно из сената, так как внутренне они все же стыдятся этих должностей и этого сана, которые мы, римляне, с древнейших времен считаем высшими. Фемида и Арей должны были бы закрыть свои лица при виде того, как эти закутанные в звериные шкуры варвары командуют людьми, облеченными в римские боевые доспехи, или как они, сбросив свою одежду, быстро накидывают на себя тогу и в таком виде вместе с римскими чиновниками обсуждают и решают дела Римского государства! Как они занимают почетные места в непосредственной близости от консула, впереди благородных римлян! Как они,

¹ Аммиан, XII, 12, 61.

² Lavissee, «Histoire de France», 1, 2. «Les origines, la Gaule indépendante et la Gaule romaine» par G. Bloch. Paris 1901, S. 299 sq. q. Бланшэ (Ad. Blanchet, «Les enceintes romaines de la Gaule», 1907) на основании очень широкого исследования этого вопроса отвергает те теории, которые относят постройку этих укреплений лишь к эпохе Диоклетиана, к IV столетию или к еще более позднему времени.

только что покинув курию, вновь надевают на себя свои шубы (вильчуры), издеваясь вместе со своими товарищами над тогой, которая, как они, насмехаясь, говорят, не дает возможности пользоваться мечом! И эти варвары — эти люди, которыми мы до сих пор пользовались как слугами в нашем доме, — хотят теперь править нашим государством! Горе, горе, если их войска и их полководцы возмутятся и если к ним потекут их многочисленные соплеменники, которые в качестве рабов в большом количестве населяют всю империю»¹.

Проникнутый именно таким настроением, приступил к своей работе далекий от жизни и от мира литератор и любитель старины Флавий Вегетий Ренат. Он старался найти у древних писателей, какая же собственно военная система существовала прежде у древних римлян, на чем основывались их сила и их величие, каким военным правилам они следовали и что можно, таким образом, восстановить и взять себе в качестве образца, чтобы спасти государство и восстановить древнюю мощь. Компилируя весь этот найденный им материал, он создал свою книгу, которая в течение веков и тысячелетий находилась в руках воинов. Но гибнущие государства нельзя спасти ни речами, ни книгами.

Тем не менее, находившиеся на римской военной службе банды германских наемников еще не были той силой, которая на Западе готовила конец и гибель Римской империи. Будучи оторваны от своей родины, такие наемники ассимилировались с тем государственным строем и с той народностью, которым они служили. А там, где они оставались чуждыми, они все же еще были слишком непостоянным и лишенным корней элементом, для того чтобы самим иметь возможность на долгое время укрепить свое господство. Как ни опасны были Карфагену после Первой пунической войны находившиеся у него на службе и возмущившиеся против него наемники, все же, наконец, они были покорены, и Ганнибал повел Вторую пуническую войну при помощи точно таких же банд. То, что мы называем переселением народов, со всеми своими неизмеримыми последствиями вытекает из того, что, наконец, не только крупные отряды отдельных воинов, но даже целые племена стали поступать на римскую военную службу. Появляясь на римской территории со своими женами, детьми и со всем своим имуществом и продолжая оставаться германским народом, они становились римским войском.

Военная служба отдельных, хотя и весьма многочисленных, людей и служба целого народа, который при этом сохраняет свою социальную структуру и свою политическую организацию, являются фактами совершенно различного порядка. Возможность перехода одного явления в другое вытекала из характера германского народа. Этот народ был настолько воинственен и настолько пропитан боевыми инстинктами — стремлением и страстью к войне, что не только являлся неисчерпаемым источником для вербовки, но и готов был, — подобно тому как он раньше выступал в поход против своих соседей, — драться теперь под любыми чужими знаменами и ради любых целей. Германцы вступили в эпоху переселения народов не потому, что прежние области были уже недостаточны, как это думали раньше, для все возрастающего народонаселения, но потому, что они были бандами воинов, жадно стремившихся к деньгам, добыче, приключениям и к должностям. Действительно, в отдельных случаях недостаток

¹ См. Dahn, «Könige der Germanen», V, 26

в земле мог их принудить к эмиграции или же толчком к такому переселению мог быть натиск каких-либо иных врагов. Но и то и другое явление могло бы дать повод лишь для отдельных стычек или пограничных войн. Решающим моментом во всемирно-историческом масштабе было то обстоятельство, что германские племена были содружествами воинов, которые шли на войну, стремясь к наемной плате, к добыче и к господству. Они пришли в Римскую империю не для того, чтобы найти здесь землю, стать крестьянами и жить здесь в качестве крестьян,—ведь часто они оставляли свою родину пустынной позади себя,—а ради ратных подвигов, которые они хотели совершить.

В постоянной смене службы и вражды, вражды и службы, которая характеризует взаимоотношения римлян и германцев в III, IV и V столетиях, германцами были завоеваны в полном смысле этого слова некоторые пограничные области на Рейне и на Дунае, а также Британия. Хотя оседлое население и не было целиком изгнано, однако, оно было настолько сокращено и подавлено, что новое господствующее племя постепенно впитало в себя его остатки. В Италии же, в главных частях Галлии, Испании и Африки дело происходило таким образом, что германские короли-полководцы, обладая фактической властью, взяли в свои руки также и юридическую власть, в то же время не отрывая целиком своих провинций от имперского организма. Даже сам Одоакр, устранив в Риме западноримского императора, правил над Италией не в качестве суверенного императора, но в качестве германского князя, которого восточноримский император поставил своим наместником в этой части своей империи, и даже остгот Теодорих Великий во всей полноте своей мощи не воспринимал и не понимал иначе своего положения¹.

Лишь постепенно распалась и растаяла также и эта форма, эта фикция, и появились независимые германские королевства на римской почве — в Галлии, в Испании, в Африке и в Италии, — королевства вестготов и остготов, бургундов, франков и вандалов.

Хотя в IV столетии было много различных боев и сражений, но у нас есть сведения лишь о двух сражениях — при Страсбурге и при Адрианополе, которые можно использовать для военной истории. О сражениях и походах Константина Великого, а также о сражениях при Мильвийском мосте² и на Каталаунских полях в V столетии я ни-

¹ Mommsen, «Ostgotische Studien», N. Archiv f. ä. d. Geschichte», 14, 460.

L. Schmidt, «Geschichte der Vandalen», 1901, S. 65, 72, 122.

² Исследование Требельмана о сражении при Мильвийском мосте («Abhandlungen der Heidelberger Akademie», 1915) очень ценно в топографическом отношении, но с точки зрения военной истории столь же неправильно, как и исследование Зеэка. Оба автора еще целиком поработаны представлением о громадных массовых армиях и даже верят указаниям источников на то, что войска Максенция численно превосходили — и даже во много раз превосходили — войска Константина. Так как, исходя из таких предпосылок, конечно, было совершенно невозможно построить какую-либо разумную и логически ясную связь событий, то Зеэк принужден был прибегнуть к предположению, что оба полководца руководствовались не стратегическими соображениями, но снами и знаменами. Я не понимаю, почему Максенций и Константин не могли использовать свои сны таким же образом, как Фемистокл, Павзаний и Мардоний. Очень недурна статья Ландманна в книге Doelgner, «Konstantin der Grosse und seine Zeit», 1913, но, ввиду недостатка источников, она дает мало материала для военной истории.

чего не могу рассказать ввиду отсутствия источников. Лишь в VI столетии — о Велизарии и Нарсесе — у нас вновь имеются некоторые более подробные и более надежные сведения.

ПАДЕНИЕ ИМПЕРАТОРА ГРАЦИАНА

Ранке считает, что имевшее место в 383 г. восстание против Грациана, которое, впрочем, прекрасно и всесторонне засвидетельствовано, было движением легионов, направленным против преобладания германцев и против того предпочтения, которое им оказывалось. Ничто не может показаться более естественным, чем то, что нам придется рано или поздно встретиться с этим конфликтом в каком-либо месте истории Римской империи. Чувство собственного достоинства легионов, которые, как говорит Ранке, всегда располагали императорским тронном, должно было воспротивиться тому, чтобы над ними были поставлены иноземные, варварские наемники. Но различие между легионами и вспомогательными войсками варваров все же не воспринималось столь резко, так как в источниках нигде ничего не говорится о каком-либо конфликте, возникшем в результате такого рода корпоративной зависти. В таком смысле, пожалуй, скорее всего можно было бы истолковать рассказ Геродиана (8, 8) о гибели двух императоров — Бульбина и Пупиена — в 238 г. Здесь совершенно ясно противопоставляются преторианцы, которые относились враждебно к императорам, и германцы, которые их охраняли, но все же это является лишь второстепенным моментом в этом запутанном узле событий. Конфликт возник из-за того, что в результате решения сената явилась двойная императорская власть, тогда как на право распоряжения верховной властью претендовали преторианцы; при этом германцы защищали императора, признанного сенатом, так как этот спор им был безразличен и так как они уже однажды признали этого императора своим полководцем.

Этот факт приобретает еще большее значение при изучении вопроса о падении Грациана. Если правильно, что причину восстания против Грациана следует искать в том обстоятельстве, что римские войска завидовали германским, которым в ту эпоху отдавалось предпочтение, то, значит, еще в конце IV столетия должны были существовать наряду с варварами древние легионы или по крайней мере войска с резко выраженным римским национальным чувством. Но наши источники, повествующие о событиях 383 г., об этом абсолютно ничего не говорят. Схематизм «Расписания должностей» («Notitia dignitatum»), Вегедий и фразеология писателей постоянно вводили в заблуждение историков, заставляя их думать, что древнеримская военная система продолжала еще существовать даже в течение V столетия. Если бы так было на самом деле, то трудно было бы понять, почему легионы допустили военное преобладание и даже главенство германцев, даже ни одного раза не оказав этому сильного противодействия.

Но если мы обратимся к свидетельствам источников, то увидим, что в них абсолютно ничего не говорится о восстании легионов против германцев. Все это противопоставление является гипотезой, которая восходит к прекрасной во многих отношениях работе Генриха Рихтера «Западноримская империя, в особенности в эпоху императоров Грациана, Валентиниана II и Максима» (Heinrich Richter, «Das weströmische Reich besonders unter den Kaisern Gratian, Valentinian II und Maximus»). Основываясь на некоторых свидетельствах источников, в частности Зосимы и Синезия, Рихтер весьма наглядно и красноречиво рисует картину недовольства римлян тем, что варвары, одетые в шкуры и носящие длинные волосы и бороды, занимают самые почетные должности и самые передние места в курии. Но он сам к этому добавляет, что эти жалобы исходят лишь из уст языческих философских писателей, которые в те времена являлись представителями очень ограниченных кругов. Их жалобы, возникая к тому же на Востоке, не дают нам какой-либо возможности сделать вывод относительно

войск, находившихся на Западе. Поэтому в данном случае мы не имеем права оперировать выводом, сделанным на основании одной лишь аналогии.

Свидетельство, которое здесь имеется в виду, находится у автора, продолжавшего Аврелия Виктора, а именно — в 47-й главе, в которой говорится про Грациана: «Он имел бы в изобилии всякого рода блага, если бы направил свой ум к изучению науки о том, как следует управлять государством; этой науке он был почти совершенно чужд не только вследствие своего нежелания, но и по своим занятиям. Не обращая внимания на войско и отдавая предпочтение перед древними римскими воинами немногим из аланов, которых он переманил на свою сторону громадным количеством золота, он до такой степени был окружен свитой варваров и даже, можно сказать, находился с ними в дружбе, что иногда совершал путь в варварской одежде, чем вызвал против себя ненависть воинов. В это самое время Максим, быстро вырвав у Британии ее самодержавную власть и переправившись в Галлию, при поддержке враждебных Грациану легионов принудил Грациана к бегству и без промедления его уничтожил».

Эти слова можно было бы очень хорошо истолковать в том смысле, который им придают Рихтер и Ранке, если бы существование легионов в прежнем смысле этого слова и их противопоставление германцам было засвидетельствовано еще в каком-нибудь другом месте. Но эти слова можно истолковать и иначе.

Те войска, которым Грациан отдаст предпочтение, состоят не из германцев, а из особого племени — аланов. Те «древние римские воины», которые им противопоставляются, вовсе не должны были обязательно быть римскими легионерами, но в такой же степени могли быть и другими варварами, которые до этого времени находились на императорской службе. Так обобщающе понимал эти слова и Гиббон. Даже слова в последней фразе «враждебных Грациану легионов» еще ничего не доказывают. Не подлежит никакому сомнению, что название «легион» еще применялось в эту эпоху для обозначения войсковых частей. Вопрос заключается лишь в том, какие люди наполняли эти так называемые легионы, носили ли они специфически римский национальный характер и подразумевалось ли под этим термином некоторое противопоставление вспомогательным войскам варваров. Но это совершенно не вытекает из слов нашего автора.

Если бы, действительно, дело шло о таком противопоставлении: «здесь римляне, а там германцы», то было бы совершенно непонятно, почему германцы в конце концов не стали сражаться за Грациана. Уже Рихтер поэтому вносит некоторое ограничение, говоря (стр. 567): «Даже другие германцы могли чувствовать некоторую зависть», а именно по отношению к аланам. Каковы бы ни были причины недовольства Грацианом, здесь ни в каком случае не могло иметь места принципиальное движение римского элемента против германского элемента, которому отдавалось предпочтение при дворе и в армии. Ведь так легко германцы не проиграли бы своей партии и так просто они не уступили бы. Первыми войсками, раньше всего перешедшими от Грациана к Максиму, когда оба императора стояли друг против друга при Париже, были нумидийские всадники.

Для того чтобы понять восстание против Грациана, которое кажется столь слабо обоснованным, нужно прежде всего уяснить себе то обстоятельство, что в мирное время вообще очень трудно удерживать в повиновении наемные войска, которые не очень строго дисциплинированы. Достаточно малейшего толчка, для того чтобы поселить среди них беспокойство. Наконец, они бунтуют, движимые просто жадной деятельностью.

К тому же, как кажется, Грациан не поддерживал особенно хорошего порядка в своих финансах, так что он либо очень уменьшил число своих солдат, либо неаккуратно выплачивал им жалованье.

Если предположить, что Максим, будучи в 383 г. представителем легионов, победил Грациана, который был представителем германцев, то победитель, без всякого сомнения, энергично проводил бы в жизнь этот принцип своей политики в течение пяти лет своего правления. Но мы об этом не имеем ни малейших сведений. Если бы вообще была какая-либо возможность снова вызвать к жизни собственно римскую военную систему, то едва ли мог бы кто-нибудь скорее сделать эту попытку, нежели Грациан, который однажды одержал прославленную победу над алеманнами (лентинцами) и на своей собственной семье испытал опасность нападения со стороны объединившихся в федерацию германцев. С громадным напряжением всех своих сил он устремился из Галлии на помощь к своему дяде Валенту, чтобы при помощи войско-собранных со всей империи, от океана вплоть до самого Тигра, снова прогнать страшных вестготов из Римской страны. Но плоды этой победы были сведены на нет победой варваров при Адрианополе.

Поэтому в рассказе о гибели Грациана я не вижу никаких оснований для отказа от своего представления относительно того, что уже за 100 лет перед тем римская военная система была окончательно изжита. Константин Великий был именно тот император, который подвел новый фундамент под Римскую империю, не только тем, что заключил союз с церковью, но также и тем, что окончательно признал факт варваризации военного дела. Христианство и германский элемент теснее связываются между собой, чем до тех пор. Упрек, который бросил Константину его племянник Юлиан (Аммиан, 21, 10), что он предоставил варварам высокие должности («что он первый из всех стал возвышать варваров вплоть до консульских фасций и трабей»), не заключает в себе ничего случайного, но попадает в самый центральный пункт его политики.

НАСЛЕДСТВЕННАЯ ОБЯЗАННОСТЬ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

В IV столетии сын ветерана считался военнообязанным и пользовался за это привилегиями. Первое постановление по этому вопросу относится к 319 г. (Ср. Моммсен, «Гермес», т. 24, стр. 248). Однако, практическое значение этого постановления, за исключением, может быть, пограничников (*limitanei*), конечно, весьма незначительно. На это постановление следует смотреть как на последнюю, фактически безнадежную, отчаянную попытку избежать сплошной варварской армии. Семейная военная традиция должна была заменить то, чего уже не могла достигнуть дисциплина.

СРАЖЕНИЕ ПРИ ФРИГИДЕ

Мы ничего не знаем относительно сражения при Фригиде (394 г.), в котором Феодосий победил Арбогаста и Евгения. Гюльденпеннинг в изданной им совместно с Ифландом книге под заглавием «Император Феодосий Великий» (*Güldenpenning und Ifland, «Kaiser Theodosius der Grosse»*) выбрал и сопоставил на стр. 221—227 наиболее достоверные факты, сохранившиеся в дошедших до нас источниках. Но все это лишь не что иное, как бесконечная болтовня. Все, что говорится о войсках, дает возможность предположить, что на обеих сторонах находились варвары.

Глава II

Сражение при Страсбурге (357 г.)

После того как алеманны уже во второй половине III столетия прорвали пограничную укрепленную линию (*limes*) и овладели землями, расположенными на правом берегу Рейна, они в 350 г. захватили также область, лежащую между Рейном и Вогезами, т. е. Эльзас, воспользовавшись разгоревшейся в Римской империи междоусобной гражданской войной между императорами Констанцием и Магненцием. Юлиан, которого Констанций назначил цезарем и которому он поручил управление Галлией, решил не только снова прогнать алеманнов за Рейн, но в то же время, нанеся им сильный удар, отбить у них всякую охоту к возвращению. Вместо того чтобы внезапно на них напасть и прогнать тех из них, которые находились по эту сторону реки, он только подстрекал их к бою, производя на них нападения, но оставался со своим главным войском стоять на границе и разбил при Цаберне, близ выхода из вогезского ущелья, укрепленный лагерь. Тотчас же с той стороны Рейна алеманны пришли на помощь к своим соплеменникам, находившимся в Эльзасе. И это было именно то, чего хотел Юлиан. Лишь только он узнал, что довольно большое количество алеманнов переправилось через Рейн и собралось близ Страсбурга, как он тотчас же двинулся против них. Мы имеем два источника, в которых подробно говорится о сражении при Страсбурге: Аммиана, который сам служил в качестве командира под начальством Юлиана, и Либания, ритора, который находился в близких личных отношениях с императором и написал ему надгробную речь, сохранившуюся до нашего времени. Весьма возможно, что оба эти рассказа — как Аммиана, так и Либания — восходят к одному и тому же первоисточнику, а именно к собственным мемуарам Юлиана.

Либаний резко подчеркивает, как хорошо цезарь заранее обдумал план сражения. Он мог бы помешать варварам переправиться через реку, но он не хотел этого делать, так как он не собирался дать бой лишь одному небольшому отряду противника. В то же время он остерегся и того, чтобы дать возможность переправиться всему войску варваров, так как среди них были призваны все способные носить оружие, как это стало известно впоследствии. Сражаться с немногими ему казалось слишком нестоящим делом, сражаться же со всеми казалось слишком опасным и неразумным.

Из этого ясного рассуждения мы можем сделать вывод о соотношении сил противников. Собственное войско Юлиана, согласно Аммиану, исчислялось в 13 000 человек. Выше, в другой связи (стр. 175), мы уже показали, что эта цифра, может быть, несколько мала, но во всяком случае она не очень далека от истины. Если мы скажем, что в этом войске было от 13 000 до 15 000 солдат, то в достаточной степени гарантируем себя от ошибки.

Силы алеманнов римляне исчисляют, как обычно, с таким преувеличением, что этих цифр не стоит повторять. Из стратегического плана Юлиана мы с уверенностью можем сделать тот вывод, что он рассчитывал напасть на врагов в тот момент, когда они будут не-

сколько, но не намного слабее его собственных сил. Успех, одержанный Юлианом, показал, что он правильно рассчитал. Поэтому мы можем принять, что войско алеманнов насчитывало от 6 000 до 10 000 человек.

Рассказ Аммиана в некоторой степени противоречит стратегической мысли Юлиана, изложенной Либанием. Аммиан рассказывает, что римский полководец, выйдя из Цаберна, сделал остановку в полдень и хотел было отложить сражение на другой день, но боевое воодушевление и крики солдат побудили его немедленно выступить вперед. Промедление даже одной половины дня дало бы возможность противнику значительно увеличить свои силы. Расстояние от Цаберна до Страсбурга равняется четырем хорошим милям. Таким образом, мы можем установить, что смысл и связь этих событий были следующие: император, конечно, хотел и готовился дать бой немедленно, но, для того чтобы после напряженного перехода под лучами августовского солнца несколько приподнять и оживить настроение солдат, он прикинулся, что должен здесь разбить лагерь, и сделал так, что решение тотчас же начать сражение было вынесено как бы самими солдатами.

Нельзя с уверенностью установить место сражения. Ясно лишь, что на стороне римлян был не только численный перевес, но и то стратегическое преимущество, что на крайний случай укрепленный лагерь при Цаберне находился позади них, в то время как позади алеманнов находились воды Рейна. Возможно, что германцы в своем воинственном пылу делали из того же самого обстоятельства как раз обратный вывод, считая, что невозможность отступления доведет их собственные силы до высшего предела.

Во главе германцев стояло семь королей (князей, principes — в древнем смысле этого слова). Самым знатным среди них был Хнодомар, который командовал конницей на левом фланге. В предыдущие годы, не встречая на своем пути сопротивления и оставаясь непобедимым, он совершал походы в Галлию и издевался над римскими городами, которые он, разграбив, предавал огню. Римляне рисуют его скачущим во главе своих всадников на взмыленном коне, в блистающих доспехах, уверенным в огромной силе своих рук (в одной из которых он держит копьё необыкновенной длины), с повязанными красной лентой волосами. Он был всегда храбрым воином, теперь же он стал превосходным полководцем.

Правый фланг алеманнов, состоявший из пехоты, опирался на некоторые местные препятствия, которые Аммиан один раз называет «скрытыми и тайными засадами», а другой раз «рвами», которые были наполнены вооруженными людьми. Либаний говорит об акведуке, о густых зарослях камыша и о болотистом месте, где алеманны устроили засаду. Левый фланг римлян дрогнул, когда там заметили эти препятствия. Юлиан якобы сам снова двинул его вперед либо при помощи простого призыва, либо же приведя к нему на помощь небольшой отряд конницы, состоявший из 200 всадников. Повидимому, вначале, ввиду строения почвы, этому флангу совершенно не была придана кавалерия, и все же здесь понадобилось некоторое прикрытие фланга, прежде чем удалось достигнуть позиции противника. Но затем неприятель был тотчас же опрокинут и обращен в бегство.

На другом фланге, где местность была открытой, обе стороны расположили главные силы своей конницы. Германцы под предводи-

тельством Хнодомара бешено помчались вперед. Они размахивали оружием в правых руках и скрежетали зубами от дикости; их длинные волосы развевались, и ярость горела в их глазах. Наряду со всадниками шли легковооруженные пехотинцы. Римские всадники не смогли выдержать вида наступавших на них врагов и повернули обратно.

Наши источники сообщают, что цезарь лично бросился навстречу бегущим и своими призывами и обращениями вернул их к выполнению своего долга. Источники приводят,— правда, отступая друг от друга,— что именно он им говорил, причем Либаний сравнивает Юлиана с Теламоном Аяксом, а Аммиан — с Суллой, который в одном из сражений против Митридата подобным образом собрал со всех сторон своих людей вокруг себя. Этот подвиг полководца часто встречается в военной истории, но чем крупнее те армии, о которых идет речь, тем с большей уверенностью можно сказать, что он придуман. Этот подвиг мог быть совершен на самом деле лишь при наличии, в крайнем случае, очень небольшого отряда. Никакими словами нельзя остановить войска, в особенности всадников, которые уже бегут и за которыми по пятам следует противник. Если группа всадников, охваченная страхом, уже обратилась в бегство, то она сможет остановиться лишь в том случае, если на ее пути встретится естественное препятствие или если ее принудит к остановке усталость. В «Военных письмах» принца Крафта Гогенлоэ (1,78) можно найти яркое описание того, каким беспомощным является командир, когда он хочет остановить группу всадников, охваченных паникой, даже в том случае, если позади них нет неприятеля. Бойцы не слушаются командиров, и вся масса всадников на протяжении нескольких миль неудержимо несется обратно. Если удастся остановить или снова двинуть вперед в атаку бегущие войска, то это всегда происходит лишь при помощи свежих, вновь вступающих в сражение частей. Новейшая история, более богатая источниками, дает нам возможность в одном из таких рассказов сопоставить вымысел с истиной, и, проведя здесь параллель, можно в данном случае извлечь из нее некоторую пользу. Габсбургские писатели рассказывают нам, как эрцгерцог Карл в сражении при Асперне восстановил и выправил колебавшуюся боевую линию тем, что сам схватил знамя одного из батальонов. Благодаря этому все изменилось, «как бы по удару молнии», пишет один; «как бы электрическим разрядом», пишет другой; как бы «по мановению волшебного жезла», пишет третий. Точное сопоставление моментов сражения показало, что как раз в ту минуту в боевую линию одновременно вступили все австрийские резервы, состоявшие из 17 батальонов гренадер, о чем слегка овеянные придворным настроением писатели не сочли нужным упомянуть наряду с описанием геройского подвига светлейшего полководца.

Если мы внимательнее взглянемся в наши римские источники, то увидим в них, что нечто подобное произошло и во время сражения с алеманнами. Аммиан лишь в очень общих словах пишет о возвращении всадников на поле сражения, а у более позднего писателя Зосимы (кн. III, гл. 4) мы находим даже положительное указание, что их не удалось заставить возобновить бой. То, что произошло именно так, следует и из дальнейшего рассказа Аммиана о том, что алеманнские всадники после своей победы над римскими всадниками бросились на неприятельскую пехоту. Они не могли бы этого сделать,

если бы были вынуждены продолжать сражение с римскими всадниками.

Из многочисленных описаний древних сражений мы знаем, как опасна для пехоты кавалерийская атака во фланг. Сражение при Страсбурге, таким образом, показывает нам, как Хнодомар держал в руках свое войско и как он умел им командовать. Но вместе с тем мы можем убедиться и в том, что римская тактика еще существовала и что Юлиан был достаточно хорошим полководцем, чтобы отразить грозившую ему опасность. В самом деле, если до этого Аммиан нам рассказывал, что Юлиан большую часть своего войска выставил против боевой линии варваров, то теперь мы слышим от него, что, когда алеманнские всадники обратились против римской пехоты, то корнуты и браккаты испустили боевой клич—баррит; это, конечно, означает, что названные войсковые части только теперь и вступили в бой и, следовательно, до этого стояли во второй или в третьей боевой линии или даже находились в резерве, а теперь были поведены в бой навстречу неприятельской фланговой атаке. Здесь мы видим ту же картину, что и на правом фланге Цезаря во время сражения при Фарсале: заранее выставленная пехота отражает фланговую атаку неприятельской кавалерии. Воспоминание об этом тактическом приеме должно было сохраниться в римской традиции. И если в данном случае даже этого не было, все же Юлиан был образованным человеком, который знал «Комментарии» Цезаря.

У Цезаря именно этот фланг, благодаря своему встречному контрудару, решает исход сражения. Страсбургское сражение протекает иначе лишь в том отношении, что подкреплениям удается на этом участке сражения восстановить равновесие, между тем как на другом фланге римляне уже одержали победу. Несмотря на бегство всадников, численное превосходство правого фланга римлян над противником все еще было довольно значительным, так что римлянам удалось, наконец, и здесь опрокинуть алеманнов, причем победивший левый фланг пришел на помощь правому.

Согласно Аммиану, римляне потеряли в этом сражении 243 человека убитыми и среди них 4 высших командира. Эта цифра может показаться противоречащей тому описанию, которое рисует сражение крайне упорным и кровавым. Но весьма возможно, что эта цифра потерь (около 1 500 убитыми и ранеными) и была правильной. Римская конница, которая не выдержала неприятельского натиска, могла выйти из сражения почти без всяких потерь. Когда же пехота выдержала фланговую атаку противника, то сражение было уже проиграно для алеманнов и могло довольно быстро прийти к своему концу.

Король Хнодомар со всей своей свитой попал в плен к римлянам, а большая часть германского войска во время своего бегства погибла в водах Рейна.

1. В. Виганд сделал попытку подвергнуть военному анализу сражение с алеманнами в своей работе «Beiträgen zur Landes und Volkskunde von Elsass-Lothringen», 3. Heft, 1887. Эта работа полезна, так как автор тщательно собрал и обработал материал, извлеченный из источников, но по существу затронутых вопросов она является дилетантской и неудачной. Не стоит тратить ни времени, ни труда для того, чтобы шаг за шагом разоблачать ложные и неправильные суждения и сопоставления. Автор, главным образом, стремится доказать, что сражение происходило между Хюртиг-

хеймом и Оберхаусбергенем, почти в двух милях к западу от того места, где Рейн протекает мимо Страсбурга. Но это никак не вяжется ни с источниками, ни со стратегическим положением. Почему Юлиан после перехода, который не превышал 16 км, сделал остановку и хотел было отложить сражение на другой день? Но после перехода в 4 мили мог уже вскоре возникнуть вопрос о том, не слишком ли утомлены войска, чтобы вступить в бой. Виганд далее сам себе возражает (стр. 36), приводя указание Аммиана, что река находилась тотчас же позади германцев. Но он тут же пытается объяснить это противоречие признанием того, что в рассматриваемую эпоху Илл являлся рукавом Рейна, который находился лишь на расстоянии 8 км позади линии расположения войск алеманнов. Это возможно, но расстояние все же слишком велико, так как Аммиан (16, 12, 54) пишет об обратившихся в бегство германцах, что «они искали спасения в протекавшей в тылу у них реке, представлявшей единственное средство спасения». Почему алеманны должны были выйти дальше навстречу римлянам, что должно было стеснить свободу их передвижений? Если бы они оставались ближе к Рейну, то либо выиграли бы еще один день, во время которого к ним могли бы подойти новые войсковые части, либо же римляне принуждены были бы начать сражение, будучи утомлены очень тяжелым дневным переходом. Если же сражение происходило более чем в 12 км от Рейна, то отряды германцев, переправившиеся в течение этого дня через реку, едва ли смогли бы достигнуть поля сражения и принять участие в бою. Неправильно, что в самой равнине Рейна, как полагает Виганд (стр. 27), римлянам была предоставлена возможность начать наступление, спускаясь с высот. Равнина здесь достаточно широка. Алеманны также могли бы найти ближе к реке опору для своего фланга, если бы они стали ее искать. Единственным недостатком этого расположения было то, что в случае поражения в тылу алеманнов оставалось лишь незначительное свободное пространство, которое не давало им возможности отступить ни вправо, ни влево, открывало лишь единственный путь — в реку. Именно так и рисуют нам расположение войск источники. Если бы сражение происходило в добрых 1½ милях или хотя бы в 8 км от берега реки, то на этом протяжении преследование, конечно, уже ослабело бы, — по крайней мере со стороны пехоты, — римские же всадники большей частью уже бежали с поля сражения и едва ли смогли бы вернуться туда к этому моменту.

2. Расположение римлян Аммиан описывает в таких словах: «Они прочно стали на месте и выстроили как бы несокрушимую стену из людей первых двух шеренг, из копьеносцев и старших в рядах» (16, 12, 20). Трудно сказать, как следует понимать отдельные выражения в этой фразе. «Старшие в рядах» — это знатнейшие из центурионов, может быть, командиры когорт, но в эту ли эпоху? О копьеносцах же и о воинах первых двух шеренг трудно говорить в IV столетии. Во всяком случае неправильной является точка зрения Марквардта, утверждающего, что здесь дело идет о расположении в три боевые линии: копьеносцы составляют первую линию, воины первых двух шеренг — вторую, а «старшие в рядах» (т. е. «пиланы», или «триарии») — третью («Röm. Staatsverw.», II, 372. Anmerck. 1). Заднюю линию образовывали, как это видно из хода самого сражения, корнуты и браккаты; «старшие в рядах» не являлись триариями, а «воины первых двух шеренг», как названные вначале, не могли образовывать второй боевой линии. Вероятно, Аммиан хочет как можно торжественнее описать прочность расположения римских войск и потому наряду со «старшими в рядах», т. е. с наиболее заслуженными командирами, упоминает в начале своего описания о «воинах первых двух шеренг и копьеносцах», применяя в данном случае чисто риторически эти выражения в качестве исторических реминисценций.

3. Описанные в рассказе Аммиана стратегические передвижения, предшествующие самому сражению, мало достоверны и едва понятны. Но в данном случае нам нет никакой необходимости подробнее касаться этого вопроса.

4. Аммиан очень ярко описывает, как в начале сражения германцы потребовали, чтобы их князья сошли с коней и сражались в пешем строю, чтобы в случае поражения они не смогли бы бросить на произвол судьбы простых воинов и не могли бы сами спастись. Как только Хнодомар услышал об этом требовании, он тотчас же спрыгнул с коня, а его примеру последовали остальные князья.

Но я все же не могу поверить этому рассказу. После поражения Хнодомар спасается бегством верхом на коне. Если бы он сражался в пешем строю, то он должен был бы находиться во главе клина. Трудно понять, каким образом он и 200 человек его свиты могли бы, обратившись отсюда в бегство, снова сесть на своих коней. Но если, на худой конец, это и не является невозможным, то все же конница во всяком случае должна была иметь своего предводителя. И если это не был Хнодомар, то это должен был бы быть какой-нибудь другой князь. Наконец, совершенно невозможно, чтобы Хнодомар, которого этот источник уже назвал раньше полным и тучным человеком, мог бы сражаться в качестве пехотинца среди всадников. Следовательно, приведенный в такой форме рассказ, повествующий о том, что все князья сражались в пешем строю, совершенно неправдоподобен. И мы должны оставить нерешенным вопрос о том, что именно в этом рассказе является истинным.

5. Кепп в своей работе «Римляне в Германии» (Коепп, «Die Römer in Deutschland», S. 96) объявляет совершенно бесполезным делом выяснение вопроса о том, какова могла быть численность войска алеманнов, так как не сохранилось ни одной надежной цифры и так как имеющиеся в нашем распоряжении опорные пункты совершенно недостаточны для того, чтобы мы могли сами произвести расчет. Конечно, можно с некоторым правом сказать это, но все же, как мне кажется, Кепп недалеко отходит от моей собственной точки зрения. Он также высказывает предположение, что самая низкая из дошедших до нас цифр в 30 000—35 000 алеманнов слишком высока и преувеличена, может быть, даже на десятки тысяч. Он признает, что цифра римского войска в 13 000 воинов более или менее надежна. И едва ли можно оспаривать то ограничение, которое я в данном случае сюда ввожу, а именно, что, может быть, эта цифра на несколько тысяч преуменьшена, так как она восходит к самому Юлиану, а полководцы всех эпох, как то нам показывает опыт, в этом отношении обнаруживают некоторую слабость.

Едва ли также Кепп поверит тому, что алеманнов было менее 6 000 человек. Следовательно, вся разница заключается в том, что их, может быть, было на несколько тысяч меньше, чем я предполагаю. Я ни в коем случае не утверждаю, что это является абсолютно невозможным, но я уверен, что это является в высшей степени невероятным. Невероятно, чтобы римляне вообще смогли победить значительно превосходившее их по своей численности войско этих диких алеманнов; это тем более невероятно, что римская конница была уже разбита; и, наконец, это невероятно потому, что, как уже было ясно сказано, Юлиан напал на противника, еще не успевшего собрать все свои силы, когда он еще думал, что сможет наверняка побить его. Конечно, можно было бы ограничиться указанием на эти факты, не выставив, наконец, как я это сделал, хотя и предположительно, какой-либо определенной цифры. Можно держаться различного мнения по этому вопросу, но всегда лучше положительным образом указывать такую, хотя и приблизительно правильную цифру, чем наоборот — давать наверняка неправильные дошедшие до нас цифры и тут же выражать сомнение в их правильности. Иначе, несмотря на выраженное автором сомнение, у читателя все же останется неопределенный, полуосознанный образ огромной массы и, следовательно, в корне неправильное представление. Именно такое представление с того времени и до наших дней колоссально искажает самое существо факта переселения народов. Я достаточно ясно указал, что, в сущности говоря, у меня нет никаких положительных доказательств того, что алеманны в сражении при Страсбурге насчитывали всего лишь 6 000—10 000 человек и что здесь мною высказывается лишь предположение, обладающее некоторой степенью вероят-

ности. Вместе с тем я вполне определенно указал, не оставляя никакого места для сомнений, на тот мотив, который заставил меня, не удовлетворяясь общими местами, дать положительные цифры. Дело здесь заключается не в том, как я это показал при проверке численности войск, участвовавших в сражении при Фарсале (т. I, стр. 418 и след.), чтобы утверждать что-либо положительное о фактах, относительно которых мы по крайней мере ничего определенного не знаем. Но это делается ради наглядности, которая лишь тогда создается перед взором читателя, когда ему в руки дается, хотя и предположительная, но все же определенная цифра,—в особенности в данном случае, когда бороться приходится с целыми картинами мировой истории, построенными на дошедших до нас неправильных цифрах, и вытеснять их из круга представлений исторической науки. Насколько необходимо постоянно работать в этом направлении, ясно видно из того, что еще в 1906 г. в журнале «Филолог» («Philologus») на стр. 356 такой исследователь, как Домашевский, совершенно спокойно заставляет императора Галлиена уничтожить 300 000 алеманнов, вторгшихся в Италию.

Глава III

Сражение при Адрианополе (9 августа 378 г.)

Вестготы, теснимые вышедшим из глубин Азии племенем гуннов, появились на Нижнем Дунае и предложили Римской империи заключить с ними союз. Римляне охотно приняли это предложение варваров и разрешили им переправиться через реку в надежде на то, что при помощи их сильных рук можно будет лучше защищать эту границу империи. Но вскоре между новыми союзниками начались раздоры из-за того снабжения, которое римляне должны были поставлять варварам, и готы ринулись, грабя и убивая все на своем пути, «подобно диким зверям», на римских провинциалов, живших на Балканском полуострове. К ним примкнули еще и другие орды: большая часть остготов, пришедших с той стороны Дуная, готы, которые уже в течение продолжительного времени находились на римской службе, и, наконец, беглые рабы, в частности фракийские горнорабочие.

В это время восточный император Валент был занят войной, которую он вел с персами. Первые присланные им войска с помощью тех сил, которые прислал император Грациан, оттеснили готов вплоть до Добруджи, но не были в состоянии их окончательно одолеть. Когда же готы получили еще новые подкрепления от аланов и даже от гуннов, пришедших из-за Дуная, то римские генералы уже не осмелились удержать за собою поле сражения. Одни из них отступили к Константинополю, другие в Иллирию¹. Лишь избранное

¹ Удивительно то, что западноримские войска сражаются в Добрудже и, отступая к Иллирии, наталкиваются на тайфалов. Дали ли они им возможность раньше

войско, составленное из 300 воинов, набранных из каждого полка, и насчитывавшее в общей сложности 2000 человек, осталось под командой энергичного полководца Себастиана во Фракии и пытались захватить отдельные банды готов, грабивших страну¹.

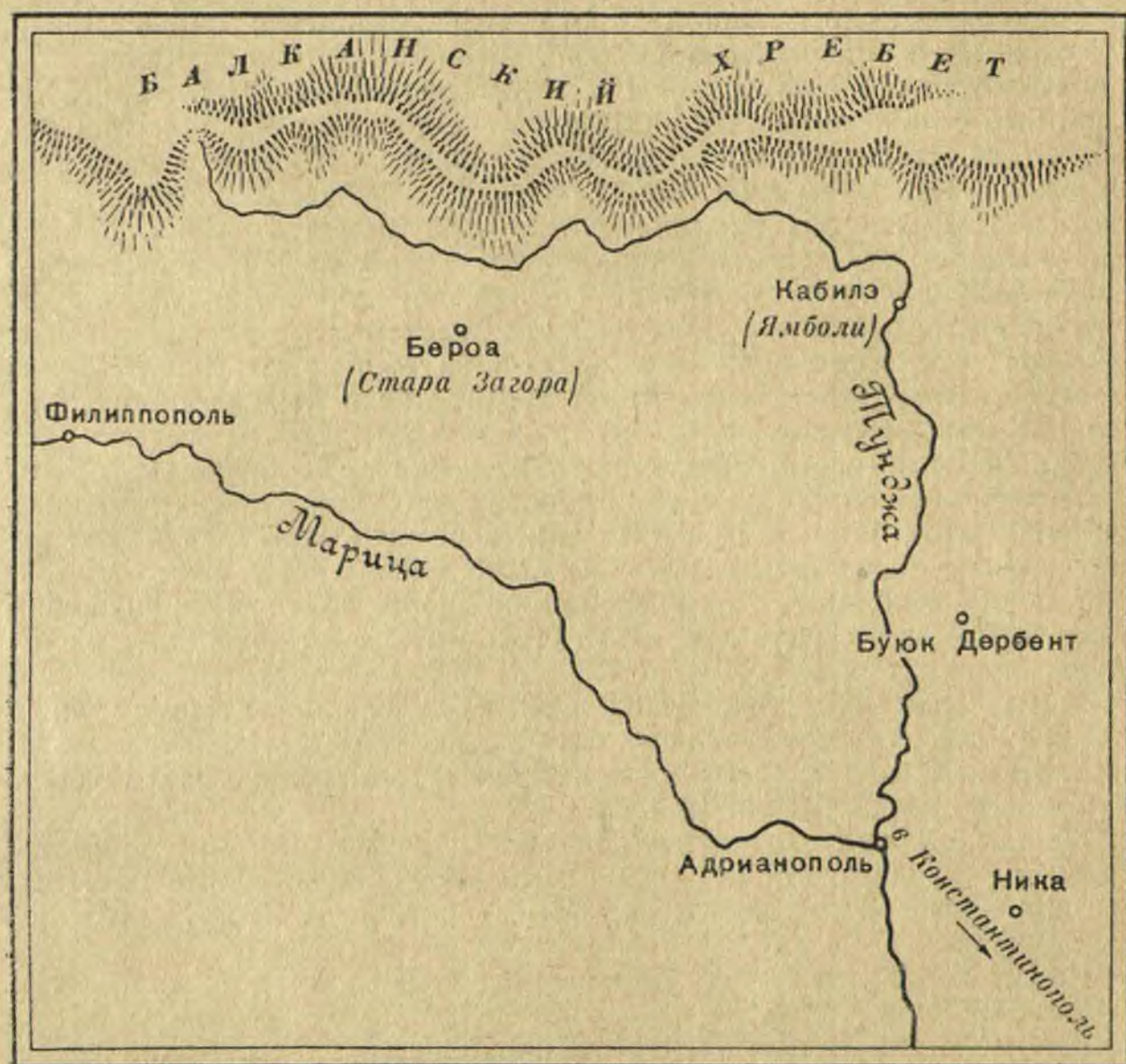

Схема 4

При этом известии Валент заключил мир с персами и отправился обратно со всеми освободившимися теперь войсками, которые находились в его распоряжении. В это время западноримский император Грациан, его племянник, шел к нему из Галлии со своим войском.

Готы собрались южнее Балканского хребта у Бера (Стара Загора), — там, где кончается дорога, выходящая из Шипкинского перевала.

пройти в тыл? Вероятно, эти отряды перешли через Дунай лишь тогда, когда римские войска уже продвинулись вперед дальше на Восток. Может быть и остготы лишь в это время переправились через Дунай, хотя Аммиан и рассказывает об этом раньше. Во всяком случае те подкрепления, которые получили германцы, должны были быть весьма значительными.

¹ Я нахожу возможным скомбинировать здесь рассказы Евнапия и Зосимы с рассказом Аммиана. Ср. примечания.

Задачей обоих римских императоров было сперва соединиться, чтобы затем при помощи своих объединенных сил дать готам сражение. Задачей же готов было помешать объединению обоих римских войск и разбить в одиночку либо одно, либо другое войско.

Грациан шел по большой дороге, направлявшейся вдоль Дуная, а затем через теперешнюю Сербию, мимо Филиппополя, вдоль Марицы к Адрианополю и далее к Константинополю. Поэтому готам было бы очень легко встать на их пути где-нибудь в окрестностях Филиппополя, чтобы разделить своих противников. Но этот маневр едва ли бы им удался. Римляне еще не разучились искусству укреплять лагери. К тому же оба римские войска, идя вокруг готского войска, осторожно прикрываясь и опираясь на укрепленные города страны, без сомнения, нашли бы способ соединиться друг с другом, не дав в то же время противнику возможности перейти в наступление. А если бы готы так плотно залегли в каком-либо горном проходе, что они его совершенно заперли бы, то все же римлянам какими-либо окольными путями всегда удалось бы пройти мимо них, не говоря уже о возможности того, что им, может быть, кроме того, удалось бы со своей стороны напасть на готов одновременно с двух сторон. Поэтому попытка готов таким образом разделить римлян оказалась бы для римлян только благоприятной, — тем более, что готы в это время не смогли бы расширить сферу действия своих войск и принуждены были бы, таким образом, избавить страну от своих разбойничьих набегов.

И мы должны будем признать в предводителе готов герцоге Фригхигерне стратегический талант, если только задумаемся в то, каким образом он при этих условиях приступил к выполнению своей задачи и повел свой народ к победе.

Он расположил свое войско не между двумя римскими армиями, а оставил большую дорогу, шедшую вдоль Марицы, совершенно свободной и даже отступил еще дальше к востоку от Берса, на Кабилэ (Ямболи)¹.

Когда же Валент начал продвигаться дальше по долине Марицы, от Адрианополя по направлению к Филиппополю, то до него вдруг дошла неожиданная весть, что готы появились в его тылу близ Адрианополя и угрожают дороге, ведущей на Константинополь. Кажется даже, что готские всадники внезапно появились в самом тылу римского войска на марицкой дороге, так что могло показаться, что готы хотели отрезать императора от Адрианополя.

При этом известии Валент повернул обратно. Готы, появившиеся на марицкой дороге, оказались лишь рекогносцировочными патрулями. Римляне без боя снова достигли Адрианополя.

Теперь Валент мог бы здесь спокойно остановиться и дожидаться прибытия второго римского войска. Хотя в этом случае готы своим коротким наступлением ничего не выиграли бы, но ничего и не потеряли бы. Они никогда не смогли бы непосредственно помешать соединению римских армий, а если бы они не захотели решиться на сражение с соединенными силами обоих императоров, то смогли бы из Фракийской равнины так же хорошо отступить к Нижнему Дунаю, как и со своих позиций при Берса. Но удар в тыл противника дал им

¹ C. Jirecek, «Die Heerstrasse von Belgrad nach Konstantinopel», 1877. S. 145.

также и другие преимущества; они разорвали теперь ту линию связи, по которой к войску Валента подвозилось снабжение, и смогли разграбить богатую область Фракии вплоть до самого Константинополя, — ту область, которая меньше всего была затронута военными бедствиями и нуждой. Нельзя себе представить другого более резко действующего средства, которое должно было побудить императора дать преждевременное сражение еще до прибытия Грациана, чем эта операция готов в его тылу. И даже нельзя считать невозможным тот факт, что это сражение стало неизбежным, так как готы, благодаря занятой ими позиции, отрезали римлян от подвоза снабжения.

Наши источники утверждают, что Валент позволил уговорить себя дать сражение вследствие зависти к своему племяннику Грациану, который только что одержал победу над одним алеманнским племенем — лентиензами. Лстецы побудили императора совершить этот необдуманный шаг. Вполне естественно, что после поражения люди могли с отчаянием и с негодованием спрашивать друг друга, каким образом император мог вызвать противника на бой, не дождавшись второго войска, которое уже к тому времени находилось в Верхней Мезии (Сербии). И кто может знать, играла ли на самом деле зависть какую-нибудь роль при принятии этого решения? И если бы даже мы признали, что имеем у Аммиана свидетельство, исходящее из самого интимного окружения императора, то все равно — кто смог бы распознать мотивы этого поступка вплоть до его самых индивидуальнейших оттенков? Ясно лишь то, что Валент, призвав на помощь своего племянника в тот момент, когда тот находился уже поблизости от него, не начал бы решительного сражения, если бы он не был убежден в том, что к этому вынужден, или если бы он не был твердо уверен в своей победе. Я считаю, что рассказ о том, что зависть явилась причиной этого поступка, является простой адъютантской сплетней.

Мы узнаем, что численность готов, как это было сообщено императору, не превышала 10 000 человек. Скорее в этом сообщении, нежели в мнимой зависти ко второму императору и в лести придворных, и следует искать побудительную причину, заставившую императора принять решение дать бой. Неужели император, располагая превосходящими силами, мог спокойно и не принимая никаких мер смотреть на то, как варвары обращали в пепел цветущую провинцию перед воротами его столицы?

Фритхигерн применил затем еще и другой способ для того, чтобы заманив императора, вызвать его на бой. Он отправил христианского священника (можно спросить, не был ли это, может быть, даже сам Вульфила) в римский лагерь и предложил императору мир на том условии, чтобы готам была предоставлена и уступлена провинция Фракия со всем скотом и всем хлебом. Наряду с официальным посланием это духовное лицо везло с собой также и секретное письмо герцога, в котором тот советовал императору двинуться вперед со всем своим войском, чтобы этим внушить к себе уважение со стороны готов и настроить их в пользу мира.

Если бы Валент не был на самом деле убежден в том, что численность его войска значительно превосходит силы противника, то военная хитрость готов, конечно, была бы слишком неуклюжей для того, чтобы, заманив его, побудить к преждевременному сражению еще до прибытия Грациана. Но при тех взглядах на поло-

жение вещей, которые царили в римской главной квартире, послание Фритхигерна уже совсем не показалось таким неестественным. Мы даже можем задать вопрос: не было ли это послание по крайней мере наполовину честно задумано? Ведь тщеславие готов еще не шло дальше того, чтобы быть на положении хорошо оплачиваемых и снабжаемых наемников римлян, а впоследствии, действительно, пришли к соглашению, основанному на условиях, совершенно подобных тем, которые в данном случае предлагал Фритхигерн. Однако, нуждается в разъяснении вопрос, каким же образом император мог склониться к тому, чтобы заключить подобный мир. Римский авторитет и личный престиж самого императора были бы непоправимым образом подорваны, если бы варварам, вместо наказания и мести за те страдания, которые они причинили, была бы еще помимо того отдана провинция. Если бы Валент чувствовал себя слишком слабым для выполнения этого дела, то он мог бы дожидаться помощи Грациана.

И, действительно, мы видим, что Валент отклонил предложение начать мирные переговоры, а вместо этого выступил вперед против готов. Все указывает на то, что Валент был уверен в своей победе, независимо от того, хотел ли он во всяком случае разбить готов или же, выступив со своими превосходными силами, заставить их заключить мирный договор.

После того как на следующее утро Валент выступил против готов, во время его марша еще два раза появлялись послы от Фритхигерна, которым, впрочем, не очень поверили, так как они были не знатного происхождения, а заурядные готы. В конце концов им, однако, уступили, после того как Фритхигерн предложил произвести обмен заложниками. В то время как обе армии уже находились лицом к лицу, полководец Рихомер объявил, что он готов принять на себя выполнение этого опасного поручения, тогда как другой отклонил от себя это предложение. И он уже, говорят, находился по пути к готам, когда римские войска в одном месте без приказа начали бой, и, таким образом, началось и стало постепенно разворачиваться общее сражение.

Этот рассказ не обладает большим внутренним правдоподобием. Хотя является вполне понятным, что Фритхигерн еще раз выслал послов, — или затем, чтобы, выказав свой мнимый страх, еще больше побудить римлян к нападению, или для того, чтобы этими переговорами выиграть еще некоторое время, так как еще не прибыли на место отряды всадников, посланные под командой Алатея и Сафракса для доставки фуража и вернувшиеся обратно как раз перед самым началом сражения. Но вместе с тем встает вопрос относительно Валента, почему он согласился на обмен заложниками.

Возможно, что хотя он и не стремился к заключению мира на условиях отдачи провинции, но все же хотел вести переговоры, с целью привлечь и удержать готов до тех пор, пока прибудет Грациан. Но это же самое можно было бы сделать с большей безопасностью, находясь в укрепленном лагере. Ведь если император боялся, что готы от него ускользнут, и лишь теперь, когда они уже не могли от него уйти, согласился на обмен заложниками, совсем не предполагая отдать варварам Фракию в виде награды за их злодеяния, но делая это лишь для того, чтобы их успокоить, привлечь к себе и выждать, между тем, прибытия Грациана, — то все же остается открытым вопрос, почему Валент не приказал сделать остановку раньше.

Можно еще предположить, что, будучи до этого времени уверенным в победе, он в последнюю минуту убедился в том, что недооценил сил готов и что они гораздо сильнее, чем он это предполагал раньше. Но такая перемена в настроении Валента, конечно, не могла бы быть совершенно обойдена молчанием в наших источниках и раньше всего тотчас же вызвала бы приказ о приостановлении дальнейшего продвижения войск. Ведь при незначительной дальности действия оружия того времени войска должны были, действительно, стоять на расстоянии всего лишь нескольких сотен шагов одни от других, раз они смогли, не получив приказания, начать бой. Но в таком случае римский оперативный штаб должен был бы уже давно быть осведомленным относительно действительной численности противника. Развертываясь в боевой порядок, войска продвигаются медленно. И хотя полководец во время развертывания армии не может сам видеть противника, но он все же приказывает наблюдать за ним, посылая для этого вперед своих командиров. Совершенно исключена возможность того, чтобы Валент уже за несколько часов до начала сражения не имел настолько правильного представления относительно численности готов, насколько такое представление можно себе составить на основании оценок опытных командиров. Разве только всадники Алатея и Сафракса могли в это мгновение озадачить римлян, но в наших источниках мы нигде не находим даже малейших указаний на то, что существовала какая-либо связь между появлением этих всадников и решением Валента начать переговоры. Поэтому мы не можем сомневаться в том, что вплоть до самого последнего мгновения римский оперативный штаб был твердо убежден в своей победе. В противном случае, без всякого сомнения, войска были бы остановлены несколько ранее и были бы использованы переговоры для того, чтобы отвести войска обратно в лагерь и дожждаться прибытия западноримской армии. И если Валент все же в самое последнее мгновение — или, вернее, тогда, когда было уже слишком поздно, — принял предложение противника произвести обмен заложниками, то это можно объяснить лишь тем, что перед лицом наступавших готов у него уже не выдержали нервы, тем более, что в нем, вероятно, уже с самого начала происходила внутренняя борьба, и он долго не мог решить вопрос, не следует ли лучше дожждаться Грациана.

Из наших источников мы абсолютно ничего не можем извлечь относительно тактического хода сражения. Мы узнаем лишь о том, что готские всадники при первой же атаке опрокинули римских (это были по большей части арабы, которых Валент привел вместе с собою из Сирии), и что затем в грандиозной бойне римское войско было почти совсем уничтожено. Сам император исчез, и никто не знал, каким образом он погиб.

Неправильно было бы, исходя из значительных размеров поражения, сделать вывод о крупном превосходстве сил готов. Ведь в данном случае достаточно вспомнить не только о сражении при Каннах, но и вообще о том, что в древности разбитое войско обычно терпело очень большие потери и могло быть без труда совершенно уничтожено.

И если даже мы не можем извлечь тактических выводов из описания этого сражения, — если военно-политическая связь событий остается для нас неясной, — то все же это сражение представляет для нас большой интерес с точки зрения военной истории, так как она

прежде всего снова показывает нам в германском князе природного стратега. Затем она представляет для нас особенный интерес по той цифре, которую содержит сообщение о численности готов, а именно— не более 10 000 человек, что именно и побудило римского императора предпринять свое наступление.

Аммиан, в рассказе которого сохранилось свидетельство об этом сообщении, прибавляет к нему, что оно было неправильно, но не указывает, какова же была на самом деле численность готской армии. Так как он лишь во вступлении к своему рассказу говорит об огромных массах людей, переправившихся через Дунай, и так как другой писатель той эпохи Евнапий (гл. 6) определяет численность готского войска почти в 200 000 боеспособных воинов, то современные историки решили, что эти 10 000 воинов были не чем иным, как какой-либо головной частью авангарда, каким-либо его передовым отрядом. Но этого совершенно нет у Аммиана, и такого рода соображение совершенно исключается всем ходом событий. В нашем источнике говорится, что римские патрули уверяли, будто бы вся та армия, которую они видели, не превышала своей численностью 10 000 человек. Это сообщение побудило императора напасть на противника. Если бы это сообщение следовало понять в том смысле, что патрули из какой-то неопределенной большой войсковой массы видели своими собственными глазами лишь 10 000 человек, то не имели бы никакого смысла слова Аммиана «неясно, по какой ошибке», добавленные им к этой фразе, а также внезапно принятое императором решение. Это сообщение могло заключать в себе лишь то, что из огромной, как предполагали, массы варваров, здесь, при Адрианополе, на этом месте находилось не более 10 000 человек.

Но это сообщение было ошибочным, говорит Аммиан. Если это и было так, чему мы можем поверить, то все же эта ошибка должна была бы быть ограничена какими-то определенными пределами. Это войско, на которое напал Валент, полагая, что перед ним находится 10 000 человек, не могло на самом деле насчитывать 100 000 или даже 200 000 человек.

Не выдерживает критики и то предположение, что Валент рассчитывал захватить здесь неприятельский летучий партизанский отряд, в то время как главные силы готов находились где-то в другом месте, и нечаянно, ничего не предполагая, именно на них-то и наткнулся. Посольства Фритхигерна доказывают, что это был не только простой летучий партизанский отряд. Весь рассказ Аммиана должен был бы в таком случае звучать иначе, и ошибка должна была бы обнаружиться уже во время наступления. Ведь готы, начав переговоры, дали тем самым римлянам двойное время и двойную возможность для отступления. Римский император вплоть до самого начала сражения не мог быть осведомлен о своей ошибке.

Таким образом, ясно, что Валент шел на сражение, уверенный в том, что противник,— и притом его главные силы под начальством их герцога Фритхигерна, который сам находился тут же и даже высылал парламентеров,— насчитывает приблизительно 10 000 человек. На самом деле он был сильнее, уверяет нас Аммиан, но это «сильнее» ни в каком случае не могло обозначать тройного или хотя бы даже двойного перевеса сил, так как даже 20 000 человек вместо 10 000 уже являются такой разницей, которую должны были бы заметить римские командиры во время наступления римского войска. Крайне неве-

роятно, чтобы при такого рода наблюдениях не раздались голоса, которые советовали бы лучше обождать прибытия Грациана. А если бы такие голоса раздавались, то, конечно, наверняка кое-что из этого сохранилось бы в традиции и дошло бы до нас в подробном рассказе Аммиана, ибо после несчастья ничто столь усердно не подчеркивается, как возгласы людей, предостерегавших и оказавшихся правыми. Но мы в нашем источнике ничего подобного не находим, даже положительного утверждения, что численность готов значительно превышала 10 000 человек, а, наоборот, обнаруживаем лишь самую общую фразу о том, что это сообщение было ошибочным. Поэтому ошибка эта никоим образом не могла быть особенно значительной. В сущности говоря, здесь дело шло лишь о той части конницы, которая присоединилась к готам в самый момент начала сражения. Таким образом, готы насчитывали, может быть, 12 000 или, в крайнем случае, мы могли бы сказать, 15 000 человек.

Этот вывод подтверждается фразой в рассказе Аммиана, в которой говорится, что римляне при своем наступлении заметили неприятельское круглое укрепление, сделанное из телег («завидели телеги неприятеля, которые, по донесению лазутчиков, были расставлены в виде круга»). Совершенно так же описывает Аммиан (31, 7, 5), говоря о походе предшествовавшего года, укрепление готов, сделанное из телег («оградив себя в виде круга огромным количеством телег»). Не устанавливая каких-либо точных границ, все же можно сказать, что такое укрепление, сделанное из телег, может всегда заключать внутри себя лишь очень небольшое войско. Потребовалось бы много дней для того, чтобы составить в один круг десятки тысяч телег, да к тому же это было бы вообще невозможным делом вследствие неровностей почвы. Равным образом при выступлении войско потеряло бы всякую возможность свободно передвигаться. Даже во время нахождения войска внутри лагеря каждый отдельный воин был бы при такой величине круга настолько удален от своей телеги, от своего находящегося в ней имущества и от своего скота, что исчезли бы не только всякий порядок, но и какая-либо возможность пользоваться этим войском. Если бы войско, состоящее из нескольких десятков тысяч человек, захотело укрепиться позади своих телег, то оно должно было бы построить из этих телег несколько укреплений. Но из текста Аммиана видно, что в каждом из приведенных выше случаев дело шло лишь об одном укреплении, сделанном из телег.

Дальнейшее подтверждение нашего вывода мы находим в передвижениях готов. Они двинулись на Кабилэ к Адрианополю. Через горы, лежащие между этими двумя пунктами, в настоящее время проходят две дороги, идущие правее и левее р. Тунджи, но не по самой долине реки, а часто даже на довольно далеком расстоянии от нее¹. Восточную дорогу в 1829 г. использовал ген. Дибич, и этот его

¹ Помимо «генеральной карты» Балкан, вышедшей у Артариа в Вене в 1897 г., теперь имеется еще лучшая болгарская карта (1:420 000), которой я и пользовался. Она основывается на съемках, сделанных русскими офицерами во время войны 1877—1878 гг. Карта Европейской Турции, изданная турецким генеральным штабом, несмотря на свой подзаголовок — «правильно выполнена генеральным штабом его, милостью Аллаха могучего, высокого и охраняющего величества», является лишь слегка измененным воспроизведением австрийской «генеральной карты», как на то указал Hardt von Hartenthurm («Mitt. d. d. k. k. mil. geogr. Instituts», Bd. 18). Ср. L. v. Thalloczy, «Oesterreich-Ungarn und die Balkanländer», Budapest 1901).

поход, совершенный им в августе, т. е. в то же самое время года, когда вестготы совершали свой путь, описывает нам Мольтке в своей истории этой войны (стр. 359): «По ту сторону Папаской (Попово) местность становится более гористой и пересеченной. Здесь по большей части возвышаются совершенно обнаженные скалы, так что путь по этим раскаленным камням был крайне труден. Турки разрушили здесь все колодцы и источники, которые в этой местности дают влагу путнику и этим его так ободряют; поэтому здесь царил ощутительный недостаток в воде. Наконец, после 4-мильного перехода достигли городка Буюк-Дербент, где заночевали и отдыхали в течение всего следующего дня. 7-й корпус сделал остановку уже в Кучук-Дербенте. Русские в этой дикой каменной пустыне страдали сильнее, чем при переходе через Балканы. Жара была нестерпимая, и лихорадка начинала все сильнее свирепствовать в войске. Буюк-Дербент (или большой горный проход) является очень трудно проходимой тесниной». Относительно второго — западного — пути Мольтке говорит (стр. 358), что он был значительно менее труден. Но этот путь проходит по правому берегу Тунджи, которая близ Адрианополя соединяется с Марицей и через которую можно переправиться лишь при помощи моста (стр. 361).

Из этих дорожных условий, которые в те времена по существу должны были быть приблизительно такими же, можно сделать вывод, что готы для своей операции располагали лишь одной дорогой, а именно — восточной, проходящей по левому берегу Тунджи через Буюк-Дербент. Они не были в состоянии ни разделить свои силы и использовать одновременно обе дороги, ни со всем своим войском пойти по западной дороге. Горные проходы на расстоянии приблизительно от 3 до 4 миль к северу от Адрианополя ведут собственно из гор в холмистую местность, переходящую постепенно в волнистую равнину, среди которой и лежит этот город. Выходы обеих дорог из гор лежат друг от друга на расстоянии приблизительно двух миль, и между ними протекает Тунджа. Корпус готов, шедший по западной дороге, — если бы римляне благодаря какой-либо случайности заранее узнали об его выступлении, — был бы открыт для флангового удара или же мог бы непосредственно при выходе из горного прохода натолкнуться на главные силы противника. Тогда он имел бы в своем тылу глубокую Тунджу, которая его отделяла бы от другой половины войска. Это препятствие оказалось бы для него очень неудобным и в том случае, если бы римское войско еще не прибыло сюда. Согласно Аммиану, готы двинулись по направлению к адрианополь-константинопольской дороге и потому должны были бы для этой цели сперва переправить через Тунджу тот корпус, который шел по западной дороге.

Поэтому Фритхигерн, идя одновременно по обеим дорогам, не мог бы знать, не натолкнется ли он тотчас же при выходе на римское войско, а также не мог бы узнать и того, что его правая колонна опрокинута раньше, чем к ней могла бы прийти на помощь левая. Но если бы он шел лишь по одной дороге, и если бы Валент со своим войском был уже на месте, то самые передние эшелоны готов принуждены были бы вступить в бой раньше, чем им могли бы помочь задние, находившиеся позади на расстоянии одного или двух дневных переходов. Лишь в том случае, если бы войско было настолько мало, что ему хватило бы одной дороги, и если бы колонна растянулась не

больше, чем на один дневной переход, готы могли бы отважиться на свое наступление, так как лишь в таком случае они могли бы рассчитывать, что их войско сможет быстро продвинуться вперед и будет уже готовым к бою к тому времени, когда подойдут римляне.

Небольшое войско не в состоянии выполнить то, что может сделать большое войско, но и большое войско не может сделать всего того, что в состоянии выполнить небольшое войско.

Дибич, согласно Мольтке, воспользовался в 1829 г. для своего наступления на Адрианополь восточной дорогой, чтобы не быть вынужденным переправляться через реку поблизости от этого города и чтобы прикрыть этой рекой свой правый фланг от каких-либо действий противника со стороны Филиппополя. Точно в таком же положении находились готы в 378 г. Они хотели, пройдя мимо Адрианополя, выйти на константинопольскую дорогу. Когда они выступили из Кабилэ, Валент либо еще стоял близ Адрианополя, либо же выступил по направлению к Филиппополю, двигаясь по дороге, тянувшейся вдоль долины р. Марицы. Если бы он благодаря какой-либо случайности мог очень рано узнать о наступлении готов, то даже в этом последнем случае он мог бы вновь появиться перед ними близ выхода западной тунджской дороги из горного прохода и оказаться для них чрезвычайно опасным как здесь, так и при переправе через реку. Напротив того, идя по восточной дороге, готы могли бы быть сравнительно уверены в том, что им удастся спокойно выйти из горного прохода и что римляне не смогут им в этом помешать.

Мы должны признать, что готы при своем наступлении, конечно, не тащили вместе с собой всего своего обоза, который должен был достигнуть огромных размеров вследствие добычи, состоявшей из ценных предметов, скота и рабов. Они должны были его оставить под особым прикрытием несколько далее к северо-востоку, на некотором расстоянии от тогдашнего театра военных действий. Кроме того, отдельные отряды могли в это время не находиться близ войска; так, например, войско Грациана заметило один отряд аланов и вступило с ним в бой. Некоторое количество слуг и в особенности много женщин, а, следовательно, и детей сопровождало главное войско во время его похода, так что если в нем и не было полных 15 000 воинов, то все же оно, наверное, должно было насчитывать 30 000 человек и, следовательно, вместе со своими телегами растянуться на дороге на протяжении целого дневного перехода.

Вернемся отсюда еще раз к решительному моменту сражения. Из наших источников не видно, что именно решило исход сражения для готов, — другими словами, почему их конница оказалась способной одержать такую безусловную и окончательную победу над конницей римлян и почему римская пехота не смогла снова восстановить положение, как она это сделала при Страсбурге. При Страсбурге, как мы это можем допустить с большой долей вероятности, на стороне римского войска было значительное численное превосходство. Но относительно адрианопольского сражения мы должны признать, что численное различие в ту или в иную сторону было во всяком случае не очень большим. Когда было получено сообщение, что неприятель насчитывает лишь 10 000 человек, то Валент счел себя совершенно уверенным в победе. Следовательно, его войско было на несколько тысяч человек сильнее, и Аммиан ясно нам говорит, что оно было многочисленным и боеспособным.

Так как нельзя обнаружить непосредственно военных оснований для абсолютного поражения одной стороны, то можно предположить, что некоторую роль в этом деле сыграла внутренняя политическая слабость Римской империи, — другими словами, измена или по крайней мере недостаточно добрая воля.

Когда император Юлиан внезапно погиб в Месопотамии и войско избрало императором сперва Иовиана, а затем Валентиниана, то последний упустил из виду, что хотя Юлиан и умер бездетным, но все же ушел из жизни, оставив наследника. Еще существовал потомок рода Константина по боковой линии, двоюродный брат Юлиана, по имени Прокопий, который, защищая свои права, был, наконец, побежден, но к которому население столицы, Константинополя, обнаружило такую сильную симпатию, что для нового императорского дома создано напряженное положение, продолжавшее оставаться в течение продолжительного времени¹. Далее, император Валент был убежденным арианином, и когда первые полководцы, отправленные им против готов, вернулись обратно разбитыми, то они ему в лицо сказали, что их несчастье объясняется тем, что император не исповедует правильной веры². Когда он выступал из Константинополя, то к нему навстречу вышел священник и потребовал от него, чтобы он вернул истинно верующим захваченные у них церкви, угрожая ему, что если он их не вернет, то не вернется живым из похода³. А в Константинополе говорили друг другу, что, так как его обругали в амфитеатре, он поклялся после своего возвращения сравнить с землей столицу⁴. Все эти рассказы, сохранившиеся в писаниях церковных писателей, каждый в отдельности не особенно достоверны. И даже сообщение одного из этих писателей, Сократа, положительно утверждающего, что конница изменническим образом не принимала участия в сражении, мы едва ли можем считать настоящим свидетельством источника, так как у Аммиана ничего не говорится об измене. Но все же совершенно очевидно, что авторитет правившего императора Валента подвергался нападениям с двух сторон и был очень непрочен. Поэтому нельзя совершенно отвергнуть мысль о том, что исход сражения при Адрианополе, имевшего столь неизмеримое значение, был обусловлен не чисто военными, но политическими причинами, — причинами, связанными с внутренней римской политикой.

Критические основы для понимания этого сражения заложены в статье Вальтера Юдейха (Walther Judeich, «Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Bd. 6, 1891). Недавно вопрос об этом сражении подвергся исследованию в диссертации Фердинанда Рункеля (Ferdinand Runkel, «Berliner Dissert.», 1903). Нашим главным и почти единственным источником является рассказ Аммиана. Однако, хотя он и был командиром, но его описание сражения, по выражению Вейтерсхейма, «изложено скорее в стиле романа, чем в военном стиле». Работа Юдейха в части своих военных рассуждений недостаточна и часто совершенно неправильна, но ее большая заслуга в том, что она ясно и правильно фиксирует те географические соотношения, о которых в данном случае идет речь, и что она при этом устанавливает, каким образом Аммиан неправильно понял то лицо, на которое он сам ссылается, и каким образом

¹ Сократ, IV, 38.

² Феодорит, IV, 33.

³ Созомен, IV, 40.

⁴ Сократ, IV, 38.

эта ошибка должна быть исправлена. И в этом направлении надо лишь пойти немного далее, чем это сделал сам Юдейх.

В описании Аммиана имеется противоречие. Аммиан говорит, что император, выступив из Константинополя, сперва расположил свой главный оперативный штаб в Мелантиаде, в 3—4 милях от столицы, а затем отправился в Нику, расположенную в 3½ милях от Адрианополя. Отсюда полководец Себастиан «форсированным маршем» поспешил к Адрианополю. Так как дело идет лишь об одном дневном переходе, то это выражение может ввести в заблуждение.

Непосредственно после этого Аммиан заставляет императора вторично выступить из Мелантиады, и тотчас же после этого мы узнаем, что противник хотел ему отрезать пути подвоза провианта, но что Валент отразил эту попытку, выслав вперед лучников и всадников. После этого варвары в течение трех дней идут на Нику. Валент узнает, что противник насчитывает лишь 10 000 человек и двигается к Адрианополю, чтобы дать неприятелю сражение.

Если варвары уже стояли при Нике, которая находится между Мелантиадой и Адрианополем, то каким образом Валент, уже находясь на пути из Мелантиады, мог затем попасть к Адрианополю? И каким образом варвары могли ему отрезать пути подвоза продовольствия, стоя перед ним?

Совершенно ясно, что Аммиан не имел ясного представления относительно географического расположения театра военных действий. Его вина не так велика, как нам это может показаться на первый взгляд. Мы опять можем провести современные аналогии, чтобы показать, что такие случаи нельзя ни в какой мере считать неслыханными.

С И. Г. Дройзеном случилось, что, описывая операцию, которая в феврале 1814 г. привела к ужасному поражению на Марне, он заставил силезское войско в течение двух дней подряд проделывать тот же самый переход. А Трейчке в своем введении в историю сражения при Лейпциге помещает Мерзебург к северо-западу от Лейпцига. Как прирожденный саксонец, к тому же в течение ряда долгих лет живший в самом Лейпциге, он, как обычно аргументируют наши филологи, должен был бы знать, что к северо-западу от Лейпцига находится Халле и что Мерзебург, расположенный лишь в трех милях от Лейпцига, находится от него почти прямо в западном направлении. Но ошибка уже имеется налицо, и совершенно невозможно, как это любят делать наши лишенные метода исследователи в области древней истории, истолковать эту ошибку каким-либо искусственным образом. Эту ошибку нужно попросту констатировать и исправить. Совершенно так же обстоит дело и с данным местом у Аммиана.

Прежде всего ясно, что Валент не мог свои передовые отряды выслать вперед к самому Адрианополю, оставаясь в то же время с главными силами своей армии у Мелантиады, находящейся в 26 милях от него.

Согласно Евнапию (стр. 78) и Зосиме (IV, 28), Себастиан не только командовал авангардом войска, находившегося под личным начальством Валента, но уже в течение долгого времени до этого с 2 000 избранных воинов вел с успехом малую войну против готов. Этот рассказ кажется нам заслуживающим доверия, так как едва ли можно согласиться с тем, что в течение продолжительного времени до прибытия императора решительно ничего не делалось для отражения грабителей. Поэтому выше я не побоялся скомбинировать вместе рассказы Аммиана и двух других писателей относительно действий Себастиана¹.

Но как бы то ни было, вполне естественно, что Валент задержался близ Константинополя на возможно короткий срок и затем быстро двинулся вперед, для того

¹ Л. Шмидт (Ludw. Schmidt, «Geschichte d. deutschen Stämme», S. 172, Anm. 4) возражает против этого, указывая, что, согласно Аммиану, Себастиан пришел в Фракию лишь незадолго (paulo ante) до императора.

чтобы защитить страну и оказать помощь Себастиану. Поэтому правильным является сообщение о первом выступлении императора и ошибочным—сообщение о втором. Самым простым исправлением этого места явилось бы следующее. Второе выступление было предпринято не из Мелантиады, а из того пункта, который, как уже указано, был достигнут войском, т. е., следовательно, из Ники, причем войско, само собой разумеется, выступило по тому пути, который вел навстречу другому римскому войску, т. е. через Адрианополь на Филиппополь. Тот факт, что Валент действительно шел по этому пути и что он уже миновал Нику, доказывается тем обстоятельством, что готы двинулись на Нику. Если бы Валент еще находился здесь, то это тотчас же привело бы к столкновению.

Если же вместо этого Валент быстро двинулся на Адрианополь, с целью нанести удар противнику, то он ни в каком случае не мог прийти со стороны Ники, ибо такое взятое им направление увело бы его от готов. Этот его маневр можно понять лишь таким образом, что он уже прошел мимо Адрианополя и теперь возвратился обратно. Именно этот факт был правильно понят Юдейхом, хотя Аммиан и не отдавал себе ясного отчета в этом обстоятельстве.

Теперь становится ясным также и то, каким образом готы могли отрезать римлянам пути подвоза продовольствия. Ведь отрезать путь можно лишь позади войска, а не впереди его. И наоборот, в то время как Валент стоял у Адрианополя, к нему прибыл посланный Грацианом полководец Рихомер. Каким же образом могло это произойти, если бы готы находились перед войском Валента?

Я приведу здесь целиком соответствующие главы Аммиана. Читая их подряд, можно убедиться, как легко внести в них необходимые исправления¹.

«Приблизительно в эти же дни Валент выступил, наконец, из Антиохии и, совершив продолжительный путь, прибыл в Константинополь. Там он оставался лишь в течение очень немногих дней и имел при этом некоторые неприятности вследствие восстания жителей. Командование пехотой было передано Себастиану—полководцу, известному своей осторожностью, который незадолго до этого был прислан по его просьбе из Италии. Эту должность ранее занимал Траян. Сам же Валент, отправившись в Мелантиаду, старался там расположить к себе солдат выдачей жалованья и продовольствия, а также многими льстивыми речами. Объявив о походе приказом, он оттуда прибыл в Нику — так называется этот военный пост. Там он узнал из донесений разведчиков, что варвары, нагруженные богатой добычей, вернулись из района Родопа в соседство Адрианополя. Варвары же, узнав, что император движется с крупной армией, стали спешить соединиться со своими соплеменниками, которые укрепились около Берои и Никополя. Чтобы не упустить такого удобного случая, Себастиан получил приказ, набрав из отдельных полков по 300 человек, как можно скорее отправиться туда, чтобы совершить нечто полезное для государства, как он и сам это обещал. Когда он форсированным маршем подошел к Адрианополю, то ворота были закрыты и ему не дали войти в город. Защитники города боялись, не взят ли он неприятелем в плен, не явился ли он в качестве подосланного и не стремится ли он сделать что-нибудь на гибель городу, как это случилось с комитом Актом, которого войска Магненция взяли в плен обманом и при его помощи открыли себе бывший укрепленным проход через Юлиевы Альпы. Когда, наконец, хоть и поздно, признали Себастиана и разрешили ему войти в город, он, позаботившись, чтобы была предоставлена пища и отдых тем войскам, которые он привел с собой, на другое утро выступил для тайного набега. Уже наступал вечер, когда внезапно были замечены грабительские отряды готов близ р. Гебра. Находясь некоторое время под прикрытием возвышенностей и порослей, глубокой ночью, соблюдая возможную тишину, он напал на неприятеля, не успевшего выстроиться. Он нанес противнику такое поражение, что, за исключением немногих, которых спасла

¹ Дальше следует перевод с латинского. — Р е д.

от смерти быстрота ног, погибли все остальные, и отнял у неприятеля бесчисленную добычу, которую не смогли вместить ни город, ни просторная равнина. Фритхигери был потрясен этим событием и боялся, как бы полководец, отличавшийся, как он это часто слышал, быстротой действий, не уничтожил неожиданными нападениями своевольно рассеявшиеся и занятые грабежом отряды готов. Отозвав всех назад, он быстро отступил к городу Кабилэ, чтобы войска, находясь в равнинной местности, не страдали бы ни от голода, ни от тайных засад.

Пока это происходило во Фракии, Грациан, уведомив дядю письмом о том, как удачно он победил алеманнов, выслал вперед сухим путем обоз и вьюки, а сам с легким отрядом воинов поехал по Дунаю и, пройдя через Бононию, вступил в Сирмий. Остановившись там на четыре дня, он спустился затем по той же реке к лагерю Марса, страдая в пути перемежающейся лихорадкой. На этом переходе он подвергся внезапному нападению со стороны алан и при этом потерял некоторых из своих спутников.

В эти дни Валент был взволнован двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что узнал о победе над лентинцами, а во-вторых, тем, что ему оттуда написал Себастиан, преувеличивая свой подвиг словами. Император выступил из Мелантиады, торопясь каким-нибудь славным делом сравниться с юным сыном своего брата, доблести которого его раздражали. Он вел за собой большое войско, внушавшее к себе уважение и мощное, так как он присоединил к нему даже многих ветеранов и других более высоких командиров; вступил опять в его ряды и Траян, незадолго до этого бывший магистром армии. А так как благодаря энергичным разведкам стало известно, что неприятель предполагает сильными укрепленными заставами преградить пути, по которым подвозилось необходимое продовольствие, то против этой попытки были немедленно приняты соответствующие меры: для удержания важных для нас горных проходов, находившихся поблизости, был быстро отправлен отряд пеших стрелков и всадников. В течение ближайших трех дней варвары медленно наступали, боясь нападения в трудно проходимых местах, и, разделившись в 15 милях от города, они направились к укрепленному пункту Ника. Неизвестно, по какой ошибке передовые легкие войска определили всю ту часть множества войск, которые они видели, в 10 000 человек, и император, гонимый каким-то безудержным лихорадочным пылом, сам спешил им навстречу. Подвигаясь вперед в боевом строю, он близко подступил к предместьям Адрианополя, где, укрепив свой лагерь палисадом и рвом, он с нетерпением стал ждать Грациана. Там к нему прибыл комит доместиков Рихомер, посланный этим императором вперед с письмом, в котором он извещал, что скоро прибудет. В этом письме Грациан просил его, чтобы он немного подождал участника в действиях и чтобы он необдуманно не подвергал самого себя жестоким опасностям. Валент созвал на совет несколько сановников, чтобы обсудить, что нужно сделать. Одни вместе с Себастианом, внесшим это предложение, настаивали на том, чтобы тотчас же вступить в бой, магистр же всадников, по имени Виктор, хотя и сармат, но медлительный и осторожный человек, встретив поддержку у многих других, полагал, что нужно дожидаться сопровителя, чтобы, присоединив к себе подмогу от галльского войска, тем легче подавить пылкое высокомерие варваров. Однако, победило гибельное упорное решение императора и льстивое мнение некоторых придворных, которые убеждали торопиться как можно скорее, чтобы в почти уже одержанной победе, как они это думали, участником не стал Грациан».

Глава IV

Цифры

Очень трудно правильно определить численность большого количества людей. Даже полководцу не так легко, как обычно думают, подсчитать численность войска. Конечно, было бы очень просто удовлетвориться суммированием рапортов низших командиров, но тут же встает вопрос, достоверны ли сведения этих рапортов. Не так-то просто создать и держать в порядке организацию контроля и ведения списков больных, раненых, уволенных в отпуск, откомандированных и нестроевых. Прокопий Кесарийский, описавший подвиги Велизария, рассказывает (*bell. Pers.*, 1, 18), что персидские цари пользовались особым способом для подсчета воинов. Когда войско отправлялось в поход, то все воины друг за другом проходили мимо царя, который сидел на своем троне и близ которого стояло множество корзин. Каждый воин бросал по одной стреле в корзину, после чего корзины запечатывались. Когда же войско возвращалось после похода, то все воины опять проходили друг за другом мимо царя, и каждый воин вынимал из корзины по одной стреле. Таким образом узнавали, какие потери понесло войско.

Эта сказочка, — менее фантастическая, чем те загоны, в которые, согласно греческой легенде, Ксеркс заставлял загонять свои миллионы, — неплохо иллюстрирует нам трудность составления надежного рапорта о численности армии. Поэтому она может нас подготовить к стоящей теперь перед нами задаче определения численности германских войск в эпоху переселения народов, согласно показаниям наших источников.

У нас нет недостатка в свидетельствах.

Требеллий Поллион указывает, что численность готов, вторгшихся в 267 г. в Римскую империю, достигала 320 000 вооруженных воинов. Ютунги (часть позднейших алеманнов), согласно тому же самому писателю, объявили императору Аврелиану, когда вторглись в Италию, что они насчитывают 40 000 всадников и 80 000 человек пехоты.

Император Проб, преемник Аврелиана, сам лично написал сенату, что он во время похода 277 г. убил 400 000 германцев.

Когда бургунды появились на Рейне приблизительно около 370 г., то, согласно Иерониму, они насчитывали 80 000 человек.

Относительно вестготов мы уже слышали от Евнапия, что они при своем переходе через Дунай в 376 г. насчитывали 200 000 воинов.

Такова же была, согласно Прокопию (III, 4), численность остготов, когда они вторглись в Италию. А Витигес осадил Велизария в Риме, обладая армией в 150 000 человек.

Радагаис привел в Италию в 404 г., согласно Зосиме, 400 000, а согласно Марцеллину — 200 000 человек. Орозий пишет, что в этом войске, состоявшем из различнейших народов, одних готов было 200 000 человек.

Согласно Иордану, франки появились в 539 г. в Италии под начальством короля Тейдеберта в количестве 200 000 человек, но отступили без боя перед Велизарием. Согласно Прокопию (*Bell. Goth.*, II, 28), франкские послы утверждали даже, что войско насчитывает 500 000 боеспособных мужей.

Войско Аттилы в 451 г. насчитывало, согласно Иордану, 500 000 человек, а согласно *historia miscella* — 700 000 человек.

Этим цифрам, определяющим численность германских войск, к которым мы можем прибавить еще ряд аналогичных цифр, вполне соответствуют такие факты, как то, что, согласно Зосиме (II, 15), Константин привел в Италию войско, состоявшее не менее как из 90 000 человек пехоты и 8 000 всадников. Он победил императора Максенция у Мильвийского моста, хотя тот имел не менее 170 000 человек пехоты и 18 000 всадников.

Описания источников вполне соответствуют тем цифрам, которые приводятся в этих источниках.

Аммиан пишет об алеманнах (28, 59): «Это — огромный народ. Со времени его первого выступления его ослабляли всевозможные поражения, но молодежь нового поколения так быстро подрастает, что можно было бы подумать, что этот народ в течение столетий не постигало ни одно несчастье». Вслед за тем Аммиан подобным же образом описывает численность бургундов и немного ниже (31, 4) — численность вестготов, которых он называет бесчисленными, как песок морской. То же самое пишет в 320 г. относительно франков Назарий¹.

Но теперь этим цифрам следует противопоставить иной ряд цифр, который нам рисует совершенно иную картину.

Мы сами выше уже установили, что алеманны при Страсбурге насчитывали около 6 000, максимально 10 000 человек, а вестготы при Адрианополе, может быть, от 12 000 до — максимально — 15 000 человек.

Император Зенон, как рассказывает нам его современник Малх, однажды заключил с остготом Теодорихом Страбоном договор, согласно которому Страбон, соперник великого Теодориха, должен был поступить на службу к императору с войском в 13 000 человек, получая за это от императора жалованье и продовольствие для всей этой поставленной Страбоном армии. Судя по всему контексту, эти 13 000 человек составляли главные силы остготов.

Отец церкви Сократ рассказывает, как бургунды, жестоко теснимые гуннами, приняли христианство и благодаря силе новой религии победили 10 000 гуннов, хотя сами насчитывали лишь 3 000 воинов.

Когда Гейзерих со своими вандалами переправился в Африку, то он, согласно Виктору Витензису (I, 1), приказал произвести учет населения, который дал цифру 80 000 человек. Но тут же автор добавляет, что только неосведомленные полагали, что это число включало одних носящих оружие воинов. На самом же деле в это число входили старцы, дети и рабы. А когда, менее чем через 100 лет, император Юстиниан послал Велизария в Африку, чтобы ее снова отнять от вандалов, то войско, которое он дал Велизарию, не превышало 15 000 человек, причем даже не пришлось воспользоваться всем этим войском. Достаточно было 5 000 всадников, чтобы нанести вандалам такое поражение, от которого они уже никогда не смогли оправиться².

¹ G. Kaufmann, «Deutsche Geschichte», I, 89.

² Мне непонятно, каким образом Шмидт (Schmidt, «Geschichte der Vandalen», S. 130) из указания Прокопия (II, 7), что Велизарий победил вандалов при помощи 5 000 всадников, смог вычитать тот факт, что гвардия состояла из 5 000 человек,

К этому ряду цифр мы можем добавить еще и то, что вместо 98 000 человек, о которых мы уже слышали выше, другой современник Константина определяет численность армии этого последнего во время сражения у Мильвийского моста едва в 25 000 человек¹.

Совершенно ясно, что те два ряда цифр, которые мы здесь сопоставили, взаимно исключают друг друга. Если в IV и в V столетиях существовали армии, насчитывавшие многие сотни тысяч воинов, то корпуса в 10 000 — 25 000 человек не могли одерживать таких решительных побед, как у Мильвийского моста и при Адрианополе. Историки с давних времен ощущали эту невозможность, но так как необходимо было произвести выбор, то они высказались не в пользу второго, но в пользу первого ряда цифр². Казалось, что довольно легко доказать неправильность цифр второй группы, истолковав данные тексты соответствующим образом. Панегирист, указывавший, что у Константина было менее 25 000 человек, на самом деле был именно панегиристом. Отец церкви, писавший, что у бургундов было всего 3 000 воинов, хочет доказать, что благодаря христианской вере даже слабый становится сильным. Епископ, утверждавший, что Гейзерих, приведя свою мнимую цифру в 80 000 воинов, смощенничал, дав неправильные сведения, очень враждебно настроен по отношению к вандалам. 13 000 остготов Теодориха Страбона являются лишь очень небольшой частью их. Наконец, те 10 000 готов, о которых было сообщено императору Валенту, составляли не все войско, но лишь один его корпус. А, кроме того, Аммиан к этому ясно добавляет, что это сообщение было неправильно.

Мы же со своей стороны уже высказали противоположную точку зрения.

Более точный критический анализ сохранившихся источников показал нам, что сообщение о том, будто бы готы насчитывали при Адрианополе лишь 10 000 человек, относилось не к отдельному корпусу, но что римляне вступили в сражение, считая численность всего противостоявшего им войска готов именно в 10 000 воинов. Дальнейший ход событий показал нам, что если это сообщение и было ошибочным, то ошибка во всяком случае была весьма незначительной.

Этот вывод вдвойне подтвердился стратегической обстановкой похода. Мы смогли установить путь, по которому шли готы, и увидели, что при тех условиях войско, состоявшее из сотен тысяч воинов, — и даже такое, которое более или менее значительно превышало бы цифру в 10 000—15 000 воинов, — никак не могло бы двигаться по

к которым следует к тому же, по его мнению, прибавить те 15 000 человек, о которых упоминает Прокопий, когда он говорит об общей численности войска (Прокопий, I, 11).

¹ «Panegyг.», IX восхваляет Константина за то, что он с меньшим количеством войск сделал больше, чем Александр, у которого было 40 000 солдат.

И там же («Panegyг.», VIII, 3, 3) мы читаем, что он победил Максенция «с едва четвертой частью войска против 100 000 врагов».

Наконец, согласно указанию «Anon Vales», Константин в 313 г. во время войны с Лицинием имел 25 000 человек.

² С очень энергичной критикой цифр, сообщаемых Прокопием, выступил Экхардт (H. Eckhardt, «Ueber Agathias und Procop als Quellenschriftsteller für den Gotenkrieg. Königsberger Programm», 1864). Однако, и он остается в конце концов при том мнении, что остготы в общей сложности могли насчитывать 200 000 человек (стр. 11).

этому пути. Об этом говорит и то укрепление из телег, которым окружило себя это войско¹.

Наш главный источник относительно сражения при Адрианополе—Аммиан Марцеллин хотя и не является абсолютно свободным от ошибок, но все же очень хорошо и подробно осведомленный и правдивый человек.

Поэтому установленная нами цифра численности войска, подтвержденная затем численностью войска во время сражения при Страсбурге, может считаться в пределах установленных границ абсолютно надежной. Эта цифра является решающей и для всех остальных. Хотя во всемирной истории цифры очень часто бывают весьма ненадежны, зато они обладают тем преимуществом, что поддаются взаимной проверке. Фантастические цифры, часто проникающие в историю контрабандным путем, тотчас же теряют свою силу и исчезают, как только удастся обнаружить хотя бы одну единственную действительно надежную цифру, которая дает возможность сравнения. Если готы при Адрианополе насчитывали максимально 15 000 человек, то тем самым аннулируются все исчисляемые в сотнях тысяч цифры войск эпохи переселения народов. Ведь не подлежит никакому сомнению, что вестготы были одним из самых многочисленных и мощных германских народов времени переселения. Ни остготы, ни вандалы, ни бургунды, ни лангобарды, ни Радагаис, ни Одоакр не могли быть значительно сильнее вестготов, — больше того, они должны были быть значительно слабее их.

Возможно, что в этом сражении не принимали участия некоторые части вестготского народа, так как одна его часть даже осталась севернее Дуная. Но эти недостающие части были замещены остготами, которые присоединились к своим соплеменникам.

Теперь представляется возможность внимательнее проанализировать также и другие цифры второй группы, которые история оставляла в стороне, не уделяя им достаточного внимания.

Те 13 000 человек, с которыми остгот Теодорих Страбон должен был поступить на службу к императору Зенону, ни в каком случае не могли быть лишь незначительной частью готского народа². Такое объяснение является не чем иным, как результатом господствующего представления о крупных массах германцев. Договор явился следствием тяжелого положения, в котором находился император, пытавшийся сыграть на взаимном соперничестве двух предводителей готов. Когда он заключал соглашение с одним из них, то этот последний в тот момент располагал значительно большими силами, чем его соперник. Если бы он позаботился только об одной незначительной части готов, то вся остальная масса тотчас же сосредоточилась бы вокруг другого Теодориха и продолжала бы войну, вместо того чтобы позволить отстранить себя от этой войны. Лишь удовлетворив это решающее большинство во главе с их предводителем, можно было бы надеяться на то, что будет внесен некоторый порядок в среду этих

¹ Римские источники указывают, что кимвры, спустившиеся в 101 г. в Италию, насчитывали 200 000 воинов. Исходя из протяжения и характера того пути, который они выбрали, я счел возможным исчислить их количество максимально в 10 000 человек. Ср. т. I, стр. 554. «Preuss. Jahrb. Bd. 47, 1912. S. 199.

² Это место гласит: «Заключили мирное соглашение относительно 13 000 воинов, которых Теодорих готов был поставить на царскую службу при условии предоставления им жалованья и питания» (Malchus. ed. Bonn, p. 268).

варваров, которые находились внутри страны и грабили ее по своему усмотрению. Если мы теперь еще раз задумаемся в эту, несомненно, правильно переданную нам цифру 13 000, то мы не только не сочтем ее относящейся к какому-либо отдельному отряду, но скорее, наоборот, сможем заподозрить ее в том, что здесь перед нами — ранний пример того явления, с которым мы постоянно будем встречаться в эпоху ландскнехтов, а именно — что кондотьеры слишком преувеличивают цифру своих наемников, чтобы самим иметь возможность прикарманить излишек причитающегося солдатам жалованья¹. Весьма возможно, что Теодорих, так как за ним следовали далеко не все готы, на самом деле располагал лишь 6 000—8 000 воинов, хотя и заключил договор относительно 13 000.

С такой точки зрения эта цифра явится для нас не только лишним, основанным на первоисточниках аргументом против представления о сотысячных войсках германцев, но будет также полностью соответствовать цифре вестготов, участвовавших в сражении при Адрианополе, которую мы исчислили приблизительно в 12 000 и максимум 15 000 человек.

Теодорих Амальский, встав во главе остготов, вел в Италии в течение нескольких лет войну с Одоакром, причем походы совершались в ту и в другую сторону. Однажды остгот собрал весь свой народ около Павии. Если бы он имел 200 000 воинов, то вся масса народа доходила бы до одного миллиона человек. Историки принимали этот факт с чистым сердцем и утешали себя тем, что ведь в источниках не было сказано, что все эти люди находились в городе, но лишь в укреплении близ города². Кто себе хочет составить представление о том, что означает прокормить на одном месте в течение многих недель хотя бы только 200 000 человек, — даже при помощи всех современных вспомогательных средств транспорта, шоссейных и железных дорог, денег, интендантства и поставщиков, — тот пусть прочтет воспоминания начальника отдела снабжения Энгельгардта о снабжении германской армии под Мецом в 1870 г.³

Перейдем теперь к бургундам. Так как мы уже отвергли свидетельство о том, что они насчитывали 80 000 человек, то мы должны проверить, нельзя ли считать правильным другое свидетельство, гласящее, что они насчитывали лишь 3 000 воинов в тот момент, когда они перешли в христианство и победили гуннов.

Ян (Jahn) в своей «Истории бургундов» оперировал с первой цифрой и извлек из нее свои выводы. Биндинг⁴, более осторожный, не решается выступить за пределы общего утверждения относительно того, что «очень трудно составить себе ясное представление о численности германцев сравнительно с римлянами в романско-германских государствах». Но если мы не будем иметь ясного представления о цифрах, колеблясь между 80 000 и 3 000 воинов, то для нас очень многое останется неясным как в событиях бургундской истории, так и в состоянии Бургундии. Достоверность последнего свидетельства

¹ Эта уловка была обычным явлением также и у римлян, в особенности же в эту эпоху. Это ясно показано в работе Мюллера (A. Müller, «Excurs zu Tacitus», I, 46. «Philologus», 65. S. 306. Ср. Зосима, II, 33; IV, 27. См. также и у Либания).

² Ср. Dahn, «Könige», II, 78, где также указаны и свидетельства источников. См. «Hist. misc.», p. 100. Ennod. v. Epiph. S. 390.

³ Недавно опубликовано в «Beih», z. Milit. Wochenblatt, 1901, 11 Heft.

⁴ «Geschichte d. burg. röm. Königsreichs», S. 323.

о 3 000 воинов, конечно, очень незначительна. Совершенно очевидна тенденция отца церкви Сократа изобразить бургундов в своем рассказе как можно более слабыми, причем сам автор не очень хорошо осведомлен ни об этом народе, ни о том времени, когда происходили данные события. Он заканчивает свой рассказ, стоящий вне исторической цепи событий, указанием на то, что в это же время умер арианский епископ Барбас, — в 13-е консульство Феодосия и в 3-е Валентиниана, т. е. в 430 г. Указание «в это же время» во всяком случае неправильно или должно быть понято в очень широком смысле, так как бургунды перешли в христианство значительно ранее: уже вскоре после 413 г.¹ При такой неопределенности хронологии можно — по крайней мере в качестве гипотезы — предположить, что это событие произошло еще на несколько лет позднее, а именно — после большого поражения, нанесенного бургундам гуннами в 435 г. Даже сам Сократ говорит, что бургундам до этого пришлось много претерпеть от гуннов и что многие из них были убиты.

Если же теперь мы примем, что дело действительно шло о каком-то событии, произошедшем после 435 г., о котором Сократ слышал или читал, то цифра 3 000 приобретает для нас совершенно реальный облик. Если бы мы имели дело лишь с фантазией составителя легенды, который хотел прославить победу немногих христиан над гораздо более многочисленными язычниками, то следует поставить вопрос: почему он для этой цели не выбрал противоположного пути, т. е. не увеличил соответствующим образом численности противника? Этот способ является настолько господствующим у всех тенденциозных писателей как того времени, так и вообще всех времен, что противоположный способ резко бросается в глаза. Если бургундский народ, скажем, действительно насчитывал 10 000 воинов, то кто мог бы в этом что-либо заподозрить, если бы Сократ заставил этих 10 000 бургундов одержать победу над 30 000 или 40 000 гуннов? Но то обстоятельство, что он исчисляет силы бургундов в 3 000 человек, может быть объяснено лишь тем, что в основе этой цифры лежит положительное свидетельство. Бургунды были не группой народов, но лишь отдельным племенем. Им пришлось дважды потерпеть поражения, которые в источниках категорически названы уничтожением, — приблизительно в 290 г. от тотом и приблизительно в 435 г. от гуннов². То обстоятельство, что второе поражение, имевшее место при короле Гунтере, было особенно сильным, подтверждается также и той памятью, которую оно по себе оставило и которая продолжала жить в течение столетий. Когда это племя вступило в те области, часть которых до настоящего времени носит их название, то, как говорит наш источник, это были лишь «остатки» народа, переселившегося в новые места. Принимая все это во внимание, мы принуждены сказать, что у нас нет никаких положительных оснований для того, чтобы отвергнуть цифру 3 000. Если их и было более 3 000 человек, то во всяком случае разница не могла быть слишком значительной. Если мы скажем 5 000, то это будет тем высшим пределом, до которого мы можем пойти.

¹ Очень подробно писал об этом, как, впрочем, по всему этому вопросу, Jahn, «Geschichte der Burgunder», I, 337. Ср. Wietersheim-Dahn, II, 212.

² Эти места приведены у Jahn, I, S. 345.

Наше исследование является интересной аналогией к подобным же исследованиям относительно «галльской войны» (*bellum Gallicum*). И здесь также обнаружилось, что указания Цезаря о численности галльских и германских войск не согласуются между собой. С одной стороны, правда, находится лишь одна единственная цифра, с другой же стороны — все остальные. Перед лицом этого огромного большинства цифр историческая наука признала необходимым отдать им предпочтение и признать их достоверными, а в целях восстановления гармонии исправить текст в том единственном месте, где была приведена противоречащая им цифра. Объективное исследование тактических и стратегических приемов нам показало, что как раз наоборот — в одном этом месте истина, если так можно выразиться, вырвалась из уст Цезаря (кн. 5, гл. 34). Поэтому мы должны исходить именно из этой единственной цифры, а все остальные отвергнуть в качестве сознательных преувеличений (ср. том I, ч. VII).

В своих представлениях относительно цифровых данных численности армий человечество во все времена было и оставалось одинаковым. Когда в 1829 г. Дибич перешел через Балканы, то один офицер, посланный для рекогносцировки, доносил Осману-паше: «Легче сосчитать листья в лесу, чем головы в неприятельском войске». На самом же деле у Дибича было 25 000 человек. Об этом рассказывает нам Мольтке в своей «Истории русско-турецкого похода 1828—1829 гг.» (стр. 345 и 349).

Говоря о переправе вестготов через Дунай, Аммиан рисует нам яркую картину их огромного множества и при этом даже вспоминает о походе Ксеркса. Казалось, что снова вернулись те древние времена, когда персидский царь, не имея возможности пересчитать своих солдат поодиночке, приказывал при Дориске пересчитать свои войска по отрядам. Никогда с тех пор никто не видел таких бесчисленных масс, которые растекались по провинциям, покрывая равнины и горы. Так как мы уже доказали, что количество готов, произведшее такое огромное впечатление на Аммиана и на его современников, не превышало 15 000, а со всеми отдельными отрядами, может быть, 18 000 воинов, то с нашей точки зрения мы, повидимому, можем сохранить то сравнение, которое проводит автор между походом готов и походом Ксеркса. А отсюда мы можем сделать тот вывод, что, значит, и войско великого царя насчитывало не 2 100 000, не 800 000, не 500 000 и не 100 000 воинов, но лишь всего от 15 000 до 25 000. Наши филологи — верующие люди, но так как Аммиан уже не принадлежит к числу классиков, то критические сомнения по отношению к нему позволены скорее, чем по отношению к Геродоту. А когда мы сперва на Аммиане напрактикуемся в неверии, то нам станет уже не так страшно совершить святотатство, измерив также Геродота и его современников при помощи того же самого критического и психологического мерил, какое мы применяем к людям других эпох.

Исходя из нашего вывода, мы хотели бы еще раз вернуться к тем цифрам, которые мы установили для древнейших германских эпох, и найти связующую нить между этими двумя эпохами. Раньше считали, что за 400 лет число германцев сильно возросло, причем в этом приросте населения хотели видеть толчок к крупным сдвигам эпохи переселения народов. Мы уже убедились, что это совершенно неправильно. И в эпоху переселения народов германцы были все еще весьма немногочисленны; это обстоятельство является единственно

возможным и вполне естественным, так как хозяйственные условия за это время не изменились. Германцы, как и раньше, были в первую очередь не крестьянами, но воинами. Если бы в течение этого времени их хозяйственный быт испытал существенное развитие, то должны были бы возникнуть также и города. Но германцы и в эту эпоху, как и во времена Арминия, все еще не имеют городов и, как раньше, все еще слабо привязаны к земле: они являются по преимуществу скотоводами и охотниками и лишь в незначительной мере земледельцами. Так как продукция предметов питания увеличилась лишь в очень небольшой степени, то вследствие этого не могла значительно возрасти и общая численность населения. Количество всего народа могло увеличиться вследствие расширения области расселения вплоть до Черного моря, но в то же время не могли в сколько-нибудь значительной мере увеличиться ни отдельные племена, ни плотность населения, которая все еще не превышала 250 человек на 1 кв. милю. Естественный прирост был незначителен, как, впрочем, у всех варварских народов, так как большая плодовитость уравнивалась столь же большой смертностью. Этот прирост не вызывал повышения культуры, но все время толкал германцев на войны—на войны с соседями, на войну с Римом, — причем избыток населения в значительной степени поглощался римской службой.

Для определения численности отдельного войска и отдельного племени очень мешает неясность понятия племени. Исходя из числа племен, живших между Рейном и Эльбой, мы применительно к древнейшей эпохе смогли вычислить, что в среднем на каждое отдельное племя приходилось около 100 кв. миль. Каждый житель такой области мог из любого ее пункта в течение однодневного перехода прибыть в место, предназначенное для общих собраний племени, и такое собрание, состоявшее приблизительно из 6 000 мужчин, было способно вести более или менее организованное обсуждение вопросов и принимать соответствующие решения. Но мы этим не хотим сказать, что уже в ту эпоху не существовало отдельных племен, которые занимали значительно большую территорию и насчитывали значительно большее население. Единство в таком случае обуславливалось собранием князей и хунни. Но это единство было весьма непрочным. Всегда существовала возможность того, что один или несколько родов под начальством их хунни или даже целая группа под предводительством какого-либо князя отделятся и пойдут собственным путем, а также из нескольких мелких племен или осколков племен могут образоваться новые более крупные союзы. Так же обстояло дело и в эпоху переселения народов. Одна часть остготов под предводительством князя Ведемира присоединилась к вестготам; одна часть ругиев — к остготам; вандалы распались на два племени — на синингов и асдингов, а когда они переправились в Африку, то среди них были также аланы и готы.

Поэтому невозможно принять какую-либо среднюю или нормальную цифру для исчисления отдельных встречающихся нам племен. С определенностью мы можем сказать лишь то, что войско кочующего племени никогда не могло превышать 15 000 воинов. 15 000 воинов вместе с женами и детьми образуют массу по крайней мере в 60 000, а с рабами — около 70 000 человек. Это является уже настолько крупной человеческой массой, которая не может передвигаться целиком, а должна быть подразделена на эшелоны или каким-

нибудь иным способом. А так как воинов можно отделить от их семей и от их телег лишь на время, то от руководства требуются максимальное внимание и осмотрительность, для того чтобы в день сражения всех воинов по возможности объединить и держать вместе. В большинстве же случаев численность войск была в два или в три раза меньше этой цифры.

Мы исчислили население Римской империи в середине III столетия в 90 млн. человек (см. выше, стр. 173). Эта цифра является минимальной; можно даже, пожалуй, принять цифру в 150 млн. Разве мыслимо, чтобы такое громадное население могло уступить натиску варварских орд, которые не превышали 5 000—15 000 человек?

Я думаю, что во всей всемирной истории мы не сможем найти другого более точно установленного факта, чем этот. Легендарные преувеличения цифр численности войск не давали нам до настоящего времени возможности понять этот факт. Испытывая неясное ощущение того, что здесь скрывается какая-то загадка, старались нащупать путь, но шли в ложном направлении, пытаясь объяснить поражение римлян уменьшением количества римского населения. На самом деле это не было так. Римская империя была все еще полна людей и полна сильных рук в тот момент, когда она терпела поражения от весьма небольших варварских войск. И этот факт проливает свет на предыдущее и последующее развитие мировой истории.

В I томе мы уже убедились, что самый лучший легион римских ветеранов, при всей своей дисциплине и тактической опытности, не был способен на большее, как быть приблизительно равноценным германскому отряду, насчитывавшему такое же количество воинов. Марий и Цезарь смогли преодолеть германцев лишь благодаря своему очень большому численному превосходству. Но одно лишь численное превосходство еще не дает победы. И в этом мы теперь убеждаемся. В IV и V столетиях Римская империя еще легко могла выставить такое количество вооруженных людей, которое в десять раз превышало бы численность вторгшихся варваров. Можно было бы, пожалуй, спросить, была ли возможность прокормить такие войска при тех способах натурального хозяйства, которые установились в эту эпоху. Но мы можем даже не касаться этого вопроса, так как достаточно уяснить себе то обстоятельство, что после прихода в упадок и исчезновения постоянного войска, — дисциплинированных легионов — наспех собранные контингенты горожан и крестьян уже, безусловно, не были в состоянии сопротивляться варварам. Нет возможности дать достаточно яркое представление о том, как ужасно свирепствовали среди мирного римского населения эти готы, алеманны, франки, вандалы, аланы, свевы, лангобарды. Древняя культура обращалась в пепел, людей резали, как скот. Римляне рассказывают нам, что готы отрубали крестьянам правую руку, — ту руку, которая вела плуг, — и что лангобарды насиловали монахинь на алтарях. Но мужья, отцы и братья не имели возможности защитить ни своей собственности, ни своей семейной чести, ни самих себя. Некоторые римские магнаты, призвав к оружию своих крестьян, пытались при приближении вестготов преградить им дорогу через горные проходы в Пиренеях¹. Жители Оверни в течение некоторого времени храбро

¹ Орозий, VII, 40.

защищались против короля Эвриха¹. Когда вандалы уже заняли Африку и угрожали Италии, то император Валентиниан издал эдикты, призывавшие римлян к самозащите. Эти эдикты сохранились до настоящего времени в собраниях законов. Содержание первого эдикта заключается приблизительно в следующем: сперва дается римским гражданам обещание, что их не будут в принудительном порядке привлекать к военной службе, но вслед за тем объявляется, что они обязаны строить стены и охранять стены и ворота. Вскоре после этого был издан второй эдикт, который сообщал о том, что страшный Гейзерих вышел со своим флотом из Карфагена. Населению будет оказана помощь, ибо император уже позаботился об этом, и Аэций и Сигизвульд уже находятся в пути. Но так как неизвестно и нет возможности установить, в каком месте неприятель пристанет к берегу, то граждане, не нарушая своих гражданско-сословных подразделений и степеней, полагаясь на свою силу и на свое мужество, должны взяться за оружие, чтобы охранить свою собственность и защитить страну и народное достояние, поддерживая взаимную верность, единство и сплоченность². Когда Велизарий, находясь в Риме, был осажден готами, то граждане добровольно взяли за оружие и предложили ему свою помощь. Велизарий охотно согласился на это добровольное предложение, однако, не включил граждан в боевые отряды, так как он боялся, как бы во время сражения они не поддались чувству страха и не увлекли бы за собой все войско. Поэтому он расположил их в таком месте, где они должны были лишь произвести демонстрацию, чтобы отвлечь на себя часть неприятельских войск, изображая как бы настоящий боевой отряд³. Насколько нам известно, это единственные случаи, когда римляне пытались бороться с германцами или хотя бы призывались к такого рода борьбе. Всем, само собой разумеется, было ясно, что перед диким натиском германского клина или германской конницы рассеются даже значительно превосходящие их римские войска. «Чем гуще трава, тем легче ее косить», — ответил Аларих римлянам, которые хотели его устрашить многочисленностью своего народа⁴.

Боязливая нерешительность легионов кесаря находит свое, если так можно выразиться, последующее оправдание в событиях эпохи переселения народов. И все события последующих столетий нужно всегда рассматривать с точки зрения безграничного превосходства

¹ «Собственными силами сопротивлялись оружию общего врага и в борьбе против войска соседей сами себе были и вождями и воинами» (Сидоний Аполлинарий, VII, 7, цит. у Dahn, V, 93).

² «И пусть в этом отношении из ваших душ исчезнет всякая тревога и всякий страх, так как пусть все знают, что, согласно постановлению этого эдикта, никого из римских граждан и никого из членов корпораций не следует принуждать к несению военной службы, за исключением охраны стен и ворот, по мере необходимости». «Constit. Novellae Valentin», III, tit. V). Согласно парагр. 3, все обязаны помимо того нести повинность по постройке и починке стен, «чтобы римляне, надеясь на свою силу и на свое мужество, как это следует делать для защиты своей собственности, пользовались против врага, если это потребует, насколько смогут, собственным оружием, сохраняя общественную дисциплину и скромность своего благородства, и охраняли бы наши провинции и свое имущество дружно, единодушно сомкнув щиты. И пусть они твердо надеются на то, что все взятое ими у побежденного врага безусловно останется за ними».

Дед Кассиодора якобы отразил вандалов, когда они грабили Сицилию и Бруттию. «Var.», I, 4, 150. Цит. по Schmidt, «Geschichte der Vandalen», S. 71.

³ Прокопий, I, 28.

⁴ Зосима, V, 40.

профессиональных воинов над неорганизованными массовыми призывами населения, как это мы видим в эпоху переселения народов благодаря твердо установленной теперь численности войск этой эпохи.

«РАСПИСАНИЕ ДОЛЖНОСТЕЙ» И ЦИФРОВЫЕ ДАННЫЕ О ЧИСЛЕННОСТИ ВОЙСК

Из эпохи Гонория сохранился до нашего времени любопытный источник своего рода государственный справочник Римской империи—«Расписание должностей» («Notitia dignitatum»). Пользуясь этим источником, Витерсхейм пытался установить общую численность войск обеих половин Римской империи в 900 000—1 000 000 солдат. Однако, до сих пор остается нерешенным вопрос относительно того, насколько были заполнены штаты. Моммсен («Гермес», т. 24, стр. 257) высказывается осторожнее, но все же считает, что тогдашнее римское войско достигало многих сотен тысяч человек. Если это признать правильным, то вся эпоха переселения народов нам станет совершенно непонятной. Но так как те бесчисленные легионы и прочие войсковые части, которые перечисляются в «Расписании», никогда не появляются и не участвуют в реальных войнах и сражениях, то именно поэтому они числились лишь на бумаге. Очевидно, давно исчезнувшие войсковые части все вновь и вновь переписывались из старых списков должностей, продолжая, таким образом, свое номинальное существование. «Пограничники» (limitanei) хотя и существовали еще (ср. стр. 185), но уже не были настоящими солдатами. Это были простые жители пограничной полосы, которых нельзя было использовать во время сражения.

Дан был очень близок к правильному пониманию отношения германцев к римлянам. В одном месте своего труда (т. III, стр. 58) он приводит цитату, в которой говорится, как готы хвалились тем, что они охраняли безопасность римлян: «Уступив часть своей территории, вы приобрели себе защитников». А к этому он добавляет: «И, действительно, осторожность и недоверие, а еще, пожалуй, и более низкая боеспособность италянцев были причиной этой снисходительности» (т. е. освобождения от военной службы). Если мы эту маленькую трещину, которая создается словами «еще, пожалуй», расширим до пределов широкого и глубокого рва, то, возможно, мы вскрыем истинное положение вещей.

Поэтому следует подвергнуть сомнению и даже отвергнуть многие из тех менее крупных цифр, которые до этого времени считались достоверными. Так, например, нам должно показаться сомнительным, чтобы Теодорих снабдил свою сестру Амалафриду после обручения с королем вандалов Тразамундом свитой, состоявшей из 1 000 копьеносцев и 5 000 боеспособных слуг. Такая свита была бы гораздо сильнее, чем тот корпус армии Велизария, который 30 лет спустя стер в порошок все государство вандалов.

ВАНДАЛЫ

Объективные причины и положительное свидетельство источника, а именно Виктора Витензийского, заставили нас отвергнуть цифру «80 000» воинов, с которыми Гейзерих переправился в Африку. Поэтому было бы желательно найти приемлемое объяснение для этих 80 000-ных отрядов, и я думаю, что это вполне возможно. Источники передают нам, что король, желая переправиться через море, пересчитал свой народ. Едва ли этот термин является случайным. Здесь дело идет об установлении количества судов, необходимых для переправы. Поэтому считались

не войны, но, как говорит Виктор, головы, и потому, без сомнения, пересчитывались также и женщины, хотя наш источник их прямо и не называет. Это вполне справедливо отметил Шмидт в своей «Истории вандалов» (стр. 37). Следовательно, если в каждом отряде было 1 000 человек, то такой отряд насчитывал приблизительно не более 200 воинов и даже наверное меньше, так как цифра «1 000» округлена с некоторым увеличением; к тому же вандалы обладали очень большим количеством рабов. У Прокопия этот факт косвенно засвидетельствован другим сохранившимся указанием, а именно—указанием на то, что вся эта масса людей достигала лишь 50 000 человек. Эта цифра указывает, что численность 80 000-ных отрядов определялась в 50 000 человек, или численность каждого отдельного отряда—приблизительно в 625 голов наличного состава. Если соответственно этому в каждом отряде было приблизительно не более 100 воинов, то ясно, что здесь мы имеем, примерно, то же самое, что уже видели в древних сотнях. Моммсен в своих «Остготских исследованиях» («Ostgotische Studien», N. Archiv, 14, 499) высказал предположение, что «хилиархи» (начальники тысячных отрядов солдат), о которых говорит Прокопий, есть не что иное, как перевод латинского титула «трибун», а отдельные части даже называются «лохами» (манипула, рота). Но этому противоречит одно место из Виктора Витензийского, которое гласит: «Был вандал из тех, которых называют милленариями (содержащими тысячу)» (I, 10). Поэтому я не считал бы невозможным, чтобы Гейзерих, прежде чем переправиться в Африку, не только попросту пересчитал свое войско и свой народ, но и подверг их реорганизации. Численность древних родов (сотен) должна была стать очень различной. Среди всей этой массы народа, вероятно, находились, помимо вандалов, аланы, готы и также другие беглые солдаты. Поэтому вполне возможно, что Гейзерих, разделив свой народ на части, образовал в некоторой степени равномерные отряды и по приблизительному количеству в них людей назвал их тысячами, может быть, даже действительно с целью введения в обман, что ему, впрочем, скорее удалось сделать по отношению к будущим поколениям, чем к своим современникам. Однако, согласно с прежними представлениями, это все же были лишь сотни.

Прокопий в таких словах (II, 3) описывает сражение с вандалами: «На каждом фланге вандалов стояли хилиархи, которые вели за собой свои лохи». Говоря дальше о подробностях, мы еще больше убедимся в том, что Прокопий очень мало понимал в военном деле. И, конечно, такой боевой порядок, при котором «на каждом фланге стояли командиры, которые вели за собой свои полки», не только не соответствует практике военного дела, но вообще является бессмыслицей. Однако, несмотря на это, все же ясно, что именно Прокопий имел здесь в виду. Прокопий хочет сказать, что на флангах стояли тысячи, т. е. народное—призванное под оружие—ополчение, в противоположность королевским свитским отрядам, которые находились в центре, а позади них союзники—мавры.

Если мы примем, что древние сотни в большинстве случаев сильно измельчали вследствие процесса раздробления или же потерь, то все же они сохраняли внутри этих новых тысячных отрядов особое единство и особую связь, которые в момент поселения получали свое значение; это сказывалось в том, что такие группы не разъединялись, а поселялись вместе. Когда вандалы выступили из Карфагена против Велизария, то, как рассказывает Прокопий (I, 18), они шли «в бой, не построившись в какой-либо боевой строй, но симмориями, и притом небольшими». Эти симмории могли быть родовыми поселенческими группами, находившимися в составе тысячного отряда.

8 000—10 000 воинов, и даже меньше, являлись достаточно мощной боевой силой, чтобы основать государство в Африке и сверх того завоевать Сицилию, Сардинию и еще другие острова,—в особенности потому, что Гейзерих нашел себе союзников в самой Африке, среди местных варваров—среди тех племен пустыни,

которые раньше держались в повиновении при помощи легионов. Вместе с вандалами они выступили против Рима, намереваясь его разграбить, и даже в последних боях мавры сражались в качестве подданных или союзников Гелимера против восстановления римского господства в Африке.

Бруннер во 2-м издании своей «Истории германского права» (I, 62) хотя теперь уже и считает, что цифра 50 000 несколько преувеличена, однако, полагает, что я зашел «слишком далеко», снижая ее до 8 000—10 000 воинов. Этот способ аргументации, который уклоняется от того, чтобы вообще как-либо вникнуть в существо данной проблемы, кажется мне слишком дешевым.

К 3-му изданию. Л. Шмидт в «Byzant. Zeitschr.» (1906, стр. 620) снова доказывает, что при народной переписи непременно должны были включить в эту цифру женщин.

Глава V

Народные армии и их миграции

Военно-переселенческий быт германских племен не мог не оказывать сильного обратного влияния на их общественные условия и на их политический строй. На своей родине каждый род жил в своей деревне под властью своего хунно или альтермана, которые сами принадлежали к свободным членам общины. А над племенем, состоявшим из группы таких общин, стояли одна или несколько княжеских семей, из среды которых избирался для ведения войны герцог. Германцы, конечно, могли бы обойтись этим простым правительственным аппаратом, но он уже оказался недостаточным для тех военных передвижений, которые предпринимались в эту эпоху.

Уже в древнейшие времена часто бывало, что княжество или герцогство в своем развитии превращалось в королевство, в котором укреплялась наследственная власть или которое вновь распадалось. Теперь же стала неизбежной такая правительственная форма, во главе которой в течение длительного времени должна была стоять монархическая верхушка власти. Стратегические задачи, которые теперь ставились, постоянно находились в теснейшей связи с политикой и с теми отношениями, которые устанавливались как с другими германскими племенами, так и с Римской империей, с римским императором или с различными императорами — теми претендентами, которые между собой боролись за престол. Если германское племя в своей совокупности как некая единица, как войско, поступало на службу к правителю в Риме или в Византии, то связующим звеном становился король, который в качестве германского князя провозглашался римским полководцем. Король остготов Теодорих Великий вступил в Италию по приказу императора Зенона в качестве его «действительного начальника воинов» (*magister militum praesentis*)¹.

Однако, эти новообразованные монархии отличаются одна от другой по своему характеру, и на эти отличия следует обратить внимание.

¹ Mommsen, «Ostgotische Studien», «N. Archiv», 14, 504.

Вандал Гейзерих, стоявший во главе правления в течение половины столетия, уже через несколько лет отверг с презрением ту фикцию, согласно которой он являлся чем-то вроде наместника императора в Риме. Объявив себя суверенным властителем, он был достаточно силен для того, чтобы совершенно самостоятельно организовать свое династическое королевство. Он издал фактически соблюдавшийся закон о престолонаследии, который устанавливал хотя и не право первородства, но все же порядок старейшинства (сениората). Последний король Гелимер был его правнуком.

Остгот Теодорих был не менее могущественным, чем Гейзерих, но он после себя не оставил ни одного сына и даже ни одного зятя. Он завещал королевскую корону своему внуку, сыну своей дочери, которую он назначил регентшей. Когда же юный король Атанарих умер, не достигнув совершеннолетия, то Амаласунта не смогла удержать и сохранить в своих руках власть. И когда в это время между остготами и императором Юстинианом разгорелась война, то остготы снова вернулись к политическому строю, основанному на выборной монархии.

Также и среди вестготов установилась выборная монархия, которая лишь в течение нескольких поколений была прервана установленным в это время порядком наследственной королевской власти.

Но совершенно иначе развивался политический строй у франков. Государства вандалов и готов были основаны племенами завоевателей, а государство франков было основано завоевателем-королем. Во Франкском государстве основная масса германцев была бесконечно больше, чем во всех других королевствах, но большая ее часть либо оставалась жить на прежних местах, либо же продвинулась всего на несколько дневных переходов в глубь романской территории. Меровингское королевство не было военным королевством, основанным на силе войска, как государства Алариха, Гейзериха или Теодориха, но возникло лишь потому, что князю одного отдельного племени Хлодвигу Салическому удалось достигнуть того, что его признали своим королем также и многие другие родственные племена, и к тому же завоевать большую римскую область. А так как больше не существовало каких-либо общих собраний воинов, то было уже совершенно невозможно вновь вернуться к порядкам выборной королевской власти. Войска, которые избрали своими королями Витигеса, Тотилу и Тейю, действительно, обнимали такую большую часть всей остготской воинской массы, что на эти избрания можно смотреть как на волеизъявление всего народа. А те войска, которые собирались вокруг короля франков, составляли со времени основания великого Франкского королевства лишь небольшую часть всего народа франков. И так как мужская линия Меровингов сохранялась в течение столетий, то здесь смогла укрепиться наследственная династия, которая была достаточно сильна для того, чтобы пережить неоднократные деления государства и гражданские войны.

Процесс изменения основного строя охватывает весь государственный и военный организм германцев, начиная от его вершины.

Мы определили численность вестготов в 10 000—15 000 человек. Но такое войско, если оно не совершает простого короткого военного похода, а в течение продолжительного времени находится на

театре военных действий и проходит через неприятельскую область, требует более тонкой организации, чем деление на сотни. Король или герцог не может прямо и непосредственно направлять свои приказы целой сотне хунни. Он нуждается в промежуточной инстанции, которой должны быть не временно замещаемые, но постоянно функционирующие должности. Равным образом и сотня не может быть самой мелкой единицей. В распоряжении римского центуриона еще находился ряд младших командиров, капралов и ефрейторов. Также и современная рота, состоящая хотя бы всего лишь из 100 человек, нуждается по крайней мере в двух средних и 10—12 младших командирах. Но германская сотня гораздо больше римской центурии. И не только ее состав гораздо многочисленнее, но в нее прежде всего очень часто входили целые домашние хозяйства. Римский центурион был обязан заботиться лишь о выполнении службы. Оружие, жалованье и продовольствие давало солдатам интендантство. Самое большее, что в данном случае входило в круг обязанностей центурии, — это распределение и хранение всего снабжения, а также поддержание запаса его в порядке. Германская сотня в большинстве случаев должна была сама заботиться о своем снабжении, и не только для себя, но и для всего своего окружения, так как главное командование не располагало интендантским аппаратом, обладавшим функциями контроля. При системе беспощадного разграбления страны это было возможно лишь при условии очень далеко заходящего общинного хозяйства. Тот аграрный коммунизм, в условиях которого германцы жили у себя на родине, оказывался здесь недостаточным. Надо было не только совместно, всей общиной, захватывать добычу, что давало возможность затем делить ее между собой, но надо было также в течение долгого времени совместно заведывать очень большими запасами. Если бы каждой отдельной семье было поручено заботиться о себе самостоятельно, то вскоре все войско разбежалось бы, став добычей неприятеля. Захваченное имущество должно было постоянно распределяться то между сотнями, то в самих сотнях между отдельными ее членами. Небольшие отряды должны были высылаться для захвата добычи, и то, что они привозили с собой, считалось и принималось в качестве общего достояния, чтобы был сосредоточен в одном месте и всегда находился налицо крупный запас. Для этой внешней и внутренней службы хунни нуждались в штате младших командиров.

В то время как в древнегерманском государстве мы не находим никаких иных делений, кроме делений на сотни, в эту эпоху король уже командует или правит более крупными частями или областями посредством высших назначаемых им чиновников, комитов (*comites*) или графов, а над ними стоят, отличаясь от них, собственно говоря, не по существу, но лишь по рангу и по объему власти, герцоги (*duces*).

Что же касается низших разрядов, то по крайней мере у одного народа мы находим следы, указывающие на какое-то подобие настоящей военной иерархии. В законодательстве вестготов, многие части которого сохранились до нашего времени, мы находим предводителей тысячных отрядов, триуфадов (тысячников, *millenarii*) — в качестве начальников хунни (сотников, *centenarii*) и десятников (*decani*) — в качестве подчиненных хунни.

И если мы, помимо того, встречаем еще должность предводителей пяти сотен (*quingentarius*), то эту должность не следует представлять себе в качестве инстанции между тысячником и сотником, но лишь как дифференциацию, образовавшуюся вследствие того, что некоторые тысячи стали значительно меньше других.

Это построение от десятка к сотне и к тысяче, а, может быть, и к еще более крупному объединению, находившемуся под властью графа или герцога, не следует считать стройной и законченной системой, как, например, система отделений, рот, полков и корпусов. Нет, здесь была такая инстанция, которая имела и сохраняла совершенно иной характер, чем все остальные. Это древний исконный и основной организм — сотня.

Ведь и у нас рота является чем-то существенно иным, чем отделение или батальон, обладая значительно большим внутренним единством, чем, например, отделение или батальон. То же самое, но в значительно большей степени, справедливо по отношению к германской сотне. Десяток есть простое вспомогательное звено сотни, а тысяча есть соединение сотен для целей ведения войны. Но сотня имеет свое собственное, самостоятельное бытие. Можно те или иные сотни соединить в тысячи, можно людей из сотни так или иначе разделить на десятки. Но сотню нельзя так просто, по желанию, либо разрывать на части, либо снова составлять. А эту последнюю операцию вообще почти невозможно было производить, ибо сотня в то же самое время была естественным и органическим продуктом — родом. Деление производить легче, но все же это является каждый раз чрезвычайно значительным, далеко не простым актом, так как сотня является не только военной или родовой, но и хозяйственной единицей. Тысяча слишком велика, а десяток слишком мал для ведения общинного хозяйства, которое необходимо во время военного похода, причем эта функция, конечно, требует единого центра и единого организма. Только сотне могло принадлежать совместное владение скотом, повозками, запасами и оружием, которые находились при войске. Поэтому предводитель тысячного отряда только в военном и судебном отношениях являлся начальником хунно, причем декан, или десятник, был лишь агентом или орудием этого последнего. Ни тысяча, ни десяток не являются такими группами, которые могут заставить считаться с их волей. Несмотря на то, что над сотней стоит тысяча, а под нею находится десяток, сотня все же и в эпоху переселения народов остается тем же самым, чем она была до этого времени.

Уже Дан отметил¹, что при расселении готов как в Испании, так и в Италии, очевидно, роды или родовые общины еще играли довольно значительную роль. Они обнаруживают свое значение в праве и в тех событиях, когда наличие относительно самостоятельных групп в мирное время, при покорениях и сопротивлении указывает на существование мелких, но очень прочных организационных единиц. Даже и в позднейшем вестготском законодательстве мы ясно видим древнее значение хунно, которому эти законы угрожают смертной казнью в том случае, если он покинет войско, причем здесь триуфал даже и не упоминается, а декан наказывается лишь пятью солидами штрафа.

¹ «Könige der Germanen», III, 3; IV, 61.

Далее устанавливается, что среди сотни распределяются получаемые штрафные суммы, а также и те, которые поступают от тиуфада и декана. Следовательно, сотня является подлинной корпорацией.

Тысячу мы находим у подлинно кочевнических племен, готов и вандалов. Может быть, одно и то же название не имеет одинакового значения у этих двух народов¹. Во всяком случае оно лучше всего объясняется военными потребностями, возникающими при переселении, поэтому нет необходимости устанавливать этнографическое различие между восточными и западными германцами.

Несмотря на то, что теоретически сотня резко отличается от соседних высших и низших групп, все же следует признать, что на практике эти подразделения и эта номенклатура очень скоро перемешались между собой. Война приводит к тому, что первоначально равные по своей численности части очень скоро становятся неодинаковыми. В 1814 г. после полугода войны из 14 батальонов ландвера силезской армии были сформированы 4 батальона. Современный схематизм постоянно производит такого рода выравнивание. Возможно, что нечто подобное иногда происходило и в германских войсках. Те тысячи, которые пересчитывал Гейзерих, когда он переправлял свой народ в Африку, были такими единицами, какими мы пытались показать их выше.

И это заставляет нас признать, что, несмотря на все еще очень большое значение сотен во время переселений, тем не менее дни их были уже сочтены. Те самые отношения, которые еще раз приобретали новое жизненное значение, направлялись одновременно к своему собственному распаду. Шедшая сверху организационная воля ограничивала их, многочисленные отдельные единицы распадались под многообразными влияниями войны и переселений, в особенности же сходило на-нет значение главы целого — хунно.

Древние германцы, за исключением немногих княжеских семей, не имели дворянства. Хунни принадлежали к числу свободных членов общины. В эпоху переселения народов мы находим у германцев значительно более широкое дворянское сословие. Можно думать, что это новое сословие имело двойной корень: королевскую службу и семьи хунни. Несомненно, что большая часть дворянства происходила от служилого слоя, окружавшего королевскую власть. Двор, командование армией и управление вызвали появление должностей, которые приносили с собой и делали наследственными почет, знатность и богатство. Об этом нам придется еще много говорить.

Но королевская власть эпохи переселения народов была сама по себе еще слишком молода, чтобы создать из себя новое сословие, которое могло бы опираться на своих предков. Это дворянство должно было содержать в себе более древние и более самостоятельные элементы, а такими элементами могли быть лишь древние старейшины родов. Уже в древнее время княжеские семьи и семьи хунни, будучи теоретически различными, все же сливаются друг с другом. Если небольшая группа сотен, находившаяся под началь-

¹ У остготов слово «millenarius» встречается лишь один раз, и Моммсен («Ostgotische Studien», N. Archiv», 14, 499) пытался объяснить это слово совершенно иначе, сопоставляя его со словом «millena» (земельный участок), что, впрочем мало вероятно.

ством княжеского сына, отделялась от прежнего союза племен или если сотня очень разрасталась и делилась, причем возникали новые семьи хунни и наиболее древняя из них претендовала на первое место по знатности и по благосостоянию, то там и сям могли возникать и возникали подобные соотношения¹. Переселение народов и еще до него удачные грабительские набеги на римскую территорию приводили к тому, что семьи хунни поднимались над массой населения, приближались к князьям, и, таким образом, из их среды вырастало дворянство, которого древность еще не знала.

Общинное хозяйство рода могло вестись лишь в том случае, если оно целиком находилось в руках главы рода—хунно. В древние времена обычно германцы, вернувшись после похода, делили добычу. При этом хунно находился под бдительным контролем всех своих соратников, а после дележа все продолжали жить попрежнему. Теперь же очень большая часть добычи вообще не подвергалась дележу, но оставалась в руках и в ведении начальника, который производил выдачи из этого фонда по своему усмотрению и по мере надобности. Во время длительных военных действий трудно было контролировать и протестовать. А так как никто уже не мог больше жить на собственные средства, то каждый тем сильнее подпадал под дискреционное усмотрение хунно. На родине германцы мало занимались земледелием и жили, главным образом, продуктами скотоводства. Теперь же часто в течение нескольких лет не возделывали ни одного поля, а вследствие продолжительных походов имели возможность брать с собой из прежних стад лишь очень мало скота, помимо упряжных животных. «Переселения,— пишет Рацель в своей «Политической географии» (стр. 63),— связаны с большими убытками. Буры, переселявшиеся в 1874 г. из Трансвааля на запад, взяли с собой 10 000 голов рогатого скота и 5 000 лошадей; когда же они прибыли в область Дамара в 1878 г., то у них осталось лишь 2 000 голов рогатого скота и 30—40 лошадей».

Когда остгот Теодорих поселил остатки алеманнов, бежавших от Хлодвига, то он приказал, чтобы они («так как они обессилели от долгого пути, им должна быть оказана помощь»), проходя через Норик, обменялись своим скотом с местными жителями².

Совершенно исключена возможность того, чтобы вандалы от Дуная через Пиренеи, вплоть до Африки, а вестготы от Черного моря через Балканский полуостров, через Италию и Альпы, вплоть до Галлии и Испании, могли гнать за собой большие стада молочного и мелкого скота. Страны, через которые проходили германцы, были, конечно, достаточно богаты, для того чтобы прокормить несколько тысяч германских семей; однако, это было возможно лишь при том условии, что предводители германцев в некоторой степени заботи-

¹ Может быть, даже существует этимологический след, который ведет от королевской власти к предводителю сотни. Аммиан (25, 5, 14) сообщает, что у бургундцев короли назывались «hendinos», а Вакернагель думал, что это слово можно сопоставлять с немецким словом «hundert» (сто). Но другие это объясняли иначе.

² Dahn, «Könige der Germanen», III, 161 по Кассиодору. Позднее Теодорих в предписании общего характера указывает солдатам, что они могут при посредстве королевского чиновника Сайо обменивать у землевладельцев свои повозки, попорченные во время похода, и уставших за время пути животных. Однако, солдаты не должны при этом притеснять граждан и должны быть довольны, если за более крупных и лучших животных они получают меньших, лишь бы эти последние были здоровы (Dahn, «Könige», III, 88. По Кассиодору «Var», V, 10).

лись о порядке и правильном распределении. Они должны были снабжать каждого в отдельности и в то же время обращать зоркое внимание на то, чтобы всегда оставались достаточные запасы, которых хватило бы на дни и недели, а может быть, даже и на месяцы. Главной добычей германцев в областях с мирным, невоинственным римским населением было, помимо продовольствия и ценностей, само население этих стран. Его обращали в рабство и брали вместе с собой. Из густо населенных и беззащитных местностей можно было увести сотни тысяч людей, если бы только была возможность их прокормить. Но во что превратилась бы способность к передвижению и боеспособность германского войска, если бы оно, насчитывая 10 000 воинов, 30 000 женщин и детей¹, тащило бы еще всюду за собой хотя бы лишь 40 000 или 30 000 несвободных людей? Поэтому следует полагать, что хунно брал себе столько рабов, сколько ему было нужно для обслуживания общины, рядовой же свободный член общины должен был стремиться к тому, чтобы вложить свою добычу в украшения, драгоценные камни, золото и оружие; во всех остальных отношениях в течение всего странствия он должен был оставаться в рамках древнего простого и сурового образа жизни.

Таким образом, те условия, в которых протекало переселение, приводили к тому, что могущество, авторитет и имущество хунно необычайно возрастали, поднимаясь над общей массой. Хотя, действительно, его имущество в своей основе являлось собственностью общины, всего рода, однако, хунно в такой степени обладал исключительным правом распоряжаться этим имуществом, что это различие угасло и исчезло. Хунно, ставший богатым, становился все богаче и богаче и передавал свое богатство по наследству своей семье.

Несомненно, что хунни первоначально избирались, но с очень давних времен, и очень часто народ избирал их из среды все тех же самых семей; именно таким образом появились притязания на право наследования, а в конце концов развилось и подлинное право наследования. С тех же пор, как эти семьи хунни сделались в хозяйственном отношении господами положения, от которых почти целиком зависело пропитание всей общины, стало уже совершенно невозможным после смерти предводителя обойти его семью и избрать на его место человека, взятого из толпы. Отсюда само собою возникло то, что эта должность стала переходить от отца к сыну, так что данная семья постепенно вышла из среды рядовых свободных членов общины, приобретя исключительное выдающееся положение. Эта семья становится благородной, дворянской. Народ, обладавший до этого времени лишь княжеским дворянством, получает теперь также низший слой дворянства.

В эпоху переселения народов самая сильная королевская власть, как мы это уже видели, развилась по более или менее случайным причинам среди племени вандалов. «Оптиматы», т. е. дворянская группа вождей, дважды восставали против Гейзериха, но были им побеждены и покорены (в 442 г.).

¹ Дан (Dahn «Könige der Germanen», V, 82) полагает, что переселявшиеся народные армии хотя и вели за собой женщин, все же женщины не могли в соответствующем количестве следовать за войском во время военного похода. Но где же тогда готы оставляли своих жен и дочерей?

Баварцы (маркоманы), алеманны (швабы, гермундуры, ютунги) и франки (хамавы, хаттуарии, батавы, сугамбры, убии, тенхтеры, марсы, бруктеры, хатты) совершили лишь очень небольшое переселение в соседние области или даже вообще не совершали настоящего переселения, но лишь перешли через свои древние границы. И при этом в тех областях, которые они заняли на берегах Рейна и Дуная, вплоть до Альп, Вогезов и входа в Ламанш, они абсолютно нигде не изгнали всех романизированных кельтских или даже германских жителей, которые здесь в большом количестве остались жить среди завоевателей и подверглись германизации или регерманизации. Мы находим позднее, особенно в Баварии, но также и в других названных областях, большие поместья, которые часто можно обнаружить лишь в форме романских деревень и которые находились в зависимости от знатных германских семей¹. Очевидно, это завоевание происходило таким образом, что романские сельские округа просили защиты у германских князей или хунни, отдаваясь под их власть (патронат) и соглашаясь платить им подати. Эта форма зависимости и использования рабочей силы несвободного населения была уже в древнейшие времена обычной среди германцев. И нет никаких оснований предполагать, что лишь исключительно немногие княжеские семьи завладели большим в эту эпоху количеством колонных семей, плативших оброк. Наряду с ними также и предводители сотен были в состоянии оказывать защиту и, таким образом, благодаря этому могли воспользоваться возможностью стать господами. Это правящее сословие могло здесь особенно сильно вырасти и развиваться, так как во время оккупации южно-германских областей баварцы и алеманны еще не имели установленной и единообразной формы княжеской власти. Описывая сражение при Страсбурге, Аммиан говорит о том, что во главе алеманнов стояло семь королей (*reges*) и десять принцев королевской крови (*regales*). Короли—это, очевидно, такие же князья, как Арминий, которых Тацит называет «принцепсами» (*principes*). Но что именно следует понимать под словом «*regales*» (принцы королевской крови)—приходится считать еще не установленным. Герцогская власть в качестве постоянной формы высшей власти возвысилась над остальными знатными семьями как среди алеманнов, так и среди баварцев, во всяком случае несколько позднее, причем среди алеманнов она вскоре опять пришла в упадок, а среди баварцев была, может быть, установлена лишь франками в эпоху франкского завоевания. Как баварское, так и алеманнское право знает дворянство, имевшее право на повышенную виру. У баварцев, помимо герцогского рода, было впоследствии еще пять знатных дворянских семей.

На Британских островах отношение к германским завоевателям со стороны местных жителей было приблизительно такое же, как со стороны баварцев и алеманнов. Частично, в качестве покоренного населения, они остались жить среди германцев и были ими ассимили-

¹ «Отдельные романцы, из которых некоторые, однако, уже приняли немецкие имена, встречаются—в Регенсбурге еще в IX, около Эберсберга в XI, а в Зальцбургском районе еще в XII и в XIII вв.» (Riezler, «Geschichte Bayerns», I, 51). Особенно в Тироле осело много романцев.

В истории основания Тегернзее говорится, что эта местность была завоевана лишь тысячею баварских рыцарей. Это сказание само по себе не представляет никакой ценности, но в нем пережиточно сохранилось воспоминание о том, что эта страна была не просто оккупирована, но что здесь был покорен некий народ.

рованы. Древние княжеские семьи возвысились до степени и ранга мелких королей, а древние хунни (альтерманы) превратились в знатных аристократов—эрлей (earl).

Также и на левом берегу Рейна среди франков во время оккупации образовались большие поместья¹, но поднимавшаяся королевская власть Меровингов задерживала их развитие, так что в отличие от всех остальных германских племен здесь в эту эпоху не возникло аристократии. Король правил один через своих графов, а хунно, или тунгин, спускается до уровня деревенского старосты.

В древнегерманском государстве мы находим зачатки как королевской власти, так и аристократической группы вождей. И то и другое появляется в эпоху переселения народов в таком взаимоотношении: чем сильнее королевская власть, тем слабее аристократия, вплоть до полного исчезновения ее в государстве франков, и чем слабее королевская власть, тем могущественнее аристократия. Среди алеманнов и баварцев совсем не имеется института королевской власти, у англо-саксов мы находим мелких королей, а у остготов — выборных королей.

Но и в том и в другом случае,—при развитии как той, так и другой формы,—повсюду в одинаковой степени приходит в упадок исконная ячейка древнегерманского государственного строя — род, сотня. Новое аристократическое сословие,—в той форме, в которой оно образовалось, и даже еще в процессе своего образования,—уже освобождается и отделяется от той почвы, на которой оно выросло. Вполне естественно, что высокие должности, которые раздавал король, в значительной степени замещались именно членами семей знатных вождей, так что служилая знать и родовая аристократия сливались вместе. Если сотня избирала себе нового начальника или получала его от своего прежнего начальника, либо от короля, то эти новые взаимоотношения уже не воспроизводили в точности древних отношений. Новый хунно, не имея предков, не имея большого имущества, снова начинал свою карьеру с низов и снова являлся простым чиновником. А сама сотня, не поддерживая уже больше со своим вождем патриархальных отношений доверия, становится более свободной в своих внутренних связях.

Вождь, отделяющийся от своего рода, оставляет за собой голый скелет. Уходя, он идет не один, а забирает с собой некоторое количество особенно деятельных людей, которые, присоединившись к нему, образуют его свиту и поступают к нему на службу. Приобретенное во время войны богатство и политическое честолюбие являются причинами нарастания свиты вокруг особы вождя. Военные объединения, как, например, соединение в тысячи и деление на десятки, еще несколько ослабляют сотню, причем это ослабление бывает больше в том случае, когда сотня находится под властью не племенного, но назначенного начальника.

Наконец, совершенно разлагающе действует на самое существо древней сотни расселение и распространение племени в обширных захваченных областях, так как при этом все условия существования подвергаются изменению.

Сотня уже не живет сосредоточенно в одном месте. Община исчезает. В романских областях она разделяется, и члены ее рассеива-

¹ Waitz, «D. Verf.», II, 169, 2 Auflage, II, I, 282.

ются среди романцев. В германских областях население постепенно бросает воинственный образ жизни и все больше и больше начинает заниматься земледелием. Большие родовые деревни распадаются на меньшие, где каждый человек может иметь свою пашню поблизости от своего жилья. Новые аристократические семьи не могут уже больше вырасти из прежнего корня древних родовых вождей. Сотня сохраняется, оставаясь лишь в качестве подразделения округа, и постепенно отмирает.

В древнейшие времена род был общиной, которая совместно завладевала землей, совместно жила, хозяйничала и воевала. О действительной степени родства никто не спрашивал,—она могла быть бесконечно далекой. И так как прекращалась совместная общинная жизнь, в особенности же ввиду того, что совместное владение пашнями перешло в частную собственность, должны были быть поставлены определенные границы для еще остававшихся функций рода: судебной помощи, опеки и виры. У различных племен они устанавливались различным образом: у одних концом рода считалось пятое, у других—шестое или даже седьмое звено (колени).

Еще в более поздних источниках мы порой находим отголоски того обычая, который заставлял родовую общину во время сражения держаться вместе. В «Беовульфе» говорится о том, что весь род должен подвергнуться наказанию, если один из его мужей окажется трусом¹. Но к концу эпохи переселения народов исчез даже последний след рода как воинской части, и даже исчезло само это слово (в том случае, если слово «войско»—*Truppe*—этимологически тождественно слову «деревня»—*Dorf*).

СОТНЯ В ЭПОХУ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Тот факт, что союз сотни в эпоху переселения народов еще сохранял особенную устойчивость, очень хорошо доказан Карлом Веллером в его работе «Заселение страны алеманнов» (*Karl Weller, «Die Besiedelung des Allemannenlandes», Württemberg, Viertelj.—Heft. i. Landesgesch., N. F., Bd., VII, 1898*). Хотя автор и исходит из неправильной предпосылки, веря в существование первоначального тысячного округа, но говоря об его исчезновении и выдвигая на его место древнее деление—сотню, он тем резче подчеркивает ее силу и ее значение.

Из той же самой работы я заимствую,—опять-таки не будучи согласен с мнением автора,—очень хорошее доказательство тождества сотни и рода.

Веллер доказывает, что даже в источниках VIII столетия довольно много названий алеманнских местностей с окончанием на «инген» появляется в качестве главных пунктов крупных областей. Это—древние исконные области, которые вместе с тем являются и сотнями, как, например: *Munigisinga, Munigises huntare*—Мюнзинген; *Muntarihes huntari*—Мундеркинген; *centena Eritgauvoia*—Эритгавойская сотня—Эртинген; *Пфуллихгау*—Пфуллинген. Названия местностей с окончанием на «инген» указывают на места поселения родов, которые получили свое название по имени своего предводителя, своего вождя, какого-либо Мунигиса, Мунтариха, Эрита или Фулона².

¹ Brunner, «D. Rechtsgeschichte», 1. 85.

² Клуге (Kluge, «Sippensiedlung und Sippenamen», «Vierteljahrsschrift f. Soz. und Wirtsch. Gesch.», Bd. 6. N. 1, S. 73) еще не видит в суффиксе «инген» указания на родовое поселение. По его мнению, этот суффикс просто означает лишь некоторую общую принадлежность, так что «сигмаринген» может, например, также означать и «у людей Сигмара».

Совершенно невозможно допустить (как это впрочем делает Веллер), что как округ, так и деревня, входившая в его состав наряду с другими деревнями, получали название по имени того же самого человека. Если бы несколько родов входило в состав одной сотни, то они были бы равноценны друг другу, но мы далеко не всегда имеем возможность установить тот факт, что весь округ и один из родов, входящих в его состав, носят то же самое название. Совпадение имен скорее указывает на первоначальное тождество. В каждом сотенном округе первоначально была лишь одна деревня, а потому округ и деревня носят то же самое название,—они совпадают. Другие селения являются позднее основанными дочерними селениями, выросшими из первоначальной деревни.

С этим очень хорошо согласуется наблюдение Веллера (стр. 31), что в областях, позднее заселенных алеманнами,—в Эльзасе и Швейцарии, сотенные округа играют гораздо меньшую роль, чем в областях, находящихся на правом берегу Рейна. Причиной этого является то обстоятельство, что в промежуточную переходную эпоху сотенный союз становится очень слабым и отступает на задний план.

Далее, природу алеманнских сотен очень хорошо рисует тот факт, что в Юхтланде в Швейцарии мы снова находим те же самые названия и почти в том же самом порядке, как и на Верхнем Дунае¹. Это—Вальдгау, Бааргау, Уфгау (Уфафа), Шварценбург (Шверцагау), Шерли (Шеррагау), Эритгау (Эриц), Мунизигес Хунтари (Мунзинген). Это явление не может быть объяснено иначе, как тем, что древние сотни разделились, причем одни остались на своих местах, а другие отправились в странствование, перенеся на новые места своих поселений древние названия.

Бруннер в «Истории германского права» (Brunner, «Deutsche Rechtsgeschichte», Erste Auflage, I, 117) пытался объяснить тот факт, что большинство алеманнских названий сотен произошло из собственных имен, тем, что это деление встречается лишь со времени франкского завоевания. Название является именем начальника, «при котором на продолжительное время укрепилось название сотни». Но ведь сотня не могла же существовать до этого времени без определенного названия. Поэтому возможно, что сотни в течение долгого времени не имели собственных названий, но обозначались по имени соответствующего вождя, и что, наконец, одно из этих имен закрепилось за данной сотней. Также и Прокопий (Bell. Vand., 1, 2) полагает, что германские племена назывались по именам их предводителей. Но это совершенно не противоречит нашей точке зрения. Для Бруннера же это объяснение неприемлемо, так как он считает древнюю первоначальную сотню лишь простым личным союзом, объединявшимся по мере необходимости. Если бы это было правильно, то разделение страны на сотни должно было бы, без сомнения, быть установленной сверху строго систематической организацией, относящейся к какой-то более поздней эпохе, следовательно, как то мы можем предположить, этот порядок был введен франками. Поэтому сотня древнего времени и сотня алеманно-франкской эпохи не имеют никакого отношения одна к другой.

Это, конечно, прежде всего не только является весьма неправдоподобным, но также оставляет необъясненным тождество названий сотни и ее главного селения. И если мы даже допустим, что франки впервые создали сотни в Алеманнии и назвали их по именам тех хунни, которых они назначили, то каким же образом произошло, что главное селение во вновь организованных округах получило то же самое название, что и округ?

¹ Согласно E. Lüthi, «Der Aufmarsch der Allemannen», Pionier. Organ der Schweiz. — perman. Schulausstellung in Bern. 23 Jahrgang. N. 11, 28 Febr. 1902. Lüthi, «Zum 1500 Jubiläum der Allemannen in der Westschweiz», Bern. A. Francke, 1906, S. 21.

Совершенно другое дело, когда округ первоначально включал лишь одно (населенное алеманнами) селение или, другими словами, когда сотня вместе со своим вождем селилась лишь в одном месте. Такой факт одновременно объясняет как тождество названий сотни и селения, так и происхождение этих названий из имен вождей. Далее отсюда вытекает и то, что, так как устанавливается тождество деревни и рода, то, следовательно, были тождественны также сотня и род.

Во втором издании (стр. 161) Бруннер несколько изменил свою точку зрения. Он теперь допускает, что «алеманнские сотни, пожалуй, могут восходить к более древнему времени, чем завоевание франков». Они появились благодаря «укоренению» (*Radizierung*) первоначального личного союза. То обстоятельство, что сотенный округ и находившееся в нем селение носили одинаковое название, по его мнению, не позволяет еще сделать какого-либо вывода, так как в родовой общине нередко повторяются одни и те же названия. Следовательно, это явление есть простая случайность. Но ведь трудно поверить в такой постоянно повторяющийся случай.

Некоторые из швабских округов первоначально назывались «барами», как, например, «Перихтилинпара», «Адальхартеспара». Бауманн в своей работе «Окружные графства в вюртембергской Швабии и исследования по истории Швабии» (*Baumann, «Gaugrafschaften im Würtemb. Schwaben und Forschungen zur schwabischen Geschichte», S. 430*) пытается сопоставить это слово со словом «Вага» — решетка, т. е. место заседания суда. К этому присоединяется также и Бруннер («*Deutsche Rechtsgeschichte», Bd. 2, 145*). Герман Фишер в «Швабском словаре» (*Herman Fischer, «Schwäbisches Wörterbuch»*) устанавливает связь этого слова с нынешним произношением «рага» с «â» и сопоставляет его со словами «bagen, Gebaerde» (делать вид, внешний вид), выводя отсюда значение «административный округ» или «судебный округ». По этому вопросу мой коллега М. Редигер написал мне следующее:

«Если корневое «â» в слове «рага» было первоначально долгим, то это могло бы быть тем же словом, что средневерхненемецкое «baga, bage» или нововверхненемецкое «Bahge», а, следовательно, может быть связано со словом «began» (нести, выносить). «Вага» обозначает нечто несущее, выносящее, приносящее, в наших словосочетаниях — «приносящая земля», «участок, приносящий доход». В этом слове первоначально не содержится понятий «административный или судебный округ».

Если обозначение «рага» указывает на то, что в эпоху переселения основой швабского округа был не судебный округ, а некое хозяйственное единство, то это является новым аргументом в пользу моей теории. Мы имеем здесь перед собой сотню, еще не распавшуюся на более мелкие деревни и находящуюся под властью своего вожды, по имени которого она называется и под предводительством которого она вся целиком захватывает область; этим она отграничивалась от соседних сотен, находящихся под властью своих князей.

АРИСТОКРАТИЯ ВОЖДЕЙ

Вполне естественно, что мы не имеем свидетельств источников, которые прямо указывали бы на рост и возвышение аристократических семей, но отдельные факты и события не оставляют никакого сомнения относительно этого процесса.

В источниках мы нигде не находим технически точных терминов, которые отделяли бы сословие чиновников или сословие военных командиров от аристократии. Всюду употребляются общие описательные выражения, как, например: «первые», «мудрейшие», «благороднейшие», «знатнейшие» среди народа, т. е. такой способ выражения, который прекрасно передает переходность стадии, слияние должности и сословия.

Нижеследующие цитаты я отчасти сам собрал, отчасти заимствовал у Дана (*Dahn, «Könige», II, S. 101; III, S. 28, S. 50; V, S. 10, S. 29*). «Знатнейшие и вожди

вестготов» («*primates et duces Visigothorum*», Jord. с. 26). «Знатнейшие» («*primates*», с. 48, с. 54). «Благороднейшие» («*optimates*», Ammian, 31, 3; 31, 6). «Благородные» («*τῶ γεγενῆστας*») — Малх, стр. 257). «Твоя знатность рода, вызывающая к себе уважение», как пишет король Теодохад к одному из своих графов (Cass. Var., 10, 29). «Предводители родов, выделяющиеся своим достоинством и своим происхождением» (Эвнаний, р. 52). «Знатнейшие» (Прокопий, I, 2; I, 3). «Старшие» (II, 22). «Лучшие» (II, 28; III, 1). «Знатные» (I, 13); «если и были среди готов безукоризненные» (I, 13), «первые» (I, 7; I, 12). Витигес избирается королем, хотя и «не принадлежал к знатному дому» (Прокопий, I, 11).

Число равноправных вождей готов, избираемых в ту эпоху, когда налицо нет короля, как справедливо подчеркивает Дан (V, 21), довольно велико: это—Мутари, Гайна, Саул, Сарус, Фравитта Эриульф, Аларих.

Сарус, который постоянно обнаруживал свое несколько фрондерское недовольство балтами, согласно Олимпиодора, располагал лишь 200—300 людьми (Олимпиодор, стр. 449, цит. по Дану, V, 29).

Эти вожди не могут быть одними лишь древними вождями, принцепсами (*principes*), в том смысле, как это слово применял Тацит.

И в то же самое время они не могут принадлежать к аристократии, явившейся в результате одной лишь придворной службы.

Наконец, они не могут быть и вождями на время лишь формируемых военных единиц. Тот союз, во главе которого они стояли, обязательно должен был быть очень прочным, органическим союзом.

Таким образом, остается лишь допустить, что они (поскольку не были командирами в силу королевского назначения) были старейшинами родов. Там, где их войска были многочисленнее, чем был, как то мы можем предположить, самый многочисленный род, там, очевидно, многие роды подчинились одному вождю таким же образом, как и весь народ поставил над собою князей или герцогов. Так Сарус сам по себе был лишь хунно рода, состоявшего из 200 или 300 мужей, но в течение некоторого времени признавался вождем значительно более крупной оппозиции. Однако, основой такого более крупного положения всегда являлось положение вождя в каком-либо роде. 200—300 человек Саруса ни в коем случае нельзя истолковать как простую лишь свиту; для свиты это было бы слишком много. Свиту в 200 человек мог бы иметь такой король, как Хнодомар, но не простой вождь.

ТИУФАД

Перед нами стоит вопрос: является ли тиуфад командиром тысячи или десятка? Гримм изменил сохранившийся и дошедший до нашего времени термин «*tiufadus*» в «*thiufadus*» (*thiu*—сокращенное *thusundi*), так как трудно допустить, чтобы здесь шла речь о командире над десятью людьми. Ср. Дифенбах, «Словарь готского языка» (Diefenbach, «*Wörterbuch der gothischen Sprache*», II, 685). Последнее обстоятельство, как мы это уже видели, во всяком случае неправильно. Однако, этот вопрос еще не совсем ясен.

В военных законах вестготских королей Вамбы и Эрвига, которых нам еще придется коснуться несколько дальше (они приведены ниже, в ч. 4-й, в гл. 4-й), центенарий, или декан, уже исчезает, в то время как тиуфад еще существует, но в качестве человека, который принадлежит к «худшим людям» и подлежит наказанию плетью. Если тиуфад, действительно, был предводителем тысячи воинов, то он очень низко упал, так как человек, командовавший тысячею людей, всегда является высокопоставленным лицом, и если на практике цифра 1 000 далеко не достигалась, то все же такая сильная деградация может показаться весьма удивительной. Но более древние вестготские законы (приведены ниже, в ч. 4-й,

гл. 1-й) не позволяют, как нам кажется, допустить иное объяснение; наконец этот факт, — особенно в связи с исчезновением центенария (десятника), — лишь подтвердил бы нашу точку зрения. Многочисленное деление эпохи переселений 10 — 100 — 1000, во главе которого еще к тому же стоял граф или герцог, после поселения становилось все более и более излишним. Сотня в прежнем смысле этого слова исчезала. Тысяча (с самого начала фактически значительно меньшая этого числа) становилась все меньше и меньше благодаря тем многократным делениям, которым она подвергалась при поселениях, происходивших на отдельных этапах. В течение некоторого времени обозначения «сотня» и «тысяча» могли встречаться и идти наряду одно с другим, означая приблизительно то же самое. Насколько далеко может отойти такая номенклатура от своего первоначального смысла, видно из того, что слово «division» в наполеоновской армии также обозначало (согласно с теперешним словоупотреблением) и большую войсковую часть, состоявшую из нескольких полков, и небольшую тактическую единицу — роту. Этот двойной смысл привел даже к роковому недоразумению при большом наступлении корпуса Эрлон при Бель-Альянс. Вестготский тиуфал, постепенно соскальзывая вниз, стал приблизительно тем же самым, чем во франкском государстве стал тунгин, который превратился в деревенского старосту. Поэтому нельзя считать невозможным, что тиуфадия (тысяча) (Вестготский закон, IX, 2, 5), которая Даном, вследствие несколько искусственного толкования, удаляется из текста (Dahn, «Könige», VI, 209, Anmerk. 8), появилась в этом тексте, так как она фактически уже была тождественна с сотней (centena), хотя закон в других местах еще удерживает традиционно сохраняющийся схематизм включения и начальствования.

Цеймер («N. Archiv.», Bd. 23, S. 436) обращает внимание на то, что глава 322 Cod. Euric. еще называет тысячника (millenarius) в одном частнопроводном деле судьей хотя соответствующая Antiqua, IV, 2, 14 его и пропускает. Его положение в эту переходную эпоху уже изменилось.

Глава VI

Расселение германцев в Римской империи

Вступление целых замкнутых народностей на римскую службу явилось тем решающим моментом, который обусловил гибель древнего мира и окончательное образование новых своеобразных романо-германских государственных организмов. Но начало этого процесса очень трудно установить. Римляне стали с этого времени заключать с варварскими народами, жившими на границах империи, союзные договоры, согласно которым эти народы должны были защищать от неприятельских нападений как самих себя, так и Римскую империю. Следующим шагом — вслед за заключением договоров с народами, жившими на их наследственных землях, — явилось поселение такого народа в пограничной области, затем постепенное втягивание его в глубь страны, передача ему определенной области и, наконец, расселение этого племени среди римлян.

Обычно началом переселения народов именно в этом смысле считали включение вестготов в Римскую империю, когда этот народ, теснимый гуннами, появился на Дунае и вступил в качестве союзника

римлян в Римскую империю, но затем победил римское войско и самого римского императора в сражении при Адрианополе. Во всем этом нет ничего особенно нового,— ни в допущении варваров, ни в конфликте, ни в победе готов. Однако, именно здесь проходит водораздел. Все аналогичные предшествовавшие события еще не были способны оказать какое-либо непосредственное и длительное действие, так как крутые переломы и реакции аннулируют все их влияние. Здесь мы имеем дело лишь с предшественниками.

Но после адрианопольского поражения Римская империя уже никогда не смогла оправиться. Хотя Феодосию и удалось еще раз восстановить внешний авторитет империи и императорской власти, а также хотя империя и просуществовала еще в течение ряда поколений, однако, с этого момента германское движение потекло по своему руслу; встречая на своем пути некоторые задержки, оно все же не смогло быть остановлено. Это движение закончилось лишь с основанием самостоятельных германских государств на римской территории.

Конфликт с вестготами возник по поводу снабжения. Мы принуждены были оставить нерешенным вопрос относительно того, действительно ли были так виновны те римские чиновники, которые подверглись обвинению в недостаточности снабжения. Ведь даже для самых предусмотрительных и заботливых чиновников колоссально трудной задачей была организация правильного снабжения продуктами целого народа, со всеми его женами, детьми и рабами; к тому же едва ли готы были очень скромны в своих требованиях.

Источники не дают нам ясного представления о том, каким образом Феодосию, как наследнику императора Валента, погибшего при Адрианополе, удалось, наконец, разделаться с готами. Говорят, что он одержал победы над готами, но эти победы не могли быть весьма значительными. Готы остались в пределах Римской империи и снова вступили на императорскую службу. Им были предоставлены определенные области, жители которых были раньше изгнаны оттуда предшествовавшими разбойничьими набегами варваров или удалены оттуда по предписанию соответствующих властей. Очевидно, готы жили здесь, окруженные римскими поселениями, по обычаю своих предков в наскоро построенных деревнях, если только не оставались в своих телегах или не пользовались постройками римских поселян. Мало занимаясь земледелием, они жили, главным образом, тем, что им давали их стада, причем значительной поддержкой для них были римские поставки зерна. Ведь их число не было чрезмерно большим. Их было трудно прокормить в одном месте в течение продолжительного времени, но, разбив их на ряд маленьких групп, их уже можно было приютить и устроить, дать им кров и даже организовать им продовольственное снабжение.

Однако, несмотря на это, в скором времени чужеродное тело, вошедшее в состав Римской империи, смогло вновь себя проявить. Возникли новые конфликты. И действительно, было бы совершенно немыслимо, если бы эти германские воины, которые считали более почетным для себя жить войной, проливая свою кровь, чем жить от трудов рук своих, могли оставить нетронутой роскошь окружавшего их мира, которой они легко могли завладеть, стоило им только протянуть к ней свои руки.

При Аларихе вестготы вторглись в Италию и разграбили Рим, а при Атаульфе двинулись из Италии в Галлию. Они пришли в Галлию после того, как эта беззащитная страна уже подверглась нашествиям вандалов, аланов и свевов, прошедших через Галлию и осевших в Испании.

На примере Бургундии мы лучше всего узнаем, каким образом в течение V в. в прежних римских провинциях устанавливалось германское господство и образовывались германские государства, так как в Бургундии наряду с указаниями хроник сохранились определения одного свода законов, так называемой «*lex Gundobada*» (закон Гундобада).

После того как бургунды, происходившие из восточной Германии, впервые осели на левом берегу Рейна в районе Вормса, где они при короле Гунтере потерпели свое знаменитое, прославленное легендами поражение от гуннов, Аэций предоставил им несколькими годами позднее (в 443 г.) места для поселений в Сапаудии, т. е. в Савойе. «Остаткам бургундов была предоставлена Сапаудия, которую они должны были разделить с местными жителями», пишет хроникер Проспер Тирон.

Через 14 лет после этого (в 456 или 457 г.) другой хроникер, осведомленный в делах этой местности,—Марий из Авенаха,—сообщает, что «в этом году бургунды заняли часть Галлии и разделили земли с галльскими сенаторами». И, наконец, третий, позднейший хроникер, Фредегар, рассказывает о том, что бургунды пришли по приглашению самих римлян, которые хотели таким образом освободиться от своего налогового бремени.

Таким образом, отсюда видно, что оба раза,—как при своем первом поселении в Савойе, так и при расширении своей области в районе Лиона и по ту сторону Роны,—бургунды явились сюда не в качестве завоевателей, но были поселены здесь по соглашению с римлянами. То же самое сообщается нам в эту же эпоху об аланах¹, и точно таким же образом были поселены в 419 г. вестготы на Гаронне.

До нашего времени не сохранилось прямого определения, устанавливающего способ этого поселения, но, очевидно, оно близко примыкало к известным нам формам римского поселения, также называлось «*hospitalitas*» (постеприимство), а король Гундобад (473—516 гг.) в своем своде законов (разд. 54) пишет:

«В настоящее время, когда наш народ получил одну треть из числа несвободных и две трети из всего количества пашен, нами предписано, чтобы никто из тех, кто получил несвободных и пашни от нас или наших предшественников, не смел бы требовать ни трети несвободных, ни двух третей пашен в том месте, где ему было отведено место для поселения». Многие не обращали внимания на это предписание; поэтому было отдано распоряжение, чтобы хозяевам местности в местах поселения были возвращены земли, неправомерно у них отнятые, дабы презираемые до того времени римляне могли жить в полной безопасности.

¹ «Пустынные земли города Валентины были переданы аланам для того, чтобы они их разделили между собой». Prosper Tiro. a. 440.

«Аланы, которым были переданы земли самой дальней части Галлии вместе с жителями для того, чтобы они их разделили с патрицем Аэцием; сопротивлявшихся оружием усмирили и силой захватили земельные владения после того, как были изгнаны хозяева». Prosper Tiro, a. 442.

Совершенно аналогичное определение находим мы в своде законов вестготов, которое гласит, что раз произведенный между готом и римлянином раздел не должен после этого больше подвергаться каким-либо дополнительным изменениям. Ни римлянин не должен претендовать на обе трети гота, ни гот на треть, принадлежащую римлянину.

Наконец, мы узнаем, что Одоакр сместил последнего римского императора, так как германцы требовали себе третью часть всей земли, а римляне на это не соглашались. Бургунды и вестготы захватили две трети, а потому люди Одоакра кажутся нам довольно скромными, так как они потребовали себе всего лишь одну треть.

Все это составляет основное содержание дошедших до нас исторических сообщений, исходя из которых мы должны нарисовать картину того, каким образом прошел процесс расселения и укрепления германцев среди римлян, определивший собою все последующее развитие истории.

Аграрный строй Римской империи характеризуется в основном тремя типами владения: во-первых, мелкокрестьянским, при котором земля обрабатывалась, главным образом, личным трудом крестьян, их семьи и, может быть, одного раба или одной рабыни; во-вторых, средневладельческим, при котором хозяева уже сами лично не работают, а пользуются в своем хозяйстве рабским трудом, но которые, однако, живя в деревне, заняты ежедневным распределением порядка работ и наблюдением за их выполнением, а живя в городе, передают ведение хозяйства управляющему; наконец, крупновладельческим, при котором помещики управляют своим имением, может быть, так же, как и хозяева второго типа, или тоже передают это дело в руки управляющего, но которые все же, главным образом, делят свое владение между колонами, т. е. полусвободными людьми, прикрепленными к земле, крепостными, которые работают в качестве мелких крестьян, отдают часть своих доходов своему хозяину и также отбывают ему барщину. Из этих трех типов владения в данную эпоху первый тип встречался лишь весьма спорадически. Большинство прежних свободных крестьян перешло в сословие колонов, хотя и потеряв вследствие этого свою полную свободу, но зато приобретя в лице экономически мощного хозяина сильную хозяйственную опору и патрона, защищавшего их права.

Второй тип более крупного владения, основанного на рабском труде, хотя порой еще и встречался в некоторых местах, но все же, за исключением горожан-землевладельцев, живших в городах, был очень редок. Значительно подавляющее большинство всех земель и недр принадлежало крупным владельцам, а работа на них производилась трудом колонов¹.

Совершенно ясно, что единственной формой владения, которая давала возможность произвести раздел с бургундами, была именно эта третья форма. Колон не мог разделить своего участка, ибо в таком случае он вообще не смог бы сохранить за собою такое владение, на котором можно было бы вести хозяйство. Равным образом бургунд не был бы склонен удовольствоваться таким маленьким участком земли, который даже не достигал бы размеров полного участка ко-

¹ Мы можем здесь не касаться тех арендных и иных отношений, которые еще продолжали существовать в эту эпоху. Ср. Brunner, «Rechtsgeschichte», I, 199.

лона,—по крайней мере в том случае, если он рассчитывал стать крестьянином на этом клочке земли. Но ведь он был призван в эту страну не для того чтобы стать крестьянином, а чтобы быть воином и защищать страну. Даже 70 лет спустя бургундский король Сигизмунд в одном своем письме к императору Анастасию назвал свой народ императорскими солдатами (*milites*). Германцы до этого времени очень мало занимались земледелием, а, кроме того, мужчины вообще очень мало расходовали труда на это дело. Они жили, главным образом, тем, что им давали их стада и охота. Поэтому они в любую минуту были готовы всей своей массой выступить в поход. Если бы они были крестьянами, они этого уже не могли бы сделать. Ведь крестьянин в некоторые времена года совсем не может покинуть своего хозяйства, а в других случаях может оставлять его вообще лишь на короткое время, в особенности летом. Но бургунды были слишком малочисленны для того, чтобы достигнуть каких-нибудь результатов, выступив в поход лишь с теми, кто был лишним в хозяйстве. При выступлении в поход их войско должно было включать по возможности всех мужчин.

Но все же их было слишком мало для того, чтобы они могли таким образом наполнить всю ту большую страну, которую они, правда, заняли не тотчас же после 443 г., но в течение ближайших поколений, чтобы на каждом или на значительном большинстве крестьянских дворов сидел теперь рядом с римским также и бургундский крестьянин. Ян в своей «Истории бургундов» (т. I, стр. 389), исходя из баснословных цифр, которые признавались раньше достоверными, исчисляет количество бургундов, вступивших в эту страну в 443 г., в 93 000 мужчин (281 700 человек). Снизив эту цифру благодаря нашему исчислению до 3 000—5 000 человек, мы имеем возможность установить теперь совершенно иные предпосылки для этого расселения.

Наконец, следует принять в соображение и то, что бургунды заняли свою страну не сразу, а в несколько этапов. Совершенно то же самое произошло и с вестготами, которые были первоначально поселены на Гаронне, а затем постепенно заняли всю страну, вплоть до Луары и до Роны, а на юге даже по ту сторону Роны вплоть до Альп и, наконец, большую часть Испании. Невозможно допустить, чтобы люди, которые согласились при разделе принять крестьянский двор и устроили на нем свое хозяйство, через несколько лет всей своей массой снова двинулись дальше, чтобы в каком-нибудь ином месте получить такой же небольшой участок земли, являющийся частью какого-либо имения. И наоборот, остготы во время своей войны с Юстинианом однажды объявили, что они готовы уступить всю Италию и удовольствоваться страной, лежащей к северу от По¹. Это является достаточным доказательством того, что хотя они уже и прожили в этой стране в течение 50 лет, все же не осели и не укрепились в ней в качестве крестьян.

Поэтому, не коснулся ли раздел средних поместий, в которых работы производились при помощи некоторого количества рабов? Но и это едва ли вероятно. Средние владельцы были в большинстве случаев горожанами. По еще сохранившемуся административному и финансово-податному порядку на них лежала ответственность, от кото-

¹ Прокопий, III, 3.

рой они тотчас же освободились бы, если бы у них отняли их поместья¹. Однако, не только с точки зрения римлян, но и с точки зрения германцев было бы совершенно невозможно провести в жизнь мысль о разделе такого рода средних поместий.

Бургунд, принявший такое владение, оказался бы в очень большом затруднении. Ведь он не обладал ни достаточными познаниями, ни достаточными способностями для того, чтобы самостоятельно управлять таким имением. И, конечно, совершенно чуждым для него делом было руководить ежедневным выполнением работ, еще более чуждым — организовывать коммерческую реализацию продуктов, и, наконец, он был менее всего способен к ведению книг. Он был бы принужден взять себе управляющего, но даже контроль над таким управляющим превосходил бы его способности и не соответствовал бы его наклонностям. Даже при проведении необходимой реорганизации своих двух третей имения этот новый хозяин, без всякого сомнения, потерпел бы неудачу. Единственной возможной формой использования более или менее крупного имения варваром было его разделение на колонатные участки, т. е. такая хозяйственная форма, которая с древнейших времен являлась обычной формой хозяйства на родине германцев, как нам об этом сообщает Тацит. Но колонатный тип хозяйства совершенно не подходит к небольшому поместью средней руки. И свободный рядовой член общества в древнейшей Германии, конечно, редко имел даже одного колона, потому что иначе это означало бы, что он разрешает своему колону обзаводиться семьей, которую надо было прокормить в тяжелые годы, а такие тяжелые годы, годы голодовок, были нередким явлением. С другой же стороны, крупное хозяйство располагает таким большим количеством запасов, которое позволяет производить совершенно иные расчеты. Да к тому же три или четыре колона не в состоянии прокормить семью своего хозяина. Число колонов должно было быть гораздо более значительным. Следовательно, среднее хозяйство организовывалось таким образом, что в нем несвободными пользовались не в качестве колонов, а в качестве прислуги. Колонатное хозяйство является в первую очередь и прежде всего крупным хозяйством.

Поэтому для раздела между римлянами и германцами оказались пригодными лишь крупные хозяйства, основанные на труде колонов.

Выше мы уже привели тот параграф из бургундского свода законов, согласно которому римляне принуждены были уступить бургундам две трети своей земли и одну треть несвободного населения. Дальше говорится, что двор, сады (виноградники), расчищенные под пашню участки леса и леса делятся пополам между обеими сторонами. Этот тройне различный способ деления — $\frac{2}{3}$, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ — должен иметь свои причины и нуждается в объяснении², которое заключается приблизительно в следующем.

Те две трети пахотной земли, которые римский владелец уступал бургунду, являлись, главным образом, землями колонов. Та треть, ко-

¹ На это обратил внимание Hartmann («Geschichte Italiens in Mittelalter», I, 109). Конечно, ответственность членов курий не могла быть перенесена на германцев. Однако, нельзя доказать, когда и где снимались налоги вследствие раздела.

² Кауфманн на основании веских и метких соображений опроверг ту точку зрения, что первоначальный раздел пашен $\frac{1}{2} : \frac{1}{2}$ был впоследствии заменен новым, основанным на пропорции $\frac{2}{3} : \frac{1}{3}$ (Kaufmann, «Forschungen zur Deutschen Geschichte», Bd. 10).

тору он удерживал за собой, была отчасти землей колонов, но главным образом—той пашней, которую он сам возделывал, и к тому же он сохранял за собой половину леса, сада и виноградника. Для того чтобы иметь возможность обслужить рабочими руками эту часть своего хозяйства, владелец должен был сохранить за собой две трети несвободного населения своего поместья, так как несвободными являются не только сельскохозяйственные рабочие, но также и дворовая челядь, прислуга и различные ремесленники, число которых не могло или не должно было быть уменьшено, так как большая часть пахотной земли была отчуждена от имения.

Что же делал теперь бургунд с двумя третями пахотной земли и лишь с одной третью рабов? Можно было бы, пожалуй, принять, что он привел с собой такое большое количество рабов, что он из их числа мог бы покрыть недостаток в рабочих руках, если бы обнаружился такой недостаток в необходимых для хозяйства сельскохозяйственных рабочих. Но возможна также и совершенно иная цепь фактов.

Мы уже видели, что, судя по предпосылкам и целям раздела земли, для этого оказались пригодными лишь крупные поместья.

Совершенно невозможно, чтобы в разделении земель участвовали все бургунды, и притом так, чтобы на каждого крупного римского землевладельца приходилось бы по одному бургунду. Как ни мало было бургундов, все же они были для этого слишком многочисленны, в особенности же при своем первом поселении в Сапаудии.

Следовательно, германцы, с которыми римляне должны были произвести дележ, были либо знатные люди, либо предводители. То место у хроникера, которое говорит, что бургунды должны были разделить земли с «сенаторами», т. е., по тогдашнему словоупотреблению, с аристократами, должно быть понято в буквальном смысле.

Таким образом, здесь мы находим объяснение тому необычайному различию, которое заключалось в том, что римлянин должен был уступить две трети пахотной земли, но лишь одну треть несвободного населения. Сюда включалось некоторое количество колонных дворов, которые передавались незанятыми. И эти крестьянские дворы занимались рядовыми свободными членами бургундских общин.

Описанный в наших источниках способ расселения и раздела совершенно не подходит к простым германцам. Небольшое поместье не могло его удовлетворить, но занять более крупное он уже не был в состоянии, так как был в хозяйственном отношении совершенно необразованным и неразвитым человеком. Переход от полукommунитического родового строя, в условиях которого он до этого времени жил, к индивидуальному хозяйству мог произойти лишь очень постепенно и к тому же тем более медленно, что налицо не было никакого импульса к такого рода переходу. Ведь в то время господствующей над всем мыслью могла быть лишь мысль о том, что тот военный быт, в условиях которого жили, не только не нужно было уничтожать, но, наоборот, он должен был быть (возможно дольше) сохранен.

Делс заключалось в том, чтобы приспособить германский быт к условиям римской культурной жизни. Было совершенно невозможно, чтобы дикие воины продолжали свой прежний образ жизни среди римлян. Но то, что мы вычитали из наших источников, дает нам наглядную и ясную картину этих новых условий. Крупные рим-

ские помещики, которые до этого времени содержали варварских наемников, платя огромные натуральные повинности и подати, и которые все же при возникновении спора должны были быть готовы к тому, чтобы их поместье было самым безжалостным образом разграблено этими же самыми наемниками, освободились от части этих тягот посредством уступки земли.

Германцы разделились на сравнительно сильные отряды соответственно числу крупных земельных поместий. Каждый их предводитель завладел половиной дома, двора, сада, виноградника, леса и двумя третями пахотной земли с находящимися на ней дворами колонов. В пустые дворы или в те, которые для этой цели были освобождены, он посадил своих товарищей по роду или своих подданных с их семьями, и эти люди должны были хозяйничать на этих дворах так, как они это умели или насколько их к этому побуждало их прилежание. Но своим основным призванием они все же попрежнему считали военное дело и в большинстве случаев надеялись на то, что именно оно их прокормит. Если в течение какого-либо года не было ни одного похода, то приходилось обходиться доходами с хозяйства или же запасами. Если же была война, то хотя полководец и не платил жалования наличными деньгами, но зато снабжал своих воинов и обещал им добычу.

Воинственность заключается не только в личной храбрости и боеспособности, но и в готовности по первому приказу двинуться в поход. Но, чтобы выступить в поход,—конечно, в том случае, если надо выйти за пределы непосредственно примыкающего соседнего района,—требуется такое снаряжение, которое отдельный человек не в силах выставить. Ведь каждый человек нуждается в гораздо большем количестве продовольствия, чем то, которое он может нести на себе; он нуждается в запасном вооружении, в уходе за собой в случае болезни или ранения. Отдельный человек не в состоянии выставить необходимые для этой цели повозки и упряжной скот. Этого не может сделать даже такой человек, которого следовало бы причислить к средним владельцам. Для этого необходимо длительно существующая и обеспеченная средствами организация, как та, которой располагала существовавшая до этого времени родовая община.

Если херуски и их союзники однажды в течение ряда недель или месяцев осаждали крепость Ализо, то находившиеся там отряды отдельных округов должны были быть обеспечены подвозом продовольствия и полным снабжением со стороны своих товарищей по роду, так как военный поход на расстояние 5—6 переходов, длившийся в течение такого же числа недель, требовал очень больших приготовлений и очень крупного снабжения. Эта организация продолжала функционировать и во время тех походов, которые совершались в эпоху переселения народов.

Наши источники дают нам некоторые указания на то, каким образом германцы справлялись с этой потребностью после своего поселения.

Мы можем заметить, что крупное земельное поместье, переданное знатному человеку, не передавалось ему просто на условиях полной собственности. Эта «доля» хотя и передается по наследству, однако, не может быть отчуждена или разделена по усмотрению владельца и остается во владении мужской линии рода, пока таковая имеется налицо, не переходя в руки дочерей. В некоторых выраже-

ниях, встречающихся в бургундском своде законов, как бы проглядывает мысль об общей семейной собственности¹. Отдельный человек не имел права продавать своей доли по собственному усмотрению, а отсюда вытекает, что он помимо этого имел еще другое поместье. Тот человек, которому король пожаловал поместье, обязан ему за это служить верой и правдой (разд. I, § 4).

Отсюда я считал бы возможным сделать тот вывод, что вновь созданные крупные германские помещики имели некоторые обязанности по отношению к своим соотечественникам, поселенным на крестьянских дворах, а именно — были обязаны их защищать. Ни в бургундском своде законов, ни в каком-либо другом месте мы не находим ни одного предписания, прямо указывающего на этот факт, но может быть, такое предписание было, с одной стороны, излишним, а с другой — его было трудно юридически формулировать. Там, где еще было живо представление о древнем роде, хотя бы и в сильно ослабленной форме, там жил еще и традиционный патриархально-коммунистический дух. Каждая германская группа, поселенная в римском поместье, еще сохраняла некоторый остаток древнего родового строя. И когда эта группа призывалась на войну, то, по германским представлениям, не требовалось никакого особого предписания для того, чтобы предводитель, в непосредственное распоряжение которого были переданы большая часть имущества и его несвободного населения, мобилизовал эти ресурсы. Юридической формы для этого положения не существовало.

Мы не можем сказать, каковы были пределы и какова была продолжительность фактического действия этого момента. Конечно, полностью отрицать этого момента нельзя. Но теперь наряду с этим стояло административное управление, которое германцы вскоре окончательно вырвали из рук римлян. Германский король поставил над каждой областью графа с его чиновниками, которые снабжали войско, пользуясь для этой цели теми поставками натурой, которые было件件язано делать римское население. Мы видим, как среди вестготов и остготов еще сохраняется во всем своем объеме римская налоговая система, но в то же время гражданам разрешается при выполнении своих повинностей платежи наличными деньгами заменять поставками натурой. В вестготском законе мы находим предписания относительно поставок зерна и относительно складов, а также предписания, угрожающие наказанием нечестным управителям². Также и в законах остготов мы находим частые упоминания складов³.

Таким образом, с нашей точкой зрения очень хорошо согласуется факт постепенного расширения области расселения как бургундов, так и вестготов. Рядовой человек не считал себя прочно прикрепленным к своему двору, но чувствовал себя здесь так же свободно, как он себя чувствовал до этого на берегах Рейна или в далеких областях Восточной Германии. Он не имел ничего против того, чтобы переселиться в другую область, если этого требовали король и предводители. При этом, конечно, выигрывал король, который усиливал свое могущество и умножал свои доходы; одновременно выигрывали и те, которые в качестве младших сыновей, вышедших из среды уже

¹ Gaupp, S. 352, Anm.

² Lex Visig. IX, 2, 6.

³ Dahn, «Könige» III, 162, Anm. 4.

поселенных знатных семей или же благодаря милости короля, возвышались до положения крупных землевладельцев. В конце концов бургундское государство, разделенное приблизительно на 30 графств или округов, заняло пространство в 2 000—2 500 квадратных миль. Таким образом, на каждое такое графство приходилось в среднем не более 200 воинов¹.

Однако большая часть этих воинов уже не находилась в положении рядовых свободных членов родовой общины, но была на службе одного из новых знатных господ или одного из королевских графов. Те огромные владения, которые получили германцы при своем поселении, стали в значительно подавляющей части достоянием очень малочисленного класса. Можно было бы спросить, почему рядовые свободные члены общины допустили такой дележ? Но ведь нельзя же было всю массу воинов сразу превратить в крупных помещиков, да к тому же очень многие из них получили косвенным образом некоторую долю этих имений, поступив на службу к новым помещикам и сохранив при этом свое звание и свой облик воина, потому что эти помещики хотели иметь на своей службе именно воинов. При этом стало исчезать понятие древнего рода и распадаться его внутренняя спайка.

Раньше царило представление о том, что в отнятии у римлян двух третей всей их земли для поселения на ней германцев скрывается такой переворот в отношении к собственности, какого в другие эпохи история не знает. Но от такой точки зрения мы отказались.

На место колоссального переворота во всех отношениях к собственности нами был поставлен новый способ управления войском, приспособленный к условиям натурального хозяйства. Нет никакой необходимости признавать, что даже там, где действительно производилось отчуждение земли, отдельные произвольно выхваченные люди были вынуждены жертвовать своим имением. Основное положение «две трети пахотной земли, половина двора, треть крепостных» распространялось не на всю совокупность римских владений, которые были весьма различны и могли находиться во многих округах, но в каждом данном случае лишь на то имение или на ту деревню, которая предназначалась для поселения германцев².

Весьма возможно, что при разделении земель, как мы его себе теперь представляем, принималось в соображение положение владельцев, так что для дележа выбирались поместья лишь очень крупных

¹ Под законом бургундов (*Lex Burg.*) стоят подписи 31 или 32 графов (*comites*). Binding, «*Fontes rerum Bernensium*», p. 95, Ann. 16). Однако, нет необходимости предполагать, что все эти графы (*comites*) были действительными правителями графств. Биндинг считает, что существовало по крайней мере 32 графства (Binding, «*Gesch. d. burgund. germ. Königr.*», I, 324).

² Если закон вестготов (*Lex Vis.*, X, I, 16) допускает, чтобы гот, завладевший третьей частью (*tertia*) земли, принадлежащей римлянину, отдал ее обратно в том случае, если не прошла 50-летняя давность, то это, конечно, может относиться только к тем земельным владениям, хозяин которых проживает в другом месте. Ведь действительно, если гот отобрал у римлянина, с которым он должен был произвести раздел, все его владение, то вполне естественно, что этот римлянин либо начал бы с ним борьбу тотчас же, либо не начал бы уже никогда. Напротив, римский оптимат мог бы в течение долгих лет не обращать внимания на то, что одно из его имений было у него, вопреки закону, отнято целиком, и наконец, заявить на него свои права, когда при новом правителе упрочились законность и правовые гарантии.

собственников и тяготы раскладывались до некоторой степени равномерно. Таким образом, богатые помещики с легкостью несли эти убытки.

Средний собственник, у которого конфискуются две трети его земли, не только становится значительно беднее, но и совершенно разоряется. Все его социальное положение резко меняется. Но крупный помещик, у которого из двух его поместий берутся лишь две трети одного, остается в социальном отношении тем же, чем он был раньше.

Когда Октавиан после окончания гражданской войны поселил своих ветеранов в Италии, то он не нашел ничего лучшего, как принудительно изгнать массами из целых областей гражданское население и таким образом конфискованные земли разделить между своими солдатами. Разделение земли между варварами, бургундами и готами происходило далеко не так болезненно.

У римских писателей сохранились указания на то, что римляне чувствовали себя под властью варваров лучше, чем раньше, так как бремя налогов во время римского владычества стало невыносимым. Если эта картина общественных настроений основывается на правде, то это можно, пожалуй, объяснить тем, что не только прямое отчуждение земель было очень значительным, но и налоги почти целиком состояли теперь из натуральных поставок, которые могли выполняться в непосредственной близости от имения. Натуральная поставка на большое расстояние настолько тяжела, что она под конец становится невыносимой. С другой же стороны, ввиду недостаточного количества благородных металлов, трудно было заменить эту поставку наличными деньгами. Если же сверх того удавалось при помощи мирного соглашения с поселенными варварами обеспечить себя и своих поселян от прабительских нашествий этих варваров, то, действительно, положение вещей значительно улучшалось.

Яркую картину того, что чувствовали римские аристократы по отношению к своим германским «гостям и друзьям» (*hospites*), которые теперь жили рядом с ними, поселенные на продолжительное время в их имениях, рисует нам стихотворение, посланное в эпоху короля Гундобада епископом и поэтом Сидонием Аполлинарием одному из своих друзей в виде извинения за то, что он не сочинил ему настоящей свадебной песни. В переводе это стихотворение гласит: «Как я могу, хотя и одаренный поэтическим даром, сочинить песню для празднества любви, сидя в кругу длинноволосых, слушая вместе с ними германскую речь и принужденный с серьезным лицом хвалить песни, которые поет прожорливый бургунд, умащающий свои кудри прогорклым маслом? Убегая от варварской лиры, Талия уже ничего не хочет знать о шестистопном размере (гексаметре) с тех пор, как она видит вокруг себя семифутовых господ. Твои глаза, твои уши, твой нос можно назвать счастливыми за то, что не чувствуют с самого утра того запаха чеснока и лука, который изрыгает целый десяток сосудов (котлов или кувшинов?). На тебя не нападает еще до рассвета, как на старого дядю или как на мужа няньки, целая толпа гигантов, которых едва ли могла бы прокормить даже кухня Алкиноя. Но уже умолкает муза и обуздывает свои шуточные стихи, чтобы их не назвали сатирой».

Несмотря на насмешки благовоспитанного римлянина, нас все же радует облик тех семифутовых богатырей, которые во время пир-

шеств поют свои песни. И мы охотно отказались бы от всего версификаторского искусства Сидония Аполлинария, если бы этот поэт снизошел до того, чтобы записать хотя бы одну из тех германских песен, над которыми он насмехается, или хотя бы один из рассказов своих гостей о смерти короля Гунтера или об их участии в большом сражении на каталаунских полях против Аттилы.

До сих пор мы, главным образом, касались лишь способа разделения земли и поселения среди бургундов и вестготов. Но это еще не говорит о том, что и у других германских народов дело происходило точно таким же образом.

Относительно в а н д а л о в до сих пор считают, что они в данном отношении поступили совершенно иначе. Они с самого начала установили иные государственно-правовые отношения с римлянами. В то время как бургундские короли приняли свою страну из рук Аэция и до последнего времени смотрели на себя, как на солдат императора и даже после падения Западноримской империи, как на солдат константинопольского императора (или по крайней мере так называли себя), и в то время как вестготы в течение продолжительного периода смотрели на свое государство, как на часть Римской империи, Гейзерих захватил Африку силой и вскоре принудил римлян уступить ее ему в полную суверенную власть. Затем он не расселил своего народа по всей стране, но держал его весь в одном месте, а именно — в области, лежавшей вблизи его столицы Карфагена — в Цейгитане, изгнав оттуда, согласно описанию наших источников — Прокопия и Виктора Витензийского, всех римлян. Но если хорошенько вдуматься, то не исключена возможность того, что поведение вандалов было очень похоже на поведение других германских народов. Их страна была гораздо больше, чем даже страна вестготов, но их число было скорее меньше, так как едва ли они насчитывали более 8 000—12 000 воинов. Поэтому вполне естественно, что они не распространились по всему североафриканскому побережью. Плодородный Тунис был достаточно богат для того, чтобы их прокормить, а для военных целей им было удобно поселиться там всем в одном месте. Чиновникам, которых король посылал для управления отдельными далекими областями, давались лишь очень небольшие карательные отряды. Вопрос теперь заключается в том, действительно ли Цейгитана была целиком разделена между завоевателями или был ли также и здесь произведен дележ, при котором за римлянами здесь были сохранены некоторые владения? Высказывания обоих наших источников по этому вопросу не могут для нас иметь решающего значения, так как оба они очень враждебно настроены по отношению к вандалам и стремятся к тому, чтобы обрисовать в самых черных красках их свирепость и их жестокость. Но все же не исключена возможность и того, что они были правы.

При том дележе земли, который был предпринят в Италии О д о а к р о м и который затем был продолжен остготами, римляне должны были отдать лишь одну треть, что кажется особенно поразительным, так как вестготы и бургунды захватили две трети земли. Но это различие потеряет свое значение, если мы примем во внимание то истолкование, которое было дано этому предписанию. Ведь количество захваченных земель зависело не от величины подлежащей отчуждению доли каждого отдельного имения, но от общего количества отчуждавшихся земель. И хотя в Италии от каждого отдель-

ного имени отчуждалась меньшая часть, но мы не знаем, не было ли там в то же самое время предназначено для разделения соответственно большее количество поместий.

Поэтому нам кажется более важным, чем различие в доле дележа, другое различие, а именно то, что остготы, как нам сообщают источники, должны были платить поземельную подать. Бургунды и вестготы¹ не платили этой подати, так как переданная им земля являлась, так сказать, их жалованьем. Теодорих же дал своим воинам также и вознаграждение наличными деньгами, которое хотя и не было регулярным жалованьем, но являлось своего рода годичным подарком. А однажды он ясно подчеркнул, что эти деньги являются доходами от податей, которые он, не будучи скрягой, не хотел брать лично для себя, но которые он отдавал в пользу своих соотечественников.

Мы не имеем достоверных свидетельств современников относительно поведения лангобардов в Италии. Согласно более поздним свидетельствам, сохранившимся у Павла Диакона, кажется, что они попросту прогнали и уничтожили римскую аристократию и заняли ее место.

Германские племена на римской почве являлись первоначально не чем иным, как войсками. Их первое поселение рассматривается как своего рода расквартирование. Но затем их предводители, германские короли, берут в свои руки также и гражданское управление. Они управляют страной при помощи графов, которых они ставят на место прежних римских чиновников. Отчуждение земель не является, в сущности говоря, основным и решающим моментом, — это лишь частичное освобождение от податей, поставок и постоя. Основным и решающим моментом здесь является то обстоятельство, что при помощи и посредством германской военной и войсковой организации весь германский государственный строй со всеми своими правовыми и общественными понятиями постепенно ставится на место римского или же ему прививается.

Аналогию этого процесса образования германо-романских государств дает нам эволюция некоторых фактов, относящихся к более близкой нам исторической эпохе. Я имею в виду организацию управления в прусском государстве. Подобно тому как бургунды и готы первоначально являлись не чем иным, как войском, которое ради удовлетворения своих потребностей взяло в свои руки гражданское управление, а также часть национального достояния, точно так же и прусское административное управление выросло из первоначальных снабженческих органов армии. Вместо римского государственного или коммунального чиновника во главе округа, который приблизительно соответствовал древнему германскому племени, становится германский граф, назначаемый своим королем. Из комиссаров по передвижению, расквартированию и снабжению бранденбургской армии во время и после Тридцатилетней войны появились ландраты, военные камеры и генеральная директория. Из системы взысканий поставок, повинностей и податей для содержания армии выросла система попечительного управления всей страной, из бранденбургско-прусской армии выросло прусское государство.

¹ Gaupp, S. 404.

ЛИТЕРАТУРА

Основной работой по вопросу о поселении германцев до сих пор еще является книга Гауппа «Германские поселения и разделы земли в провинциях Западноримской империи» (Gaupp, «Die germanischen Ansiedelungen und Landteilungen in den Provinzen des römischen Westreiches», 1844).

Далее существенным образом должны быть приняты во внимание следующие работы:

Альб. Ян, «История бургундионов и Бургундии» (Alb. Jahn, «Die Geschichte der Burgundionen und Burgundiens», Bd. 2, 1874).

Г. Кауфманн, «Критические дополнения к истории бургундов в Галлии. Исследования по истории Германии», том 10 (G. Kaufmann, «Kritische Erörterungen z. Gesch. d. Burgunder in Gallien. Forsch. z. deutschen Gesch.», Bd. 10).

Из большой работы Феликса Дана «Короли германцев» (Felix Dahn, «Die Könige der Germanen») для наших целей особенно ценны III том (1866), содержащий «Организацию остготского государства в Италии» («Verfassung des ostgothischen Reiches in Italien»), а также V (1870) и VI томы (2-е издание 1885 г.), содержащие историю и описание государственного строя вестготов.

Новейшей работой в этой области является работа Р. Салей «О поселении бургундов в поместьях галло-римлян» (R. Saleilles, «Sur l'établissement des Burgundes sur les domaines des Gallo-Romains. Revue bourguignonne de l'Enseignement supérieur, 1891, 1, 2. Тут же помещен и более подробный перечень литературы).

«Закон бургундов» («Lex Burgundionum») или «Закон Гундобада» («Lex Gundobada») заново издан Биндингом в «Fontes rerum Bernensium», 1883.

Gingins в своей работе «О поселении бургундов в Галлии» («Sur l'établissement des Burgundes dans la Gaule». Memorie della Academia di Torino, т. XL 1838) пытается доказать, что между бургундами и римлянами делились не отдельные пахотные земли, но целые местности и что раздел производился по округам (pach pagi). Это, конечно, неправильно, и нам нет необходимости к этому возвращаться, но все же в этой точке зрения содержится некоторое зернышко истины, так как неправильной оказалась и противоположная точка зрения, утверждающая, что пахотные земли делились повсюду и что, таким образом, бургунды поодиночке были рассеяны по всей стране. Простые бургунды оставались объединенными в группы, а так как они были арианами, то еще в течение долгого времени держались особняком от римлян. Gingins на стр. 224 рассказывает, что одна часть города Арбуа называется «bourg des faramins». Это было бы совершенно правильно сопоставить с тем фактом, что здесь была поселена в одном месте группа бургундов. «Faraminii» — это мужи рода, члены родовой общины.

MANCIPIA

Моя точка зрения предполагает, что «mancipia», т. е. «несвободные», подлежащие отчуждению, охватывали также и колонов. Совершенно достоверно, что термин «mancipia» может обозначать не только собственно рабов, но и колонов. Раздел 7-й «Закона бургундов» применяет в совершенно одинаковом значении, ставя наряду друг с другом, термины «servus» (раб), «colonus» (колон), «originarius», «mancipium». Другие места приведены у Вайца в «Истории германского государственного права» (Waitz, «D. Verf.-Gesch.», Bd. 2, 173 ff.). Поэтому уже Эйххорн перевел термин «mancipia», обозначавший тех, которых римляне должны были уступить бургундам, просто словом «колоны». Но все же необходимо доказать, что это действительно так и было на самом деле, так как слово «mancipia» может здесь обозначать и настоящих рабов, как это и было понято новейшими исследователями. Я думаю, что дело заключается в следующем. Если бы термин «mancipia», примененный в «Законе Гундобада», исклю-

чал колоннов, то раздел земель коснулся бы исключительно той части земельного владения, которое обрабатывалось крупнопроизводственным способом, причем бургунды получали две трети этой земли и одну треть наличного числа рабов для обработки этой земли. Совершенно невозможно, чтобы от каждого колонного двора отчуждались две трети земли и передавались бургундам, так как в таком случае колоны в хозяйственном отношении оказались бы нежизнеспособными. С другой же стороны, отчужденная часть крупного поместья ни в коем случае не могла бы удовлетворить бургундов. Ведь количество и размеры таких крупных хозяйств, по сравнению с колонными хозяйствами, были невелики. Передача половины дома, двора и сада, без передачи более или менее значительного количества колоннов, дада бы бургундам в руки амбары, лишенные их содержимого. Поэтому термин «*mancipia*» должен здесь обязательно включать колоннов.

Параграф 142-й эдикта остгота Теодориха разрешает господам удалять из своего имени и по собственному усмотрению продавать «деревенских рабов (*mancipia*), даже в том случае, если они являются колонами».

Дан это объясняет таким образом (IV, 96), что готы (это, впрочем, уже доказано) привели с собой очень многих рабов, которых они частью хотели поселить на дворах колоннов. Поэтому они добились того, что им разрешили поступать по собственному усмотрению с прежними колонами.

РАЗДЕЛ КРУПНОГО ПОМЕСТЬЯ

Тот факт, что разделы производились лишь между бургундскими и римскими аристократами, подтверждается также и тем, что как в бургундском, так и в вестготском законах при разделе особенно подчеркиваются леса. Обычно владение лесами не связывается с мелким земельным владением.

Дан («Короли», VI, 168) говорит:

«Сословие свободных членов общины (вестготов) распадается на три слоя: высший слой, находясь в постоянно текущем движении, поднимается до степени господствующей знати; теряющееся в своем ничтожестве незначительное меньшинство занимает лишенную какого-либо значения середину; а значительное большинство опускается до уровня «незначительных», «низших», «маленьких», т. е. бедных людей, находящихся либо выше, либо ниже уровня несвободных».

Эти опускающиеся, конечно, никогда не были средними помещиками.

РАЗДЕЛ ДОМА И ДВОРА

Удивительно то, что в разделе 45-м «закона Бургундов» не упоминается дом в качестве объекта дележа; равным образом не упоминается он и в «Закоме вестготов». Отсюда сделали тот вывод, что римляне на самом деле сохраняли за собой свои дома и что германцы строили себе свои собственные дома. Это было бы резонно, так как раздел на продолжительное время дома, который мы должны себе представить в качестве довольно крепкого замка, неминуемо должен был бы повлечь за собой большие неудобства. Хотя в римских предписаниях о расквартировании войск очень подробно регулируется именно раздел дома, но такой раздел всегда был лишь временным явлением. А раздел земли, хотя, конечно, и связывался с сохранившимися формами расквартирования, однако, он все же являлся чем-то другим, не только потому, что разделу подвергалась также и земля, но прежде всего по той причине, что дело шло не о временном, но о постоянном состоянии.

Пожалуй, еще более трудным, чем раздел дома, кажется мне раздел двора со стойлами и амбарами. Германцы считали двор точно ограниченным участком. *Lex Bajuuv.* XI, § 1: «Если кто-либо в чужой двор насильно и противозаконно

проникнет». Lex Alam. Lib. III, C. № 3: «Если в чужой двор войдет». Lex Visig. VIII, 1, § 4: «Какой бы хозяин... в доме или во дворе своем дверь закрыл». Поэтому я долго колебался, следует ли, действительно, признавать раздел двора у бургундов.

Тит. 44, 2 гласит¹: «Подобно тому как это уже давно было постановлено, мы приказали вообще взять у римлян половину лесов и то же самое относительно двора и садов по отношению к фараманнам, согласно принятому условию, по которому римляне признавали, что следует взять половину».

Я сперва думал, не следует ли здесь понимать слово «двор» (curtis) в собирательном смысле — как совокупность всех дворов колонов, половина которых должна быть отчуждена. Но, несмотря на все пренебрежение текста этого закона к правильным латинским оборотам речи, такое объяснение мне кажется неподходящим. Все же мы должны попрежнему признать, что здесь подразумевается господский двор, который подлежал реальному разделу. Следовательно, сюда включался и дом.

ОБА HOSPITES

Гаупц, Биндинг, Ян и Кауфманн единогласно считают, что один римский hospes (хозяин) всегда противопоставлялся одному бургунду, с которым тот и производил дележ. Салей же, оспаривая это, пытался доказать обратное, а именно, что многие разделы «Закона Гундобада», в особенности тит. 67-й, могут быть поняты лишь в том смысле, что несколько бургундских hospites (гостей) противостояли одному римлянину. Это согласуется с нашей точкой зрения. Тит. 67-й гласит¹: «Те, которые владеют пахотной землей или землей колонов, признают необходимость разделения между собой леса соответственно виду земли или характеру своего владения. У римлянина, однако, сохраняется половина лесов в расчищенных участках».

Биндинг считает вторую фразу интерполированной. Этому как будто бы противоречат тит. 13-й и 31-й. Тит. 13-й гласит¹: «Если кто-либо — бургунд или римлянин — расчистит или уже расчистил в общем лесу участок под пашню, то пусть он отведет своему гостю такое же количество леса и расчистит его под пашню, а тем что сделал, пусть владеет, отдав гостю уступленную ему долю».

Тит. 31-й гласит¹: «Кто на общем поле, не встречая ни с чьей стороны возражений, устроит виноградник, тот пусть возместит такой же участок земли тому, на чьем поле он устроил виноградник».

В обеих этих статьях, очевидно, предполагается наличие лишь двух совладельцев «общего поля» (communis campus). Это объясняется тем, что тогда еще не думали, что простые бургунды могут расчищать леса под пашни или разбивать виноградники. До такой высоты хозяйственной деятельности могли подниматься в крайнем случае лишь знатные люди. Рядовой член родовой общины (faratannus), который вместе с 20 и 30 другими своими соплеменниками был поселен в какой-либо деревне и совместно с ними претендовал на владение половиной общего леса и общих пастбищ, конечно, не смог бы по своему усмотрению занимать лично для себя из этого земельного фонда отдельного участка или разбивать виноградник, возместив римскому совладельцу точно такой же участок земли; и, наоборот, римлянин тем более не смог бы сделать этого по отношению ко всем бургундам.

Вообще потребность в такого рода постановлениях, которые встречаются также и у вестготов, объясняется не столько хозяйственным рвением германцев, сколько потребностями римлян, которые пытались возместить себе отчужденные от них участки пахотной земли новыми расчистками земли под пашни в тех лесах, которые остались в их общем владении.

¹ Перевод с латинского. — Р е д.

БУРГУНДЫ, КОТОРЫЕ ПРИШЛИ ПОЗДНЕЕ

Ст. 107-я, прилож. II, § 11 «закона Бургундов» гласит: «Относительно же римлян мы приказали; чтобы бургунды, которые пришли позднее, не требовали более того, что необходимо в настоящее время, т. е. более половины земли. Другая же половина со всей совокупностью несвободных остается во владении римлян. Поэтому мы не допустим никакого насилия».

«Бургунды, пришедшие позднее», конечно, могут быть лишь позднее пришедшими поселенцами. Но что это за земля (terra), половина которой, к тому же без несвободного населения, должна быть им передана? Половина ли участка колона? Но это невозможно, что вытекает из неоднократно приведенных нами выше причин. Половина ли крупного хозяйства? Это было бы очень много, но при отсутствии рабов это принесло бы мало пользы поселенцу. Старался ли граф, в округе которого хотел или должен был поселиться этот новый поселенец, подобрать ему поместье, соответствующее его хозяйственным силам, т. е. подыскивал ли он более крупное имение для более благосостоятельного человека, который приходил со своими рабами, со скотом и инвентарем, или же участок колона для почти немущего, предназначая эти земли для дележа? Но это было бы невыносимым произволом, который к тому же в первую очередь освобождал бы от этой тяготы самых богатых римлян.

Мне кажется, дело надо себе представлять таким образом. Бургунды, пришедшие позднее, были либо отдельные лица, по большей части прожившие некоторое время в Италии или в Константинополе в качестве наемников, находившихся на римской службе, либо же целые племена или части племен. Отдельным лицам не отводилось отдельных участков для поселения. Они теперь либо поступали на службу к какому-либо знатному бургунду, либо разыскивали свой род или свою семью и устраивались у них и при их помощи. Наш параграф не касается такого рода случаев. Он, скорее, относится к целым группам людей, которые впоследствии дополнительно приходили из Германии. Этим людям позднее предоставлялось имение из владений какого-либо римского аристократа, так что каждая бургундская семья получала здесь, как и при прежних разделах, двор колона, т. е. соответствующий участок господской пашни, в качестве свободного владения. Выселяемых колоннов их хозяин должен был устроить в других местах. Римлянин должен был уступать «не больше половины», а не попросту половину, так как это повело бы к очень неравномерному распределению вследствие того, что в каждом отдельном случае устанавливались бы очень неравномерные соотношения между случайным количеством поселенцев и величиной данного поместья. При первоначальном поселении всегда фактически отчуждались две трети земли, причем излишки попадали в руки хунно или какого-либо другого предводителя группы германцев, который, как мы это видели, должен был заботиться об удовлетворении некоторых определенных военных потребностей, приобретая при этом для самого себя высокое социально-экономическое положение. Пришедшим позднее этих преимуществ уже не предоставляли. Если их призывали на войну, то обязанность их снаряжения падала на графа.

КОРОЛЕВСКОЕ ДАРЕНИЕ И «ГОСТЕПРИМСТВО»

Ст 54-я «Бургундского закона» предписывает, чтобы тот, кто получил благодаря щедрости короля землю и людей, не мог помимо того требовать себе двух третей земли и одной трети рабов «в том месте, где ему оказано гостеприимство». Каким образом человек, получивший от короля в дар поместье, где бы он ни жил, мог бы еще в каком-либо ином месте быть «гостем» (hospes)? Два объяснения кажутся нам возможными.

Могло случиться, что понятие «гостя» настолько сильно изменилось, что оно уже не обозначало фактически расквартированного, но обозначало того, кто пре-

тендовал на определенные отчуждения и уступки в качестве расквартированного. Таким образом, избегали того обходного пути, пользуясь которым possessors сперва отдавали то, что они должны были отдать, центральному органу, а тот в свою очередь делил это между сотнями. Предводители сотен (или их частей) шли непосредственно к тем, кто обязан был производить отчуждения, но при некоторых обстоятельствах злоупотребляли этим правом требовать отчуждения земель.

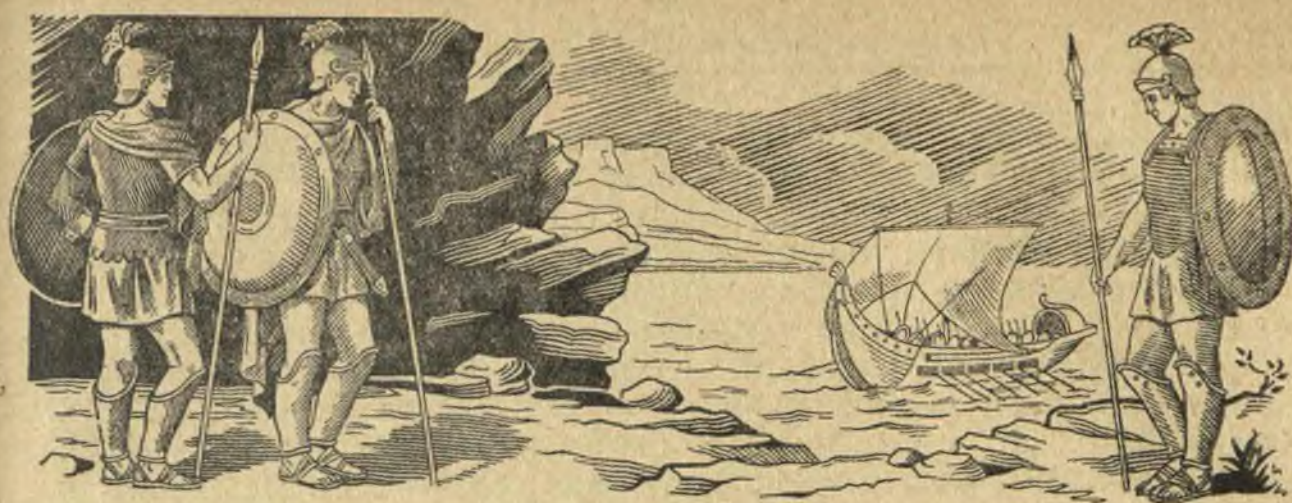
Другим и, пожалуй, лучшим объяснением является то, что гостеприимство (*hospitalitas*) означает здесь расквартирование в древнем смысле, которое произошло ранее, чем данное лицо получило свой земельный дар от короля. Принимая во владение эти пожалованные земли, он все еще утверждал существование своего права на расквартирование там, где он им пользовался раньше, и выводил отсюда свою претензию на раздел.

Помимо этого, из приведенного выше постановления косвенным образом вытекает еще и то, что фактически подвергалась разделу не вся территория области, но лишь определенные избранные поместья, так как эта статья признает, что римляне незаконным образом принуждались к дележу. Конечно, это не могли быть отдельные привилегированные лица, ибо те же самые обстоятельства и отношения, которые создали их привилегии, без сомнения, защитили бы их также и от незаконного ограбления. Это постановление становится понятным лишь в том случае, если были целые разряды или группы таких римлян, которые не обязаны были производить раздела.

Генр. Бруннер также и во втором издании своей «Истории германского права» (Heinr. Brunner, «Deutsche Rechtsgeschichte») не дает ясной картины природы и процесса «занятия земли» германцами. Он твердо придерживается своего представления, что поселения прежних и новых жителей перемежались друг с другом, как поля шахматной доски, хотя число германцев и было для этого слишком мало. С другой же стороны, теперь уже и Бруннер признает (стр. 74, прим. 4), доказывая это новым и ценным свидетельством, что дворы колонов не подвергались разделу. Помимо крупных земельных владений, на которые по преимуществу ложились убытки по проведению в жизнь этого мероприятия (стр. 74), подвергались разделу также и средней руки поместья. Но получал ли таким образом каждый бургунд две трети целого имения? В таком случае их число было бы даже гораздо меньше того, которое я принял. И, как нам это кажется, Бруннер, действительно, из фразы закона «народ наш... две части земли получил» хочет сделать тот вывод, что каждый бургунд получил такую долю земли.

Мне не удалось установить, против кого направлена фраза (стр. 76): «как будто бы право гостеприимства (*ius hospitalitatis*) подняло всех германцев до уровня землевладельцев, которые могли вести жизнь раньше благодаря податям, получаемым ими от переданных им колонов».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИМПЕРАТОР ЮСТИНИАН И ГОТЫ

Глава I

Военное дело при Юстиниане

ВТО ВРЕМЯ как мы очень скудно осведомлены относительно истории II и III столетий, в IV веке — от сражения при Страсбурге и до сражения при Адрианополе — Аммиан Марцеллин дает нам возможность более подробно изучить и осветить историю этого периода. V столетие опять является молчаливой эпохой, а в VI веке снова еще раз появляется исторический писатель крупного стиля — Прокопий Кессарийский, которому вместе с его продолжателем Агацием мы обязаны историей войн Велизария и Нарсеса и рассказом о гибели вандалов и остготов.

Прокопий был секретарем Велизария и провел вместе с ним большую часть его походов, находясь в свите этого полководца. Он был не только прекрасно образованным человеком, но, кроме того, учился на великих образцах, на Геродоте и Полибии, подражая им. Его критические способности незначительны, но это еще не причиняет особенно большого вреда его ценности как исторического источника. Ведь мы с этим явлением встречаемся не только у Геродота; даже критическую способность самого Полибия мы оценили значительно ниже, чем это до сих пор обычно делали исследователи. Но если даже, оставляя в стороне этот недостаток Прокопия, мы все же в нем многого не находим, и он в качестве исторического источника дает нам не столь обильные и не столь доброкачественные сведения, как на то можно было надеяться, то это объясняется применительно к целям нашего исследования не неправдоподобностью его рассказов (впрочем,

и эту возможность не следует считать совершенно исключенной) или же его односторонностью¹. Причина этого заключается в том, что хотя и исчезла та риторика, которая превратила Тацита в почти непригодный с военной точки зрения исторический источник, но все же осталась склонность писателя, вместо того чтобы заставлять события говорить их собственным языком, стремиться к тому, чтобы его рассказы производили впечатление даже за счет объективных фактов. Читая Прокопия, мы довольно часто вспоминаем Геродота. И если бы было только это, то он был бы в качестве источника гораздо более ценным, чем отец истории, так как тот черпал лишь из уст народной молвы, Прокопий же — из собственных наблюдений и непосредственно у действующих лиц, у полководцев. Но все же Геродот чаще бывает ближе к истине, нежели Прокопий, ибо в своих описаниях он воздерживается от собственных прикрас, в то время как Прокопий стремится по собственному усмотрению создавать соотношения фактов и рисовать образы и даже, хотелось бы сказать, яркие картины. Я сравнил бы оба типа описаний с натуральным и стилизованным изображением растения или животного. Первое изображение показывает природу, насколько это удалось сделать художнику, второе же изображение, стиснутое в определенных формах, дает возможность лишь косвенным образом узнать природу. Как ни близок был Прокопий к событиям и как высоко ни следует ценить его произведения, все же им как источником следует пользоваться лишь с максимальной осмотрительностью и осторожностью².

Процесс превращения древних императорских легионов в шайки наемников, который мы хотя и можем наблюдать уже в IV столетии и о наличии которого мы можем делать косвенные заключения, но который мы в эту эпоху, благодаря состоянию источников, можем видеть лишь как бы сквозь какую-то вуаль, этот же самый процесс в VI столетии, благодаря рассказу Прокопия, выступает ясно и отчетливо перед нашим взором, освещенный ярким светом истории³. Полководцы и генералы, как это правильно было замечено, являются в эту эпоху в то же время и кондотьерами — в том смысле, в каком это слово употребляется в более позднюю эпоху. Они окружены войсками, которые ими завербованы их собственным именем и которые носят название «гипаспистов» или «буккелариев» (*buccellarii*). Их нельзя назвать «телохранителями», так как их число достигает нескольких тысяч. И в то же время эти войска равным образом не служат и для целей «охраны». Их смысл скорее заключается в том, что наемниками легче управлять, если предводитель является в то же время и предпринимателем, посредником, организующим военное дело. Собственно личное окружение полководца образуют: дорифоры, которых можно назвать в одно и то же время штабом, адъютантами, ординарцами и телохранителями. Наряду с отрядами ги-

¹ A. Auler, «De fide Procopii in sec. bello Persico Justiniani I imp. e narrando», Diss. Bonn. 1876.

² К той же самой эпохе, как и Прокопий, относятся два теоретических трактата, которые сами по себе дают мало материала, но имеют значение для проверки, дополнения и опровержения Прокопия. Это трактат Урбикия (*Orbikiós*) и трактат анонима под заглавием «О действиях полководца». О них см. Jaehns, «Geschichte der Kriegswissenschaft», I, S. 141 ff. Rüstow-Koehly, «Griechische Kriegsschriftsteller» II, 2.

³ «De Justiniani Imperatoris aetate quaestiones militares scripsit Conradus Benjamin», Berlin. Dissert. 1892. W. Weber.

паспистов, национальный состав которых неясен, в войсках Юстиниана мы находим самые разнообразные племенные ополчения: гуннов, армян, исавров, персов, герулов, лангобардов, гепидов, вандалов, антов, славян, арабов, мавров и массагетов.

Действующие войска очень незначительны. У Велизария было 25 000 человек, когда он одержал свою победу над персами при Дарасе (530 г.). Он высадился в Африке, имея не более 15 000 человек, из которых ему было достаточно 5 000 всадников, бывших в данный момент в его распоряжении, для того чтобы победить вандалов в открытом поле. Еще меньше было то войско, с которым Велизарий отправился в Италию, чтобы разрушить там остготское государство, спустя 11 лет после смерти Теодориха. Это войско насчитывало не более 10 000—11 000 человек. Со всеми подкреплениями, прибывавшими в течение пяти лет, все же в конце концов эта армия, свергшая в 539 г. владычество готов в Италии, достигала едва лишь 25 000 человек. И едва ли таким же количеством войск обладал Нарсес, когда он, после того как готы снова оправались после этого поражения, переправился через море, чтобы начать борьбу с Тотилой. В решительном сражении при Тагине он имел лишь около 15 000 человек.

Современник этой эпохи писатель Агаций (V, 13) считает, что вся совокупность римских войск должна была бы насчитывать в общей сложности 645 000 человек, но что, однако, при Юстиниане фактически имелось налицо всего лишь 150 000 человек¹. Первое исчисление, возможно, основывается на каких-нибудь древних штатных списках вроде «Расписания должностей» и не имеет для нас никакой цены. Второе же исчисление нам не кажется невероятным, в особенности если мы вспомним, что мы исчислили войско Августа в 225 000, войско Северов, может быть, в 250 000 человек и что половина империи к этому времени была уже потеряна. Если же мы сравним эту цифру с теми войсками, которые фактически появлялись на полях сражений и численность которых, благодаря свидетельствам источников, нам хорошо известна, причем эти цифры согласуются между собой, то нам станет ясно, что 150 000 человек для действительного постоянного войска является, несомненно, преувеличенной цифрой. Если в основе этого исчисления вообще лежат какие-либо свидетельства источников, то, очевидно, эта цифра может быть объяснена лишь тем, что в это количество войск были включены также и все пограничники² (*limitanei*), которые были совершенно неприменимы для настоящих боевых операций.

Рассказ Прокопия (IV, 26) о мобилизации того войска, при помощи которого Нарсес должен был нанести и нанес решительный удар Тотиле, чрезвычайно характеризует способ составления войск в эту эпоху, те разнообразные народы, которые входили в их состав,

¹ Mommsen, «Hermes», 24, 258.

² Юстиниан еще пытался сохранить организацию «пограничников», а в Африке он их даже заново организовал. Соответствующий эдикт даже перешел в кодекс и благодаря этому сохранился до нашего времени (Mommsen, «Hermes», 24, S. 200). Но этим людям не могло быть выплачено то жалованье, которое им было обещано и которое им полагалось наряду с предоставленными им землями, так как наличные средства в слишком большом количестве поглощались другими расходами. Наконец, Юстиниан лишил их, кажется, наряду с жалованьем даже и значения в качестве солдат (Прокопий, «hist. arc.», 24, по Моммсену, «Hermes», XXIV, 199). Согласно другим, это относится лишь к Востоку.

и то обозначение войсковых частей не по номерам легионов или по какой-либо иной схеме но по именам предводителей, которым они принадлежали. Этот рассказ гласит¹:

«Нарсес вышел из Салоны и направился против Тотилы и готов со всем римским войском, которое достигало огромных размеров. Император дал в его распоряжение соответствующие крупные средства. Поэтому он, с одной стороны, смог собрать прекрасное войско и в достаточной мере озаботиться удовлетворением всех прочих военных потребностей, а с другой — он смог также уплатить солдатам в Италии всю ту задолженность, которую в течение непозволительно долгого времени накопил император, вместо того чтобы, как обычно, выплачивать им из государственной казны твердо установленное жалованье. У него было даже достаточно средств для того, чтобы переманить к себе тех, которые перебежали на сторону Тотилы, и, соблазнив их звонкой приманкой, снова вернуть их в лоно империи. В то время как император Юстиниан вел сперва эту войну без особенного рвения, уже в самом конце он стал вести ее со значительным напряжением. И когда Нарсес заметил, что придется идти в Италию, то он обнаружил такое честолюбие, которое обычно свойственно полководцам. В ответ на приглашение императора он ему объявил, что лишь тогда выполнит его волю, когда в его распоряжение будут предоставлены достаточные боевые силы. Таким образом, ему удалось получить от императора деньги, людей и военное снаряжение в таком количестве, которое соответствовало достоинству Римской империи, и, проявляя неутомимую энергию, он собрал прекрасное войско. Он взял с собой из Византии очень многих солдат, а также привлек очень большое число воинов из Фракии и Иллирии. К нему также примкнул и Иоанн со своими собственными войсками и с теми, которые ему оставил его тесть Герман. Далее, при помощи богатых подарков, посланных императором Юстинианом, а также благодаря заключению союзного договора, удалось склонить короля лангобардов Аудуина к тому, чтобы выбрать из состава своей свиты 2 500 храбрых воинов и послать их в качестве подкреплений Нарсесу, снабдив их 3 000 щитоносцев. Затем вместе с Нарсесом были отправлены более 3 000 из племени герулов, которыми наряду с другими командовал Филемут, многочисленные гунны, Дагистей со своей свитой, выпущенный ради этого из тюрьмы, много персидских перебежчиков под начальством Кабада, сына Цамеса и внука персидского царя Кабада, который, как я это уже раньше рассказывал, при помощи Хонаранга убежал от преследований своего дяди Хозроя и перешел в то время на сторону римлян; затем Асбад, молодой гепид, отличающийся выдающейся храбростью, с 300 своих соплеменников, которые также были храбрыми воинами; герул Арут, с юности воспитанный в римском духе и взявший себе в жены дочь Маврикия, сына Мунда, который, будучи сам храбрым воином, был окружен многочисленными столь же храбрыми герулами; наконец, Иоанн, получивший прозвище Пожирателя, который нами уже часто упоминался, со своим отрядом опытных в военном деле римлян. Нарсес сам по себе обладал необычайной щедростью и охотно открывал перед каждым просителем свой кошелек, а так как он получил от императора большие средства, то тем легче мог следовать этой своей склон-

¹ По переводу Coste, «Geschichtsschreiber der deutschen Vorzeit».

ности к раздачам. Ввиду того, что уже с прежних времен многие командиры и солдаты почитали его в качестве своего благодетеля, все они, — лишь только стало известно его назначение на должность верховного главнокомандующего всеми войсками, действующими против Тотилы и готов, — стали тесниться к нему, пылая подлинным рвением и стараясь поступить к нему на службу отчасти для того, чтобы выплатить ему долг своей благодарности, а отчасти, вполне естественно, заслужить у него богатую награду. Особенно же расположены были к нему герулы и прочие варвары, благосклонностью которых он заручился при помощи особенной щедрости».

В этом описании не чувствуется даже слабого веяния римской культуры. Но достаточно изменить лишь некоторые имена, чтобы нам показалось, как будто мы читаем, что Валленштейн, снова вызванный императором, двигается с большой армией против Густава-Адольфа.

Непосредственная боевая сила, боеспособность этих пестрых войсковых отрядов не оставляла желать лучшего. Основным недостатком этого войска наряду с его малочисленностью, — ведь это войско Нарсеса, мощь которого описана такими яркими красками, повторяю, насчитывало в общей сложности всего лишь 25 000 человек, — был недостаток дисциплины.

С того момента, как древнее римское войско начинает превращаться в варварское, раздаются жалобы на требования солдат и на тот вред, который они причиняют стране. Император Песценний Нигер (ум. в 194 г.) приказал, если позволительно будет привести его слова в таком вольном переводе, чтобы «солдаты были довольны своим солдатским хлебом»¹. Аналогичный приказ издал Аврелиан (ум. в 275 г.): «Пусть никто не похитит чужого петушка и никто не дотронется до чужой овцы. Пусть никто не унесет виноградной лозы, не обмолотит чужого хлеба и не требует масла, соли, дров, но будет доволен своим хлебом»². В войсках VI столетия уже едва ли поднимали шум из-за таких мелочей, что солдат захватил с собой курицу, овцу, несколько виноградин или потребовал себе масла, соли или дров.

Прокопий восхваляет в качестве настоящего чуда и необычайной заслуги Велизария то обстоятельство, что римляне вошли в Карфаген в полном порядке, «в то время как обычно римские войска никогда не входили спокойно в собственный город, даже тогда, когда их было всего только 500 человек». Но это же самое войско после захвата лагеря вандалов настолько забывает дисциплину и так беспутно своевольничает, потеряв страх перед своим полководцем, что Прокопий принужден опасаться, как бы при наступлении неприятеля не погибло целиком все войско. Так же своевольно, недисциплинированно и непокорно вело себя впоследствии и войско принца Германа. Велизарий, вследствие недисциплинированности своих войск, дрожит за Неаполь, а Нарсес принужден после своей победы раньше всего отослать домой лангобардские вспомогательные войска³.

Прокопий рассказывает (III, 30), что гарнизон, оставленный Велизарием в Риме, упрекнул своего начальника Конона в том (в 548 г.), что он нажился на поставках, причинив им этим убытки. После этого солдаты убили Конона и послали нескольких священников в качестве

¹ Спартиан, гл. 10.

² Фописк, гл. 7.

³ Dahn, «Procop von Caesarea», S. 395.

послов к императору объявить ему, что они перейдут на сторону Тотилы и готов, если им не будет дарована амнистия и если им в определенный срок не будет выплачена задолженность по жалованью. Император согласился и выполнил их требования.

Фактически очень большая часть солдат, при помощи которых Велизарий завоевал Италию, перешла на сторону готов, как только после отозвания Велизария из Италии там снова распалась римская власть и Тотила вновь восстановил государство готов.

Когда Тотила осадил Кентумкеллу (в 549 г.), то велел сказать римскому гарнизону, что не стоит ждать помощи от римского императора и надеяться на то, что он снимет осаду. Со своей же стороны Тотила предлагал им свободное возвращение в Византию или такое же право на вступление в войско готов. Наемники отказались от такого перехода на сторону готов, так как у них в Римской империи были жены и дети, с которыми они не хотели расставаться. Равным образом они отказались от немедленной передачи города, так как у них не было к тому основательной причины ввиду того, что они ведь хотели остаться на службе у императора. Но все же они заключили соглашение, по которому им разрешалось отправить послов к императору, чтобы описать ему их положение. Если же к определенному дню к ним не подоспеет помощь, то они согласны передать город.

Императорские наемники переходили не только на сторону германцев, но даже и на сторону персидского царя, в особенности же сами германцы. Дважды нам об этом сообщает Прокопий (в *Pers.*, II, 7; II, 17). Германские воины, находясь в пределах Римской империи, все еще могли надеяться на то, что им удастся соединиться со своими соплеменниками или хотя бы еще один раз соприкоснуться со своей родиной. Но переход к персам показывает нам, как это наемничество уже окончательно порывало все нити национальных и общественных связей.

И наоборот,— также и готы Витигеса и Тотилы были готовы вновь поступить на службу к императору, если дело доходило до этого и не было другого выхода. Ведь в качестве его воинов они завоевали Италию, и даже сам Теодорих всегда признавал свое в некотором отношении подчиненное положение по отношению к императору. С пленными вандалами и готами император не мог сделать ничего лучшего, как послать их в Месопотамию, чтобы они там сражались против персов¹, а персы, перешедшие на сторону римлян, сражались в Италии против готов.

Наиболее ярким выражением этой солдатчины, оторванной от какой-либо природной почвы и существовавшей вполне самостоятельно, является факт, не имеющий себе подобного во всей мировой истории, а именно — готы, увидев, что не могут более сопротивляться Велизарии, предложили ему самому, неприятельскому полководцу, королевскую корону. Разница будет небольшая, если мы скажем, что Велизарии была предложена не столько королевская корона готов, сколько Западная империя. Мысль о том, что императорский полководец не только перейдет на их сторону, но что и народ готов беспрекословно признает его своим вождем и доверит ему верховную власть, ясно показывает, что у них в то время не было налицо даже и тени политической мысли. Однако, Велизарий остался верным

¹ Procop, b. *Pers.*, II, 17; II, 18; b. *Vand.*, II, 14.

императору и был достаточно умен для того, чтобы сказать себе, что такое построенное в воздухе господство, не обладая необходимой устойчивостью, не сможет долго просуществовать и что он сам в этой комбинации ничего не выиграет, а потому воспользовался предложением готов лишь для того, чтобы отнять у них последнюю сильную позицию.

Впрочем, уже войска древнего Карфагена были по своему составу похожи на эти войска Юстиниана. Войско Ганнибала состояло из африканцев, испанцев, балеарцев и галлов. И с ним также произошло, что часть нумидийских всадников перебежала на сторону римлян. А тех галлов, которые не захотели за ним последовать, когда он возвращался в Африку, он приказал убить. Хотя это и были лишь случайные инциденты и хотя великий пуниец все же по существу умел крепко держать своих варваров в руках, однако, это зависело не только от его личных свойств, но и от других обстоятельств. На что могли рассчитывать отпавшие от него варвары? Меньшая часть их могла себе найти применение в качестве римских вспомогательных войск, большинство же их Рим отправил бы в срочном порядке на родину. Ведь Рим еще вел свои войны посредством своих собственных сил, и римский сенат очень хорошо знал, что могло бы произойти, если бы он отправил на поле сражения вместо собственных легионов одних лишь варваров. Поэтому можно сказать, что римские национальные легионы косвенным образом принудили варваров, находившихся в карфагенском лагере, остаться верными своему долгу и знамени того полководца, призыву которого они однажды последовали. Внутреннее состояние одного войска оказывает свое влияние на внутреннее состояние другого неприятельского войска. Но все меняется, начиная с IV столетия н. э., со времени исчезновения легионов. Варвары-наемники чувствуют себя господами, и горе тому князю или полководцу, который осмелится испортить с ними отношения, применив к ним строгость.

Еще опаснее ненадежности и отсутствия дисциплины солдат является, пожалуй, недостаточное повиновение вождей, по отношению к которым полководец не имеет никакой власти, так как войска больше принадлежат не непосредственно полководцу, но именно своим вождям, будь то их племенные вожди или же кондотьеры, которые их завербовали на свои собственные средства. Прокопий нам постоянно рассказывает о том, как Велизарий и в Месопотамии и в Италии не мог осуществить своих военных планов, так как подчиненные ему командиры отказывали ему в повиновении.

В войсках классической древности мы находим принципиальное и резкое деление войска по роду оружия: на гоплитов, или тяжеловооруженную пехоту, которая составляла ядро армии, и на стоявшую наряду с ней легковооруженную пехоту—лучников или метателей дротиков. Наряду с пехотой стоит конница, вооруженная по большей части холодным оружием, реже — конные стрелки из лука. В войсках Юстиниана мы находим те же самые виды оружия, а наряду с ними также и боевые топоры или иные национальные виды оружия, встречающиеся у различных контингентов войск, но в этих войсках мы уже не находим более того же самого деления по роду оружия. Как вся пехота, так и вся конница теперь уже вооружены луком. Дальнобойное оружие и оружие для ближнего боя, легковооруженная и тяжеловооруженная пехота сливаются между собой. Даже пехота

и конница теперь уже не отделяются резко одна от другой. Пехотинцы садятся на коней, а конница сражается в пешем строю. Но все же преобладающим и решающим делом родом войска являются конные воины. Даже когда Велизарий намеревается дать неприятелю бой, сделав вылазку из осажденного Рима, то для этой цели он хочет воспользоваться одними лишь всадниками. По рассказу Прокопия (I, 28), это объясняется тем, что большинство из пехотинцев Велизария завладело конями в качестве добычи и предпочитало теперь сражаться в конном строю. Остаток же пехоты был слишком незначителен, чтобы образовать более или менее порядочную фалангу. И лишь уступая настоятельным просьбам двух предводителей, Велизарий взял, наконец, в бой также и эту пехоту. При Тагине же Нарсес поставил в центре своего расположения спешенных всадников.

Прокопий знает, что в древности холодное оружие ценили выше стрелы, а бойцов ближнего боя предпочитали тем, которые сражались на дальнем расстоянии. Но он считает, что в его эпоху это предпочтение уже не имеет больше значения (*bell. Pers.*, I, 1.), так как стрелок из лука стал теперь совсем иным. Он уже сидит на коне и целиком защищен; помимо лука и стрел, он вооружен еще мечом, а, может быть, также и копьем, и, наконец, действие выстрела из лука теперь гораздо сильнее, так как стрелок натягивает тетиву до самого уха, а не только до груди. В другом месте (I, 18) он рассказывает, что хотя персы и стреляют из лука скорее других народов, но стреляют слишком слабо, со слабо натянутой тетивой, так что их выстрелы, в отличие от выстрелов римлян, не причиняют никакого вреда защищенному человеку. Все это рассуждение должно быть отвергнуто как фактически неправильное и отнесено к тому типу рассказов, к которому относится и рассказ Полибия (ср. т. I, стр. 254) о мягких мечях галлов, которые надо выпрямлять после каждого удара. Азиатские стрелки¹ из лука славились с древнейших времен, а потому нельзя допустить, чтобы со времен Камбиза персы и парфяне в искусстве стрельбы, которое у них было искони национальным спортом, достигли меньших успехов, чем какой-либо другой народ. Дион Кассий ясно говорит (40, 22), что стрелы персов проникали даже сквозь щит и вооружение, а на одном изображении Хозроя II мы видим персидского царя скачущим на коне и натягивающим тетиву своего лука вплоть до самого уха².

Рассуждения Прокопия повторяют лагерные разговоры скорее хвастливых, чем умных или исторически образованных солдат. Сама проблема ими не затрагивается. Даже наилучший стрелок, вооруженный самым лучшим луком, будь то перс или римлянин, лишь крайне редко и лишь на очень близком расстоянии фактически пробивал предохранительное вооружение противника. В «Руководстве для стрельбы из лука», которое относится как раз к этому времени³, предписывается направлять стрелы не прямо против неприятельской линии (следовательно, в таком случае целились бы в ноги лошадей), но на-

¹ Ср. т. I, стр. 75. См. Luschan, «Ueber den antiken Bogen. Festschrift für Benndorf», 1898. Jaehns, «Trutzwaffen». См. всю весьма поучительную главу о луке и стрелках (третья степень). Ср. также т. III, ч. 3-я, гл. 8 «Английская стрельба из лука». Там снова появляется весь этот рассказ.

² Воспроизведено у Diehl, «Justinien et la civilisation byzantine», p. 209.

³ Köchly und Rüstow, «Griechische Kriegsschriftsteller», II, 2, S. 201. Оно относится к трактату анонима.

перекося, так как каждый воин спереди должен закрываться своим щитом. Отсюда следует, что этот щит было не так легко пробить. Поэтому вопрос собственно заключается в том, каким образом произошло, что тяжеловооруженные воины всюду были снабжены луками? Этот род оружия, носивший название «катафракт», абсолютно не является новым. Уже воины Дария и Ксеркса имели такого рода вооружение. Но каким образом произошло, что этот тип борьбы, терпевший поражение в течение столь долгого времени, со времен основания государства парфян становился все более и более преобладающим? Этому вопросу мы посвятим ниже особую главу.

Правление Юстиниана отличается не только той мощной активной деятельностью, которая была при нем снова проявлена во внешней политике, но равным образом и теми большими оборонительными сооружениями, которые были созданы в эту эпоху. Мы знаем пограничную укрепленную линию (*limes*), которая защищала древнюю империю в тех местах, где граница не проходила вдоль каких-нибудь естественных преград. Юстиниан укрепил вновь завоеванные им границы в совершенно ином масштабе и совершенно иным способом. Соединительные линии не играют в них никакой существенной роли. Но этот император построил пограничные форты и крепости в таком количестве и придал им такие размеры, что их развалины возбуждают удивление. Эти крепости были не только местом нахождения войск, но в то же время должны были служить убежищем для всего окрестного населения со всем его имуществом. Налицо не имелось достаточного количества войск, чтобы образовать гарнизоны для этих крепостей, но сами пограничники (*limitanei*), которые в мирное время обрабатывали землю, должны были уметь за этими крепкими и высокими стенами защищать самих себя и всю империю. Линия этих укрепленных пунктов, предназначенная для защиты от варварских племен, тянется от Цейты в Марокко через всю Африку. В Месопотамии и Малой Азии эта линия служила для защиты от персов севернее Дуная, а на побережье Черного моря — против германцев, славян или гуннов.

Между этими сооружениями, составом, вооружением и тактикой армии существовала внутренняя связь, о которой нам также придется еще раз говорить.

ГЕРУЛЫ

Прокопий (*bell. Pers.*, II, 25, стр. 266) рассказывает про герулов, находившихся на римской службе, что они не носили ни шлема, ни панцыря, а имели лишь щит и толстый кафтан; их слуги должны были идти в бой даже без щита, который им жаловался в том случае, когда они доказывали свое мужество каким-либо храбрым подвигом.

Герулы, одетые в свои плотные кафтаны, оказываются здесь лучше вооруженными, нежели древние германцы (ср. ч. I-я, гл. II). Но я совершенно не могу поверить рассказу об их слугах. Не имея щитов, слуги не могли участвовать в сражениях, а являлись лишь простыми спутниками настоящих воинов. Пожалование щита означало, что слуга, признававшийся достойным этой чести, принимался в среду воинов.

К 3-му изданию. А. Мюллер в «*Philologus*» (1912, стр. 102) и Масперо в «*Byzant. Zeitschr.*» (1912, стр. 97) поместили исследования, посвященные организации военного дела при Юстиниане. Масперо различает федератов, союзников

и воинов. Древнее название федератов применялось по отношению к тем варварам, поступавшим на службу в римскую армию, которые, будучи завербованы поодиночке, находились под начальством римских предводителей, однако, образовывали особые части войск. Союзники — это те, которые раньше назывались федератами, т. е. те, которые являлись вместе со своими предводителями на основании международного правового договора. Воинов же вербовали или призывали внутри империи. Мюллер систематически исследует всю организацию военного дела. Но если он говорит, что Юстиниан, не чувствуя стыда и не опасаясь последствий этого поступка, не уплатил солдатам своей задолженности по жалованью и остался им должен, ссылаясь при этом на *hist. arcana*, то в этом сказывается явное непонимание им как ценности этого источника, так и характера императора и империи. Конечно, Юстиниану ничего не было бы приятнее, как аккуратно выплачивать своим солдатам жалованье, — но откуда ему было брать деньги?

Полк в войске Юстиниана назывался «каталог» (*κατάλογος*), часть которого по названию «лох» (*λόχος*), согласно Мюллеру, Прокопий отождествляет с легионом. Это является новым указанием на то, как сильно упало значение этого слова.

Глава II

Сражение при Тагинэ (552 г.)

Мы подвергнем исследованию это сражение, приведя полностью рассказ о нем Прокопия (IV, 29—32)¹ и вставив после каждого абзаца наши критические и объяснительные замечания.

Готы под начальством Тотилы пришли из Рима, а византийцы под начальством Нарсеса — из Равенны. Они встретились в Апеннингах и, будучи отделены одни от других расстоянием, не превышавшим двух полетов стрелы, они разбили друг против друга лагери в равнине, окруженной со всех сторон холмами. Начиная отсюда, рассказ Прокопия, приводимый нами буквально, гласит:

«Там находился холм небольших размеров, который оба войска очень хотели занять, так как римлянам было чрезвычайно важно обстрелять своего противника сверху, а готы в этой холмистой, уже описанной мною местности могли напасть на римское войско с тыла лишь в том случае, если бы им удалось продвинуться по дороге, проходившей как раз мимо этого холма. Поэтому этот пункт был чрезвычайно важен для обеих сторон: готам — для того, чтобы во время боя обойти противника и обстрелять его с обеих сторон, а римлянам — для того, чтобы воспрепятствовать этому. Нарсес опередил противника, выбрав из одного пехотного полка 50 человек и послав их еще до полуночи для того, чтобы занять этот пункт и удержать его за собой. Они достигли его, не встретив на своем пути неприятеля, и укрепились на этом месте. Перед холмом, около той дороги, о которой я только что говорил, и как раз против того места, где готы разбили свой лагерь, протекал ручей. Здесь и остановились

¹ По переводу Coste, «Geschichtsschreiber der deutschen Vorzeit». Ниссен считает, что это название звучало не Тагинэ, а Тадинэ.

эти 50 человек, тесно прижавшись друг к другу и построившись в фалангу, насколько это было возможно в таком узком месте. Лишь только на рассвете Тотила их заметил, как тотчас же принял решение прогнать их оттуда. Он тотчас же отправил эскадрон всадников, приказав им немедленно выбить оттуда противника. Всадники поскакали на них с большим шумом и криком, с целью опрокинуть их при первом же натиске. Но они, тесно сомкнув щиты, ожидали этого натиска, который готы пытались произвести в общей суতোлке, мешая сами себе и друг другу. Линия щитов и копий этих пятидесяти воинов была так тесно сомкнута, что им удалось блестяще отбить атаку. При этом своими щитами они произвели такой сильный шум, что лошади испугались, а всадники должны были отступить перед остриями копий. Приведенные в бешенство грохотом щитов в этом узком месте и не имея возможности двинуться ни вперед, ни назад, лошади встали на дыбы, а всадники не знали, что им нужно было делать с этой тесно сомкнувшейся группой людей, которые не колебались и не отступали, когда готы наступали на них, прищпоривая своих коней. Таким образом, первый натиск был отбит, и такой же неудачей окончилась и вторая атака. После нескольких попыток всадники принуждены были отступить. Тогда Тотила послал с той же целью второй эскадрон. Когда и этот эскадрон был отражен так же, как и первый, то на его место был отправлен третий. Таким образом, Тотила направил туда один за другим целый ряд эскадронов. Когда же всем им ничего не удалось достигнуть, то Тотила прекратил, наконец, эти попытки. Пятьдесят воинов за свою храбрость стяжали себе бессмертную славу; в особенности же в этом бою отличились двое мужей, Павел и Авзила, которые выскочили из фаланги и самым наглядным образом проявили свою храбрость».

Об этой передовой стычке мы будем еще говорить. Далее Проканий приводит те речи, с которыми оба полководца обратились к своим солдатам, и продолжает свой рассказ так:

«Войска же стояли готовые к бою и построенные следующим образом: оба войска имели прямой фронт, причем и та и другая сторона стремились сделать его как можно длиннее и как можно глубже».

Эта фраза кажется очень спорной. Можно фалангу построить глубже, тогда она будет менее длинной. Можно ее сделать длиннее, тогда она будет менее глубокой. Но невозможно построить ее одновременно и как можно глубже, и как можно длиннее, разве только если автор хотел этими словами сказать, что обе стороны действительно выставили все те войска, которые находились в их распоряжении. Даже если мы, следуя точному и буквальному смыслу слов, отнесем слова «как можно» к одной лишь глубине, все же смысл и логическая ошибка останутся теми же.

«На левом фланге римлян Нарсес и Иоани заняли позиции около холма».

Исходя из прежнего описания боя за этот холм, мы стали бы искать его приблизительно на середине между обоими войсками. Затем мы узнаем, что римляне, начиная от этого места, еще более загнули вперед свой правый фланг. Поэтому холм должен был находиться еще ближе к римскому лагерю, очень близко от него, так как оба лагеря находились друг от друга лишь на расстоянии двух по-

летов стрелы. В этом обстоятельстве следует искать объяснения тому, что готы не смогли прогнать 50 человек.

«И с ними находился цвет римского войска, а именно — помимо обычных солдат, каждый из них имел избранную свиту из дорифоров, гипаспистов и гуннов. На правом фланге стояли Валериан, Иоанн Пожиратель и Дагистей с прочими римлянами. На двух флангах находилось приблизительно 8 000 стрелков из лука из состава пехотных полков. Нарсес, поставив в середине фаланги лангобардов, герулов и других варваров, велел им спешиться, чтобы они сражались в пешем строю, и таким образом отрезал им возможность к быстрому отступлению, если бы они во время боя ослабели или перестали повиноваться».

Должны ли мы, действительно, поверить тому, что именно недоверие заставило Нарсеса приказать варварам сражаться в пешем строю? Ведь именно эти войска впоследствии дали отпор всем атакам готов. Неужели же Нарсес действительно так плохо знал свои войска? Или же эти германцы вообще были такими людьми, которыми можно было командовать лишь в том случае, когда они бывали всадниками, и все же, несмотря на это, они без видимой причины должны были сражаться в пешем строю? Эта история настолько невероятна, что можно, пожалуй, допустить два предположения: либо это были профессиональные пехотинцы, которых Прокопий по какому-то недоразумению превратил в спешенных всадников, либо же данное расположение войска основывалось на какой-нибудь объективной причине, разъясняющей все дело, причем тот рассказчик, который поведал эту историю Прокопию, или не понял этой причины, или же замолчал ее вследствие какой-нибудь пикантной лагерной сплетни.

«Нарсес выдвинул вперед лишь крайний левый фланг своего расположения, построив его тупым углом и поместив там 1 500 воинов. Из этих людей 500 человек получили приказ немедленно спешить к тому пункту, где римляне потерпят поражение, а остальные 1 000 человек были предназначены для того, чтобы обойти пехоту неприятеля, как только она вступит в бой, и напасть на нее одновременно с двух сторон».

Резерв, предназначенный для того, чтобы приходить на помощь в любой пункт, где чувствуется необходимость в такой помощи, собственно говоря, не должен помещаться на крайней, а тем более на выступающей части фланга. Такой резерв может находиться лишь позади центра. Но все же можно понять, в чем здесь дело. Холмы, замыкавшие долину с обеих сторон, очевидно, были такими крутыми и высокими, что обойти римское войско было невозможно. Единственным местом, где можно было подняться, была та дорога, которая, находясь между одиночным холмом и рядом холмов сбоку, — следовательно, справа от холма, если смотреть со стороны готов, — вела на высоты. Позади этого ущельеобразного подъема Нарсес и расположил своих 1 000 всадников, которые при атаке неприятельской пехоты должны были напасть на нее с фланга, а позади этих 1 000 всадников он держал в резерве еще 500 всадников, которых он оставил в своем личном распоряжении. Выступ фланга был очень незначительным, следовательно, эти 500 всадников были фактически расположены таким образом, что они в случае нужды могли бы притти на помощь даже и центру.

«Тотила соответственным образом построил свое войско. Он проехал вдоль всего фронта, призывая солдат к мужеству и внушая им словами и выражением

лица быть храбрыми. На другой стороне то же самое делал Нарсес. Он приказал нести перед собой на шестах золотые браслеты, цепочки и уздечки и показывал солдатам эти вещи, а также и другие, которые должны были возбуждать в них мужество для борьбы и перед лицом опасности. В течение некоторого времени оба войска стояли в бездействии одно против другого, причем каждое ожидало наступления со стороны противника.

«После этого храбрый воин, по имени Кокас, выехал галопом из готского войска, близко подъехал к римской боевой линии и крикнул, не хочет ли кто-нибудь выйти на единоборство с ним. Этот Кокас был одним из тех римских солдат, которые раньше перебежали на сторону готов, к Тотиле. Тотчас же выступил против него один из дорифоров Нарсеса, армянин по имени Анцала, также верхом на коне. Кокас первый ринулся на своего противника, держа свое копьё наперевес и целясь им в живот, но Анцала быстро повернул своего коня, так что избежал удара. Очувтившись, таким образом, сбоку от своего противника, он вонзил ему копьё в левый бок. Тогда тот упал с коня замертво на землю, что вызвало со стороны римлян громкий крик. Несмотря на это, оба войска сохраняли спокойствие. Тотила же выехал один на пространство, находившееся между двумя армиями, не для того, чтобы вызвать кого-нибудь на единоборство, но чтобы выиграть время. Так как он получил сообщение, что 2 000 готов, которые с ним еще не соединились, уже находились поблизости от него, то он не хотел начинать сражение до их прибытия и проделал следующее. Сначала он хотел показать неприятелю, что он за человек. На нем было богато украшенное и блистающее золотом вооружение, а над его шлемом и копьём развевались пурпуровые султаны необычайной красоты, как это и подобает королю. Сидя на великолепном коне, он на этом пустом пространстве с большой ловкостью проделал джигитовку. Сперва он заставил своего коня проделывать изящнейшие повороты и вольты. Затем он на полном галопе бросал свое копьё высоко в воздух и снова ловил его за середину, когда оно, колеблясь, падало вниз. Он ловил его то левой, то правой рукой, искусно меняя руку, причем показывал свою ловкость, спрыгивая с коня спереди и сзади, а также с обеих сторон, и снова прыгая на своего коня, как человек, который с молодости был обучен искусству мажестивной верховой езды. В таких упражнениях он провел целое утро. Чтобы затем еще более оттянуть начало сражения, он отправил герольда к римской армии с предложением начать переговоры. Но Нарсес отклонил это предложение. Пока было много времени для переговоров, Тотила обнаруживал свое стремление к войне, теперь же на поле сражения, он стремился начать переговоры — это уже не могло ввести в заблуждение».

Но почему же Нарсес, который не дал себя обмануть хитростями гота, хотевшего лишь выиграть время, не начал сам наступления? Единоборство Кокаса и Анцалы и рыцарские упражнения готского короля перед лицом обеих армий читаются с интересом. Вполне вероятно, что Тотила стремился выиграть время, так как он поджидал еще 2 000 всадников, но что для одного было выигрышем времени, для другого означало лишь потерю времени. Если мы весь этот рассказ не будем считать сказкой, то должны будем допустить, что Нарсес должен был исходить из тактических соображений, сохраняя оборонительную позицию и предоставляя своему противнику инициативу наступления, но Прокопий упустил сообщить нам эту причину.

«Между тем эти 2 000 готов прибыли. Когда Тотила узнал, что они уже находятся в лагере, то отправился в свою палатку, так как уже наступило время обеда. Готы также оставили свои позиции и отошли назад. При своем прибытии Тотила увидел этих 2 000 всадников и приказал, чтобы все солдаты начали обед».

Здесь мы должны вновь повторить вопрос, почему Нарсес не воспользовался необычайно благоприятным моментом, когда готы покинули свое боевое расположение и возвратились в лагерь, чтобы напасть на них, двинув вперед свое войско? Ведь все эти события разъигрались непосредственно перед боевой римской линией, на глазах у римлян.

Вопросы, которые нами до этого ставились, объясняются одним и тем же представлением и потому указывают на него, как на то утешительное связующее звено всей цепи событий, которое одновременно заполняет все пропуски. Именно — мы должны принять, что Нарсес обладал превосходной оборонительной позицией и определенно рассчитывал на то, что Тотила нападет на него и принужден будет на него напасть. Поэтому он и расположил в центре пехоту, состоявшую из спешенных всадников или усиленную последними. Поэтому он и ожидал наступления. Этим объясняется также то, что он оставался бездеятельным зрителем кавалерийских упражнений готского короля. А этот в свою очередь провел все утро в мелких стычках и ложных атаках для того, чтобы дать подойти своим подкреплениям, держа в то же время свои главные силы на таком далеком расстоянии, чтобы в случае наступления неприятеля можно было бы еще организовать правильное отступление. И это было выполнимо, так как он располагал более сильной кавалерией.

«Он сам надел другое вооружение и приказал всем приготовиться к бою. Затем он тотчас же повел свое войско против неприятеля в надежде опрокинуть его и затем разбить. Но про римлян ни в каком случае нельзя сказать, что они были совершенно не подготовлены, так как Нарсес, правильно предвидя то, что впоследствии действительно произошло, приказал подготовиться к нападению, чтобы никто не смел готовить обеда, отдыхать, снимать с себя хотя бы часть своего вооружения и разнуздывать своего коня. Но в то же время солдаты не остались без еды и без питья. Сохраняя свой боевой порядок, они позавтракали, ни на одно мгновение не переставая наблюдать за наступлением противника. Помимо этого, было изменено боевое расположение: Нарсес приказал загнуть полумесяцем оба фланга, на каждом из которых стояло по 4 000 пеших стрелков из лука».

Хотя и возможно, что Тотила надеялся на то, что римские войска оставят свои позиции, когда главные силы готов, вместо того чтобы двинуться против них, вернутся назад в свой лагерь, однако, он вряд ли мог ожидать, что Нарсес окажется невнимательным и даст напасть на себя внезапно, находясь лицом к лицу со своими противниками. Хотя подобное иногда и происходило, как, например, при Муртене в 1476 г., но это основывалось не на расчете; здесь сыграли роль особые обстоятельства.

То, что римские лучники были выдвинуты вперед в форме полумесяца, следует понимать в том смысле, что они слегка выдвинулись вперед на тех холмах, которые окаймляли равнину. Они не могли быть выдвинуты очень далеко, так как такие слишком изолированные и слишком выдвинутые вперед рога были бы открыты для нападения противника.

«Вся готская пехота стояла позади всадников на тот случай, если бы всадники были разбиты; тогда пехота задержала бы бегущих и вместе с ними могла бы вновь перейти в наступление».

Если действительно вся готская пехота не имела другого назначения, как быть резервом, то отсюда следует, что она была очень слаба и что, следовательно, все готское войско в своей значительно преобладавшей части состояло из всадников.

«Все готы получили строгий приказ во время этого сражения не пользоваться ни луками, ни каким-либо другим оружием, кроме копий. Таким образом, Тотила был побежден в результате своего собственного неблагоприятия, так как он в начале этого сражения бросил свое войско навстречу неприятелю, не дав ему возможности сравниться с противником в отношении вооружения. Я не знаю, каким образом он мог дойти до этого. Римляне же пользовались, смотря по обстоятельствам боя, либо луком, либо копьем, либо же мечом и могли, таким образом, использовать все шансы. Они сражались частью верхом, частью пешком, окружая противника в одном месте, а в другом — поджидая его наступления и успешно отражая натиск своими щитами. Готские же всадники, напротив, оставив далеко позади себя свою пехоту, поскакали вперед, как бешеные, слепо доверяя силе своих копий, и, настигнув врага, пожали плоды своего собственного неблагоприятного поведения. Направив свою атаку против центра неприятельского расположения, они совершенно неожиданно для себя оказались между 8 000 стрелков из лука, так как эти стрелки, как было указано выше, постепенно выдвинулись вперед. Обстреливаемые с двух сторон, они были тотчас же приведены в смятение и потеряли многих людей и еще большее количество лошадей раньше, чем они достигли противника. Сильно ослабленные, они, наконец, вступили с ним в рукопашный бой».

То, что мы слышим здесь о тактических приемах и о вооружении римского войска, показывает, что мы находимся уже в совсем ином мире, чем тот, в котором находились древнеримские легионы. Нам еще придется говорить об этом дальше. Здесь же следует заметить, что урон, нанесенный готским всадникам неприятельскими стрелками из лука, все же не мог быть таким большим. Римляне стреляли вниз с тех холмов, которые окружали поле сражения. На самой же равнине не могло находиться никаких лучников, так как в таком случае они тотчас же были бы опрокинуты диким натиском готов. Хотя стрелять сверху вниз и было очень удобно, однако, серьезно пострадать от этих выстрелов могли, главным образом, лишь всадники и кони, находившиеся на обоих флангах наступавшей колонны. Ведь равнина должна была быть довольно большой, а дальноточность стрелы была не очень значительной (ср. т. I, стр. 83). Не только готские всадники, но и их кони были защищены панцырем (Прокопий, I, 116), причем они проскакали мимо расположения римских стрелков самым быстрым аллюром, насколько это позволяло им их тяжелое вооружение, считаем мы необходимым к этому прибавить.

В другом месте (I, 27) Прокопий утверждает, что готские всадники не знали употребления стрел и пользовались лишь мечами и копьями.

«Я не могу сказать, должны ли мы в этом сражении больше удивляться римлянам или их союзникам варварам, так как и те и другие проявили при отражении неприятельского натиска совершенно одинаковое мужество и одинаковую храбрость. Уже наступил вечер, когда оба войска вдруг пришли в движение, причем готы обратились в бегство, а римляне стали их преследовать. Наступление готов потерпело полную неудачу. Готы подались назад под натиском римлян и затем повернули фронт ввиду превосходства сил и прекрасного порядка римлян».

Готская конница произвела сплоченный удар на неприятельскую пехоту, расположение которой, судя по всем признакам, имело в от-

ношении местности какие-то преимущества, о которых Прокопий не упоминает, но о которых мы можем заключить из двух приведенных выше данных, а именно — из того, что Нарсес, во-первых, велел спешиться той коннице, которая принимала участие в этом сражении, а во-вторых — из того, что он строго держался оборонительной тактики. Очень сильным преувеличением является указание, что этот бой длился от обеда до вечера. Готы не ввели в сражение тех резервов, которыми они располагали. Все сражение было ими проведено исключительно с тем расчетом, что мощный натиск всей массы их всадников прорвет центр расположения римлян. Когда же это им не удалось, то тем самым сражение было решено в пользу римлян. Такое наступление, не поддержанное свежими силами, становится при второй атаке не сильнее, а слабее, и, таким образом, его участь фактически решается при первом столкновении. При подобных условиях нельзя себе представить, чтобы сражение могло длиться в течение нескольких часов. Если при первом столкновении всадники проникли в среду пехоты, то, значит, преимущества оказались на их стороне и пехота скоро будет разогнана конницей. Если же всадникам не удастся проникнуть, то при чисто фронтальной атаке им едва ли удастся сделать еще что-нибудь, тем более, если они подвергнутся угрозе и обстрелу с обоих флангов. Прокопий описывает это сражение как борьбу, которая длилась в течение нескольких часов. Но в таком случае мы не находим, собственно говоря, той причины, которая, наконец, вызвала перелом в пользу римлян. Однако, картина этого сражения станет для нас наглядной и ясной, если мы учтем это преувеличение и примем, что «многочисленность и прекрасный порядок» оказались тем решающим моментом, благодаря которому был отбит натиск готов.

Остается неясным, дошло ли дело до той фланговой атаки, которую Нарсес предполагал произвести на своем левом фланге при помощи 1 000 стоявших в ущельи всадников. Ведь эта атака предназначалась для готской пехоты, которой не пришлось побывать в бою. Так как эта пехота держалась в стороне от сражения, то весьма вероятно, что Нарсес повел, наконец, своих всадников в атаку на готских всадников, ударив на них с фланга, и именно этим решил участь сражения.

«Они уже не думали больше о сопротивлении, но бежали, как будто боялись привидений или как будто с ними сражалась некая высшая сила. Когда они вскоре после этого возвратились к своей пехоте, то несчастье, постепенно возрастая, стало принимать все более и более широкие размеры. Это объясняется тем, что отступление велось не в строгом порядке, без намерения собраться и возобновить сражение, или предпринять новое наступление, или сделать что-нибудь подобное, но таким бурным стремительным движением назад, что даже люди из их собственной пехоты были раздавлены.

Поэтому их пехота не раздвинула перед ними своих рядов, чтобы их пропустить, и не удержалась на месте, чтобы внести в них этим успокоение, но вместе с ними бросилась в беспорядочное бегство, причем они, точно в ночном сражении, несли друг другу смерть и гибель. Римские воины использовали этот панический ужас противника и уничтожали беспощадно всех тех, которые еще стояли на ногах, но не осмеливались ни сопротивляться, ни даже поднимать голову. Эти люди в некоторой степени сами подставляли свою шею под нож. Их страх не прекращался, но всюду, где только было возможно, принимал все более широкие размеры.